

Юрий Ситников

Главственные
Приключения

АЛИБИ для 10 «Б»

Юрий Ситников

Алиби для 10 «Б»

Майнственные Приключения

АЛИБИ ДЛЯ 10 «Б»

В классе произошло ЧП – у учительницы пропали деньги! Взять их мог только кто-то из 10 «Б». Тед вместе с друзьями пытается разобраться в этом деле.

Но в ходе расследования выясняются неожиданные подробности: оказывается, каждому есть что скрывать.

Под подозрения попадают многие, но как вычислить настоящего вора?

А еще надо успеть решить свои личные проблемы: побороть ревность, помириться с Аликсой, которая стала звездой сериала, найти пропавшего отца и не сойтись с ума от закидонов Люсики, возмущившей себя великой писательницей.

12+

ISBN 978-985-549-799-9

9 789855 497999

По вопросам реализации обращаться в «ИНТЕРПРЕССЕРВИС».

Тел. в Минске: (10375-17)-387-05-51, 387-05-55.

Тел. в Москве: (495)-233-91-88.

E-mail: interpress@open.by

<http://www.interpres.ru>

интернет-магазин OZ.by

Машинственные
Приключения

Юрий Ситников

АЛИБИ ДЛЯ «10 Б»

Минск
«Букмастер»

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)-44
С41

Серия основана в 2012 году

Ситников, Ю.

С41 Алиби для 10 «Б» : повесть : для детей сред. и стар. шк. возраста / Юрий Ситников. – Минск : Букмастер, 2014. – 224 с. – (Таинственные приключения).

ISBN 978-985-549-799-9.

В классе произошло ЧП – у учительницы пропали деньги! Взять их мог только кто-то из 10 «Б». Глеб вместе с друзьями пытается разобраться в этом деле. Но в ходе расследования выясняются неожиданные подробности: оказывается, каждому есть что скрывать.

Под подозрения попадают многие, но как вычислить настоящего вора? А еще надо успеть решить свои личные проблемы: побороть ревность, помириться с Алиской, которая стала звездой сериала, найти пропавшую актрису и не сойти с ума от закидонов Люськи, возомнившей себя великой писательницей.

12+

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-985-549-799-9

© Ситников Ю., 2014
© Оформление. ООО «Букмастер», 2014

ГЛАВА I

КЛАССНЫЙ ЧАС

Блин, ну и въедливый у нас историк! Пристал со своими датами, а у меня в голове все перепуталось, стою у доски, пытаюсь вспомнить, когда был подписан советско-китайский договор о дружбе и союзе. Память подводит. Измена! Точно помню, подписали договор в 1945 году, вот и Афоня кивает, мол, верно, теперь называй месяц и число. Месяц я тоже помню – август. А с числом – засада. Ну забыл я, что теперь меня, четвертовать, что ли, или на костре сжечь?

Афанасий Карлович смотрит на меня, как на заклятого врага, то и дело снимает свои круглые очки, протирает линзы, вздыхает. Димон что-то кричит с четвертой парты, наверняка называет дату, но я ничего не слышу, в классе слишком шумно. И Светка Парамонова пытается помочь.

– ...надцатого августа, – услышал я громкий шепот Светки.

Какого-какого? Надцатого? Ха... смешно.

– Глеб, вспоминай, – поторопил меня Афанасий Карлович и взял у Витьки Комарова айфон. – На перемене отдам.

– Афанасий Карлович, мне звонить должны, – пробурчал Витька.

В классе раздался смех.

– Витя, ты на уроке, какие звонки?!

– Личные.

Снова смех.

– Прекратите смеяться, вы мешаєте Глебу сосредоточиться.

Светка вырвала из тетради лист и показала его мне. Я увидел цифру «14».

– Афанасий Карлович, советско-китайский договор был подписан четырнадцатого августа.

– Соизволил-таки вспомнить. Садись. Четыре.

– А почему четыре, Афанасий Карлович? – спросила Светка. – Он же вспомнил.

– Слишком поздно вспомнил, – ответил Афоня, выводя в журнале четвертку. – Так, теперь место Озерова у доски займет... займет... – он начал водить ручкой по столбцу фамилий.

В классе мгновенно воцарилась тишина, все смотрели на Афоню и ждали, кого тот выберет следующим «счастливым».

– Крылов!

Димон стукнул ладонью по парте.

– Черт, так и знал.

– Давай, Димон, – усмехнулся я. – Не подкачай.

– Глеб, – крикнул сзади Витька.

– Чего?

– Тебе от Светки.

Я обернулся, протянул руку, взяв у Комара смятый лист бумаги. Потом посмотрел на Светку, она улыбнулась, смутилась. Елы-палы, нашла через кого записку передать. Комар наверняка в нее нос успел засунуть. Я снова покосился на Витьку. Точно, прочитал.

Урод! Сидит, ухмыляется. Показав Витьке кулак, я развернул тетрадный лист. «Глеб, ходим сегодня в кино?» – писала Светка.

Писать ответ я не стал, дождался, когда Светка посмотрит в мою сторону, и кивнул. Она кивнула в ответ. И в этот момент класс разразился громким смехом. Все ясно, Димон что-то ляпнул не подумав. Даже Афоня не смог сдержать смешок.

– Садись. Три.

До звонка оставалось минут пять, Афоня начал писать на доске домашнее задание, когда в классе появилась Нина – наша классуха, она же училка по русскому и литературе. Из всех учителей Нина Владимировна выделяется тем, что умеет находить общий язык с учениками. Нина никогда не повышает голоса, не оскорбляет, не читает нудных нотаций. Говорит спокойно, тихо, иногда ее не сразу услышишь, но говорит так, что любой, будь то ботаник, как Сонька Яковлева, или полный пофигист наподобие Витьки Комарова, понимают ее с полуслова. За это мы нашу Нину уважаем, и, пожалуй, она единственная из учителей, которую не наградили прикольной кликухой. Так и называем ее – Нина. За глаза, разумеется.

Нина Владимировна вошла в кабинет истории, бегом скользнула взглядом по Афанасию Карловичу и, заламывая себе пальцы, обратилась к классу:

– Я отниму у вас одну минуту.

– Пожалуйста, – буркнул Афоня, вытерев о влажную тряпку перепачканные мелом пальцы.

– Ребята, сегодня после седьмого урока будет классный час.

– Ну-у-у! – раздалось со всех сторон.

- Нина Владимировна!
- Блин, опять классный час!
- Так не честно.

– Ребята! Ребята, – Нина Владимировна сильно нервничала, постоянно сглатывала и чувствовала себя явно не в своей тарелке. – Я прошу вас не расходиться. Все, вы предупреждены. Я вас жду. Извините, Афанасий Карлович. – Нина Владимировна вышла.

– Перепишите домашнее задание, – протянул Афоня. – Комаров! Где учебник, где тетрадь, с какой стати ты уже собрался? До конца урока еще... две минуты. Записывай домашнее задание.

- Я запомню.
- Имей в виду, на следующем уроке буду спрашивать.
- Как страшно, – прошептал Витька.

Димон толкнул меня локтем.

– Глебыч, неспроста Нина классный час собирается проводить.

Прозвенел звонок. Все рванули со своих мест.

– Стулья! Стулья задвигайте, – говорил Афоня, но его никто не слушал. Какие стулья – звонок прозвенел. Перемена!

В коридоре к нам подошли Светка с Маринкой.

- Глеб, в семь за мной зайдешь, да?
- Зайду.
- Куда намылились? – спросил Димон.
- В киношку. Пошли с нами.

Димон пожал плечами.

- Надо будет у Люськи спросить.
- Если что, в семь у моего подъезда. Как думаете, за фигом нас Нина после уроков собирает?

– Понятия не имею.

– Слушайте, – Марина пошла к окну, и мы двинули за ней. – Я на первой перемене была в учительской и краем уха слышала, что с нашей поездкой в зимний лагерь облом может выйти.

– Да ладно, Марин!

– Вроде деньги надо было сдать еще на той неделе, а Нина думала, что в конце этой.

– Подожди, так еще целый месяц впереди.

– Ко мне какие претензии, говорю, что слышала.

– Капец, – разозлилась Светка. – Получается, мы можем пролететь с поездкой, Нина тоже хороша, целый месяц деньги собирала, а сдать вовремя не смогла.

– Не ее вина, – возразил Димон. – Вспомни, как деньги собирали. Все до последнего тянули, я сам только в понедельник принес.

– А я одна из первых сдала, – сказала Светка.

– Ладно, ребят, чего гадать, на классном часе узнаем. Какой у нас сейчас урок?

– Физика.

– О! – протянул Димон, закатив глаза. – Обожаю физику. Кто даст домашку списать?

Классный час начался с десятиминутным опозданием, ждали Витьку и Маринку.

– Они не могли уйти домой? – спросила Нина Владимировна.

– Нет, они в столовке.

– До дома потерпеть не могли, – язвительно сказала Сонька, отличница.

– Представь себе, не могли, – огрызнулась Светка. – У Маринки гастрит, ей надо через каждые два часа есть.

– С гастритом не курят, – ехидно заметила Сонька, не поворачивая головы. – А Маринка иногда на переменах в туалете дымит.

– Че ты гонишь, Яковлева?

– Не гоню. Это правда.

– Ты видела?!

– Видела, – Сонька повернулась к Светке, улыбнулась и как бы между прочим заметила: – Она не одна курит.

– Слушай, Яковлева, ты не просто стукачка, ты суперстукачка.

– Девочки, – взмолилась Нина Владимировна. – Ну перестаньте.

Я переглянулся с Димоном. По ходу, Нина даже не услышала, о чем говорили Сонька со Светкой, иначе обязательно бы устроила Соньке допрос с пристрастием.

Когда в класс ввалились довольные Маринка и Витька, их встретили бурными аплодисментами. Витька начал раскланиваться, Марина, смеясь, прошла за парту, протянув Светке пирожок.

– Все в сборе, – сказала Нина, встав из-за стола. – Можно начинать.

– Нина Владимировна, вы нас заинтриговали, что случилось?

– Ребята... дело касается вашего отдыха.

– Я же говорила, – прошептала Маринка.

– Понимаете, между мной и организаторами поездки произошло недоразумение. Они ждали от нас денег на прошлой неделе, но так как деньги сдали не все, пришлось немного потянуть время. А сегодня утром выяснилось, что мы опоздали.

– А кто с деньгами тянул? – крикнул Комаров.

– Витя, сядь, пожалуйста. Мне удалось с ними договориться, проблему мы уладили, деньги можно сдать сегодня.

– Значит, оттянемся на зимних каникулах, а?

– Ребята, – Нина Владимировна выдержала паузу. – Деньги пропали.

Мы ахнули.

– Как пропали?

– Кто-то их взял из моего стола.

– Кто?

– Когда?

– Нина Владимировна, много денег было?

– Тихо, тихо, ребята. Дело не в том, сколько было, дело в другом.

– А все-таки?

– В столе было сорок тысяч рублей.

– Полицию надо вызывать, – сказала Соня.

– А Штангенциркуль уже в курсе?

– Клары Степановны сегодня нет в школе.

– Слава Богу, а то она устроила бы всем райскую жизнь.

– Это еще не все, – повысила голос Нина Владимировна. – Во время третьего урока деньги лежали в верхнем ящике стола, на пятом уроке деньги пропали.

– Свистнули во время большой перемены, между третьим и четвертым уроками.

Нина Владимировна молчала.

– Стойте, – вскочила с места Сонька. – Так ведь третьим уроком у нас была литература, а четвертым... русский язык.

Все устали на Соню. Нина Владимировна села на стул.

– Я согласна, что деньги могли взять только во время большой перемены. На переменах я всегда закрываю класс, исключение делаю только для своих учеников, то есть для вас. Ребята, я никого не хочу обвинять, но факты... Давайте решать вместе.

– Нина Владимировна, – Витька подошел к доске. – А может, деньги взяли после четвертого урока на перемене?

– Исключено. Вы ушли из класса, я всю перемену просидела за столом. Во время пятого урока открыла ящик – конверта нет.

– Офигеть! – воскликнул Димон.

– Да уж, ничего не скажешь. Вляпались конкретно.

– Кто вляпался, ты или Нина Владимировна? – спросил Витька у долговязого Стаса.

– Мы все вляпались. Теперь на нас кражу повесят.

– Ребята, выбирайте выражения. Никто на вас ничего не вешает... – Нина Владимировна запнулась. – Я не обвиняю вас, – повторила она.

– Но среди нас есть вор, – не мог успокоиться Димон.

– Почему ты исключаешь возможность, что во время большой перемены в класс зашел посторонний и взял деньги?

– Марин, ты сама в это веришь? – Димон встал. – Кто тусовался в классе на большой перемене?

– Да все тусовались, одни входили, другие выходили.

– Я не выходил из класса, – сказал Витька. – И Катюха с Надькой всю перемену в классе проторчали.

– Ну да, – подтвердила Надя.

– А посторонние заходили в класс? – с надеждой в голосе спросила Нина Владимировна.

– Нет! – пробасил Комар.

– Посторонних точно не было, – ответила Катя.

– Тю-тю наши денежки, – засмеялся Стас. – Сами из ящика выпрыгнули и убежали.

– Очень смешно, Стасон.

– А что мне плакать, что ли.

– Ребята, это какое-то чудовищное недоразумение. Я... я не знаю, что думать. Деньги я, конечно, вам верну, каждому, но дело ведь в самом факте их исчезновения. Произошла кража!

– В зимний лагерь мы не едем? – спросила Соня.

– Какая ты догадливая, Яковлева, – хмыкнула Света.

– Теперь Штангенциркуль с нас не слезет.

– Это точно.

Штангенциркуль (она же Клара Степановна) – наша завучиха и училка по черчению. Вредная тетка, злая, злопамятная – гроза учеников и учителей. Клара Степановна – типичная старая дева со всеми вытекающими отсюда последствиями. Школу она считает родным домом, а себя в ней – главой семьи. Дай ей волю – дневала бы и ночевала в учительской. Узнав про кражу сорока тысяч, Штангенциркуль определенно впадет в ярость.

– Нина Владимировна, у меня есть предложение.

– Какое предложение, Витя?

– Предлагаю сейчас же, в классе, устроить шмон.

– Что?!

– Да, шмон. Пусть каждый покажет свои шмотки, мы должны быть реабилитированы в ваших глазах.

– Витя, прекрати.

– Я настаиваю.

– Комар, ты чокнулся, еще предложи до нижнего белья раздеться и пройти проверку на детекторе лжи.

– Неплохая идея, – заржал Витька. – Представляю, как это будет выглядеть. Прикиньте, начнут Соньку на полиграфе проверять, зададут ей вопрос: «Яковлева, признавайся, ты стырила деньги?» Сонька ответит: «Нет! Клянусь своими учебниками!» А полиграф выдаст: «Это неправильный ответ. Деньги стырила ты, маленькая очкастая ботанка».

– Дурак!

– Сонь, не обижайся.

– На дураков не обижаются.

– Так как насчет шмона, а?

– Комар, а где логика? – спросил я. – Шмон надо было сразу проводить на четвертом уроке. Тогда это еще могло принести результат. А сейчас... Тот, кто взял деньги, мог сто раз их перепрятать.

Все загомонили.

Нина Владимировна постучала ручкой по парте.

– История, конечно, очень неприятная. Ребята, я вынуждена буду сообщить о краже и Кларе Степановне, и Анне Анатольевне.

– Я думал, директриса уже в курсе.

– Нет. Сначала я хотела поговорить с вами.

И в этом вся наша Нина Владимировна. Другая бы училка на ее месте, обнаружив пропажу, первым

делом понеслась бы к директрисе, подняла панику, потребовала вызвать полицию, пытаясь по горячим следам отыскать вора, а Нина поступила иначе. Собрала классный час, рассказала все без обиняков, спрашивает нашего совета. Да и деньги теперь будет отдавать каждому из собственного кармана.

Неужели в нашем классе действительно есть вор? Трудно поверить. Но ведь факты говорят сами за себя. Хм... И кто же это? Кто? Нет, никого не могу представить в роли вора.

Отпустив нас домой, Нина Владимировна пошла к директрисе, а мы, сгруппировавшись на школьном крыльце, продолжали спорить.

— Вина Нины только в том, что она оставила деньги в столе, — говорила Марина. — Нельзя быть такой доверчивой.

— По-твоему, она должна видеть в каждом вора?

— Ты меня не понял, Витька. Деньги не ее, они чужие, относиться к чужим деньгам надо бережней.

— Меня другое бесит, — не мог успокоиться Димон. — Среди нас есть крыса. Мы должны ее найти. Согласны?

— И как будем искать?

— Посмотрим по обстоятельствам. Но Нину выручать надо.

— Не слишком ли ты много на себя берешь, Димон? — ухмыляясь, Стас облокотился спиной о дверь.

— А ты против? Может, тебе есть что скрывать? — Димон подошел к Стасону вплотную. — Колись, ты деньги взял? Ребят, давайте Стасона обыщем.

-- Димон, Димон, ладно тебе. Ну пошутил я, че ты? Отвали! Согласен я с тобой, Нину надо выручить.

Юрий Ситников

– Завтра Штангенциркуль будет с нас шкуры сдирать, – улыбнулась Светка.

– Может, завтра нам всем дружно заболеть?

– Ага, и тем самым попасть под подозрение. Ничего нам Штангенциркуль не сделает, мы деньги не брали, бояться нечего.

– Но кто-то же их взял.

Повисла пауза. Неприятная вырисовывается ситуация.

ГЛАВА 2

ЕГО ЗОВУТ МУЗ

Мы уже подходили к нашему дому, когда Димон вдруг заговорил об Алисе.

– Она вроде в школу уже неделю не ходит.

Я нагнулся, зачерпнул немного липкого снега, слепил снежок, швырнул его в стену детского сада.

– Я слышал, ее на роль в сериале утвердили. Или только пробы были, не знаю точно. Люська что-то говорила, я не слушал.

– Н-да, – протянул Димон. – Фигово у вас получилось, Глебыч. Я думал, вы помиритесь.

С Алиской мы расстались почти месяц назад. После очередной ссоры – кстати, я даже не помню, из-за чего она произошла – порвали все отношения. С концами! Наговорили друг другу много того, о чем следовало молчать, и теперь, даже встречаясь в школьных коридорах, молча киваем и проходим мимо. Не думал, что когда-нибудь расстанусь с Алиской, мне казалось, мы с ней идеальная пара. Ну, ссорились, ну, ругались, что с того. А кто не ругается, покажите мне этих людей. Вон Люська с Димоном по десять раз за день выясняют отношения, и ничего.

Что же на самом деле произошло между мной и Алисой, какая кошка перебежала дорогу?

Все пытаюсь понять, анализирую, вспоминаю... не получается. Я, конечно, признаю свою вину, я парень, мне следовало быть более сдержанным, где-то промолчать, где-то согласиться с Алискиными доводами. А мы в тот день как с цепи сорвались.

Алиску я по-прежнему люблю, но любые разговоры о ней стараюсь пресекать на корню.

– Димон, давай сменим тему.

– Окей. Ты не думай, я ничего такого сказать не хотел. Просто к слову пришлось. А чего, Глебыч, Светка тоже нормальная девчонка.

– До Алисы ей далеко, – зачем-то ляпнул я.

– Дотянется. У вас серьезно или как?

– Скорее «или как».

– Если Алиска начнет сниматься в кино, тоже быстро найдет тебе замену. – Димон слишком поздно понял, что сказал, не подумав. – Блин, Глебыч, я не то имел в виду.

– Расслабься. С Алиской мы расстались, она может делать что хочет, где хочет и с кем хочет.

Димон свернул к своему подъезду, махнув мне рукой.

– Созвонимся.

Дома я бросил рюкзак на пол в коридоре и, не разуваясь, прошел на кухню.

– Эй, куда прешь в обуви, я только утром пропылесосила, – выскочила из комнаты Люська.

– Опять на школу забила?

– У меня дела.

– Третий день прогуливаешь.

– Не прогуливаю, а занимаюсь творчеством. Я не виновата, что по утрам на меня находит. Днем и вечерами пишется труднее, мое время – утро.

– Писательница, – хмыкнул я.

– Что сказал?! – нахмурилась Люська. – Повтори.

– Проехали. Если в школу завтра не придешь, начнутся проблемы. Я классуху твою сегодня встретил.

– Сказал бы, что болею. Я справку достану, мне Танька поможет, у нее мать в поликлинике медсестрой у терапевта работает.

Уже в коридоре я услышал:

– Глеб, хочешь прочитать первую главу?

– Я ее читал.

– Я новую книгу начала писать.

– Опять?! Хотя бы одну вещь до конца допиши.

– Допишу.

– Не, Люська, не получится из тебя Агаты Кристи.

– Не собираюсь становиться второй Агатой Кристи. Я буду первой Людмилой Озеровой. Понял!

Люська в своем репертуаре. Полтора месяца назад (до сих пор не в курсе, какая муха ее укусила) она решила начать писать роман. Ага. Не рассказ, не повесть, а сразу роман. Вот так с бухты-баракты сесть и накатать гениальный шедевр. С тех пор никак не может угодиться. За полтора месяца начала писать восемь романов. Принцип один: когда первая глава готова, Люська приступает к написанию второй, но на полпути ее вдруг осеняет: писать надо не то и не так. Главы бракуются, и Люська приступает к написанию следующего романа. Ладно бы маялась дурью не в ущерб учебе, в конце концов, никому от ее писанины вреда нет, но Люська начала прогуливать школу. Это плохо!

– О чем новый роман? – спросил я, не сумев сдержать улыбку.

– Не роман, а повесть.

– О как!

– Да, так! Роман – слишком большая ответственность. Сейчас пишу сентиментальную повестуху. Прочитай первую главу, выскажи мнение, а?

– Вечерком.

– Ловлю на слове.

– О чем хоть повесть?

– Говорю же, сентименталка. Главная героиня – молодая женщина, живет в собственном доме с тремя мужьями и собакой.

– Что?!

– Ну ошиблась, ошиблась, че орешь-то? С мужем живет и тремя собаками. Все время путаю. Слушай, хотя такой вариант мне больше нравится.

– Люсь.

– Что Люсь? Я пошутила. Короче, есть у нее тайный поклонник, он...

– А если серьезно, зачем все это?

– Что – это?

– Твоя писанина.

– Не писанина, а творчество. Как зачем, Глеб, я хочу стать писательницей и иду к своей цели. Вполне нормальное желание. Как говорим мы, писатели, вперед и только вперед.

– У тебя опыта нет, образования, терпения.

– Замолчи! Замолчи! При чем здесь опыт? По-твоему, романы должны писать только умудренные опытом пенсионеры? Ха! В нашем деле главное – живое воображение. Понял?

– Даже если случится чудо и ты что-нибудь напишешь, тебя все равно не издадут – по возрасту не проходишь.

Люська схватила меня за руку.

– Пошли.

– Куда?

– Увидишь, – подведя меня к ноуту, Люська отыскала в избранном нужный сайт, открыла страницу, ткнув пальцем в монитор. – Читай! Объявлен все-российский литературный конкурс. Возраст участников от четырнадцати лет. Я идеально подхожу. Призовой фонд – два миллиона рублей. Книга победителя будет издана в одном из крупнейших издательств. Ну что, съел?

– Желаю удачи, – буркнул я.

– Иди, иди.

– У Нины сегодня сорок тысяч украли, – сказал я в дверях.

– Вау! Рассказывай.

Выслушав меня, Люська заметалась по комнате.

– Как здорово, Глеб. Вовремя Нину грабанули.

– С ума сошла?

– Идеальная темка, мне как раз надо чем-то сюжетик разбавить. Кража – самое то.

– С тобой все ясно, – я прошел в комнату, включил компьютер, задумался. Но взглянув на часы, быстро вскочил со стула, подбежав к окну.

Без десяти четыре, пора занимать свой пост. В четыре часа Алиска пойдет в школу актерского мастерства мимо нашего подъезда. Я должен ее увидеть, проводить взглядом. Иногда мне кажется, она чувствует, что я смотрю на нее из окна, поэтому специально замедляет шаг или остановившись, начинает что-то искать в сумочке.

Четыре часа, Алиса задерживается.

– Не высматривай ее, – сказала Люська, зайдя в комнату.

Я вздрогнул.

– Знаю, знаю, кого ждешь. Бесполезно. У Алиски были пробы на роль в сериале, теперь она безвылазно сидит дома, ждет звонка со студии.

– А что за пробы, Люсь?

– Между нами говоря – сериал так себе. Ничего особенного, но рейтинг у него высокий. Второй год по телику крутят, по-моему, уже серий двести отснято.

– А Алиска туда каким образом затесалась?

– Преподша в школе актерского мастерства с пробами посодествовала. Роль средненькая, но при удачном раскладе, если Алиска впишется, запросто станет узнаваемой. Сам знаешь, как это происходит.

Я кивнул. Кому как не нам с Люськой, родным внукам народной артистки, знать, что такое шоу-бизнес и с чем его едят.

– Алиска пробовалась на роль потерянной в младенчестве дочери главных героев.

– Банальщина.

– Ну так! Прошло семнадцать лет, родители каким-то невероятнейшим образом отыскивают взрослую дочь...

– Она, конечно же, Золушка?

– Типа того. Предки привозят ее в свои загородные хоромы, и...

– И?

– В доме живет девятнадцатилетний сын экономки. Сечешь? По сюжету у них с Алиской вспыхивает любовь. Короче, три ведра розовых соплей.

– Каковы ее шансы получить роль?

– Не знаю. Пробы вроде нормально прошли. Да, Глеб, тупанул ты. И Алиска, конечно, тупанула. Так глупо расстаться.

– Не вмешивайся.

– Говорят, ты теперь с Парамоновой замутил.

– Кто говорит?

– Птичка напела.

– Димон сказал?

– Дождешься от него. Молчит. Мужская, блин, солидарность. Глеб, это правда про Светку?

– Просто встречаемся, ничего серьезного.

– Хочешь узнать мое мнение?

– Нет.

– Светка мне не нравится.

– Как-нибудь переживет.

– Нагловатая она, и Маринка, подружка ее... с такими волосами ходит – капец. Зря она в блондинку перекрасилась. Не ее цвет. Ей больше шло, когда она рыжей была, а теперь... – внезапно Люська умолкла.

– Ты чего?

– Молчи! Молчи, Глеб!

– Что с тобой?!

– Он пришел!

– Кто?

– Муз!

– Какой муз?

– Блин, не тупи. Муз – вдохновение.

– Вообще-то, к писателям приходит муза.

– А ко мне приходит Муз. Все, некогда болтать, а то исчезнет. Он такой капризный, чуть что не по нраву – сразу убегает, – Люська выскочила из комнаты, громко хлопнув дверью.

Муз, по всей видимости, пришел к нам надолго: прошел час, а Люська продолжала остервенело отстукивать по клавиатуре. Неужели действительно снизошло вдохновение? Верится с большим трудом. Люська – писательница. Не, с воображением у нее полный порядок, здесь не поспоришь, но упорства, усидчивости, терпения... Не Люськина тема.

– Люсь, – я толкнул дверь, просунув голову в комнату. – Мы в семь в кино идем. Ты с нами?

– Она посмотрела на него воспламеняющим взглядом... – Люська откинулась на спинку стула, уставившись в потолок.

– Люсь, ты меня слышишь?

– ... воспламеняющим взглядом... Как-то заезженно звучит.

– Эй, в скафандре, ау!

– Глеб, чего надо? Ты мешаешь!

– В кино пойдешь?

– Что? А... Нет... Закрой дверь!

Решив немного проветриться, я вышел на улицу. В подъезде столкнулся с Димоном.

– А я к Люсе.

– Неудачное ты выбрал время.

– Почему?

– Она сейчас занята, к ней Муз пришел.

– Какой еще Муз? – нахмурился Димон.

– Да так, ходит тут один тип. Давай лучше в пиццерию сгоняем.

– Погодь, Глебыч, я не понял, что за Муз?

– Шучу я, Люська пишет, ее лучше не тревожить.

Когда рядом Муз, она звереет.

Димон выдохнул.

– Подколол. Но я все-таки рискну.

– Как хочешь. Если она тебя с лестницы спустит, приходи в пиццерию.

– Договорились.

Димона я прождал минут сорок. Он не пришел, значит, Муз покинул Люську и они с Димоном наверняка тусуют на кухне, пьют чай.

Возвращаться домой мне не хотелось, да и было уже почти шесть вечера. Может, напроситься в гости к Светке? А что, посидим часик, потом в кино рванем. Так и сделаю.

На улице я встретил Алису. От неожиданности мы замерли друг перед другом. Она смутилась, я растерялся.

– Привет, Алис.

– Привет.

– Как дела?

– Нормально. А у тебя?

– Тоже.

– Хорошо. Люся дома?

– Дома. Ты к ней?

– К ней.

– Ну пока.

– Пока.

«Какой дурацкий получился разговор, – думал я, топая к Светкиному дому. – Зачем я первый сказал «пока», кто тянул меня за язык? Дурак! Идиот! Надо было постоять подольше, поинтересоваться делами в школе актерского мастерства, спросить про пробы».

К Светке я так и не пошел, захотелось проветрить голову, побыть одному. Я решил пройтись по набережной.

ГЛАВА 3

РАДОСТНОЕ ИЗВЕСТИЕ

Алиса пыталась уснуть, когда в комнату, держа в руке телефон, вошла младшая сестра Дашка.

– Алис, спишь?

– Да.

– Тебе звонят.

– Скажи, что меня нет дома.

Кивнув, Дашка поднесла трубку к уху и, стараясь подражать взрослым, сказала деловитым тоном:

– Алисы сейчас нет дома. Что ей передать? Да. Я скажу... со студии... Да...

Алиса вскочила с кровати, выхватила у Дашки телефон, сжав его настолько крепко, что трубка едва не треснула.

– Алло, это Алиса. К телефону подошла сестра, она все перепутала, извините ее, – выталкивая Дашку из комнаты, Алиса ощутила боль в висках.

– Сама ты напутала, – упираясь, бурчала Дашка.

Алиса села на кровать, ноги дрожали, тело налилось свинцовой тяжестью, было трудно дышать. Приходилось делать глубокий вдох, задерживать дыхание и, вытягивая шею, быстро выдыхать. В голове упорно стучала единственная мысль: «Это ошибка. Наверняка

ошибка. Позвонили не с той студии и им нужна не та Алиса».

Полторы минуты она внимательно слушала звонившего, моргала, кивала, искоса поглядывая на недовольную Дашку. Ошибки не произошло. Звонили именно ей – Алисе. Наконец-то! Настал этот день и час.

– Меня взяли! – закричала Алиса, бросив телефон на кровать. – Дашка, я прошла пробы! Я им понравилась, Дашка! Мне дали... дали эту роль! Ты понимаешь? Понимаешь, что произошло?

– купишь мне за это что-нибудь? – нашла хитрая Дашка.

– Где мама?

– В магазин ушла.

Алиса заметалась по квартире. Сидеть на месте она не могла, энергия была через край, настал тот самый миг счастья, который долго ждешь и, увы, быстро теряешь. Но пока он здесь, пока ощущаешь его присутствие, хочется кричать, смеяться, прыгать, бежать сломя голову, не разбирая дороги.

Алиса схватила телефон. Надо позвонить Люське. Нет, по телефону о таких вещах не говорят, лучше сказать с глаза на глаз.

– Дашка, посидишь дома одна минут двадцать?

– Нет.

– Мне уйти надо.

– Куда?

– К Люсе.

– Возьми меня с собой.

– Даш, не вредничай.

– Одна не останусь.

– Я куплю твои любимые пирожные.

- Лучше тортик.
- Договорились.
- Килограммовый.
- Слипнется у тебя все от килограммового.
- Алис...
- Ладно, ладно, будет тебе килограммовый.

Алиса выбежала в прихожую, но вдруг замерла на месте. По телефону сказали, через два дня ей необходимо явиться на студию, кто-то с ней будет говорить... Но вот кто, она уже не помнит. То ли режиссер, то ли... Все из головы вылетело. А ведь на студию в чем попало не поедешь, там же такие люди – сплошь знаменитости. Надо подобрать подходящую одежду.

Подбежав к шкафу, Алиса начала доставать вешалки с одеждой, бросая их на кровать.

- Алис, когда за тортиком пойдешь?
- Подожди ты, видишь же, я занята.
- Ты теперь актриса?
- Почти.
- А когда будешь не почти?
- Дашка, помолчи.
- Когда тебе в телике покажут?
- Как считаешь, белая блузка с черной юбкой подойдут, или лучше брюки надеть?

Дашка, обрадованная, что ее мнением интересуется старшая сестра, начала давать дельные советы. Так, она посоветовала Алисе поехать на студию в красной кофте, белой юбке и карнавальном парике серебристого цвета. Когда Алиса выталкивала сестру за дверь, Дашка искренне недоумевала:

– Что я такого сказала? В парике прикольно, тебя заметят и быстрее покажут по телевизору. Алис, открой дверь.

Через пятнадцать минут Алиса вышла на улицу. Мысли крутились вокруг предстоящей поездки на киностудию. Под ложечкой засосало, появилось долгожданное предвкушение праздника, которым теперь обязательно наполнится ее жизнь. Возле пиццерии Алиса встретила Глеба. В первое мгновение ее так и распирало броситься ему на шею и прокричать, что ей дали роль в популярном сериале. Она хотела, чтобы Глеб ее обнял, поцеловал, поздравил, и они бы вместе пошли по заснеженным дорогам, и болтали бы, и смеялись, оставив все недоразумения и недопонимания в прошлом.

Но что-то мешало Алисе сообщить радостную новость. Возможно, всему виной гордость. Перекинувшись парой фраз, они разошлись в разные стороны. Алиса загрустила. Глеб первый сказал «пока». Значит, ему неприятна ее компания, он хотел скорее от нее избавиться, даже в глаза не смотрел. Наверняка торопился к своей Светке. До Алисы уже дошли слухи, что Парамонова с Глебом начали встречаться. Ну и пусть. Плевать на них обоих. Какое ей дело до Глеба и до Светки, когда она получила роль. Роль! Скорее бы Люське рассказать.

Люська долго не открывала дверь, а когда наконец соизволила, схватила Алису за руку и втащила в прихожку.

- На ловца и зверь бежит. Я только о тебе подумала.
- Люсь...
- Не сейчас, Алис. У меня неприятности. Крупные!
- Что случилось?
- Пошли на улицу.
- Я сейчас Глеба встретила.

– Какого Глеба? А-а... Глеба... И что дальше?

– Да что с тобой?

Одевшись, Люська выскочила на лестничную площадку.

– Такая жесть, Алис, я в ауте.

– Рассказывай.

– Выйдем, расскажу.

В лифте Люська вела себя странно. Сначала стучала костяшками пальцев по дверце, потом, закусив нижнюю губу, начала прыгать на правой ноге.

– Люсь, ты в порядке?

– Нет. Беда, Алис!

Алиса вздрогнула. Никогда прежде она не видела Люську в таком взбудораженном состоянии. Боясь задавать лишние вопросы, Алиса хранила молчание до тех пор, пока они с Люськой торопливо шли в парк.

– Говори, – не выдержала она, остановившись у первой скамейки.

– Алис, я совершила самую большую ошибку в своей жизни. Не знаю, что теперь делать. Я убила Димку!

Алиса шарахнулась в сторону. Из груди вырвался стон. Зажимая рот руками и боязливо озираясь по сторонам, она прошептала:

– Как убила?!

– Стукнула по голове.

– Чем?

– Подсвечником.

– Мамочки! – На мгновение Алиса потеряла способность говорить, а когда сумела оторвать отяжелевший язык от неба, спохватилась: – Ты уверена, что он...

– Да!

– Люська!

– Как я могла? Как?! Оставить Офелию вдовой в двадцать один год... Свинство!

– Какую Офелию?

– Димкину жену.

Решив, что Люська сошла с ума, Алиса тряхнула ее за плечи.

– Что ты говоришь?

– Рассказываю о сюжете моей новой книги. Главную героиню зовут Офелия, ее муж – Геннадий. Но он не главный герой, второстепенный. Главный герой – Дмитрий, лучший друг Геннадия, влюблен в Офелию. Все шло по плану, но потом пришел Муз и меня понесло. Алис, такой писательский жор на меня напал! Писала, писала – и ситуация вышла из-под контроля. Прикинь, Димка с Офелией целовались, Генка их застукал, между ними завязалась потасовка. Короче, Генка саданул Димку подсвечником по голове. Ты понимаешь, что теперь будет? Ведь Генке грозит срок, а этого не должно произойти, он же главный герой. Алис, ты куда?

Резко развернувшись, Алиса побежала к выходу из парка.

– Алиска, стой, – Люська нагнала подругу и коснулась ее плеча. – Ты чего, плачешь? Тебе Димку жалко?

– Иди ты со своим Димкой знаешь куда! Тебя саму по башке подсвечником долбануть надо. Еле на ногах держусь, думала, ты Димку убила. Настоящего Димку! Нашего Димку!

– Я?!

– Ты!

– У тебя фантазия!.. Я про книгу говорила.

– Предупреждать надо.

– Ну прости.

Минут через пять Люська спросила:

– Как теперь быть с Генкой?

– Не морочь мне голову. Перепиши и не грузись.

– Ха! Перепиши. Легко тебе говорить! Да я такой текст накатала, он гениален во всех отношениях. Мне даже букву одну выкидывать жалко, а ты говоришь, перепиши. Нет, Алиска, надо серьезно обмозговать ситуацию.

– Обмозговывай ее сама. И вообще, я ведь к тебе заскочила, чтобы радостью поделиться.

– Радостью? Так-так-так.

– Я успешно прошла пробы и получила роль!

– И ты молчала? Алиска, у тебя есть хоть капля совести?

– Скажи спасибо, что я сейчас об этом вспомнила. После того как ты «убила» Димку, я чуть с ума не сошла.

– Все, Алиска, считай себя знаменитостью! Роль в популярном сериале это твой шанс. Он второй год идет – рейтинг зашкаливает.

– Не сглазь.

– Я не ведьма. Вот это класс! Помнишь наш уговор?

– А как же. Я становлюсь знаменитой актрисой, а ты маститой писательницей. Твои романы экранизируют, и я играю в них главные роли.

– Так и будет, попомни мое слово. Потом тебе вручат Оскара за лучшую женскую роль, а мне Пулитцеровскую... Нет, мелочиться в таких делах нельзя. Мне присудят Нобелевскую премию в области литературы. Оторвемся мы тогда не слабо, Алиска.

– Мечтай.

– Это, между прочим, не вредно. Даже полезно.

– Мне страшно, Люсь. Не знаю, смогу ли влиться в коллектив.

– Не думай об этом, плыви по течению. С актерами на съемках держись на расстоянии вытянутой руки, они там все... Шоу-бизнес вещь жестокая. Запомни, у них не знают, что такое дружба. Диана иногда такие ужасы рассказывает. Чтобы тебя не съели, ты должна быть крепким орешком. Алис, а ведь твоим партнером будет Костя Андреев – кумир всех девчонок.

– Так уж и всех.

– Он симпатичный.

– При чем здесь это, Люсь?

– А чего ты злишься, я просто констатирую факт. Где-то даже завидую тебе.

– Белой завистью?

– Не совсем белой. Чутьочку зеленоватой, ну... короче, цветная зависть.

– Мою приемную мать, будет играть Маргарита Грушевская. У меня были с ней пробы.

– Серьезно? Ничего себе. Ты в курсе, что они с Дианой на дух друг друга не переносят?

– А почему?

– Не знаю. Но Диана даже имя Грушевской запрещает произносить в ее присутствии.

Алиса поехала.

– А про Платову тебе что-нибудь известно? В сериале она будет играть мою настоящую мать.

– Могу у Дианы спросить, если хочешь. Но судя по тому, что о ней пишут в прессе, та еще стерва. Да ладно тебе, Алис, не переживай раньше времени.

Настраивайся на лучшее. В такой коллектив вливаешься – богема!

Диана вернулась из театра в двенадцатом часу. Пока она разгримировывалась и принимала ванну, Люська готовила на кухне легкий ужин и чай.

– Люсьена, есть я не буду, – сказала Диана, взяв из тарелки тонко нарезанный свежий огурец. – От чая не откажусь.

Разговор Люська начала издалека.

– Алисе дали роль в сериале.

– Да что ты?

– Успешно прошла пробы.

– Я ее поздравляю.

– Конечно, с ее слабеньким характером... загрызут нашу Алиску на съемочной площадке.

– Люсьена, не преувеличивай.

– Ее мать играет Платова. Вы знакомы?

– Снимались вместе лет десять назад.

– А приемную мать играет Маргарита Грушевская, – Люська внимательно следила за реакцией Дианы.

Ни один мускул не дрогнул на лице актрисы. Пожалуй, только взгляд выдал сильное волнение.

– Диан, давно хочу тебя спросить, почему вы с Грушевской на ножах? В молодости вы ведь дружили.

– Да, дружили. На одном курсе учились, все свободное время вместе проводили, в одной компании. Но как позже выяснилось, это я с Риткой дружила! Сама Ритка в принципе не знает, что такое дружба. Она не умеет дружить. Хищница!

– А что все-таки произошло?

– Знаешь, как говорят: дружба дружбой, а табачок врозь. Сколько раз она меня подставляла. Роли прямо из-под носа уводила. Подруга, – Диана хмыкнула и вопреки железному правилу не есть сладкое после шести вечера взяла из вазочки шоколадную конфету. – Бесконечно это не могло продолжаться, мое терпение лопнуло. Сейчас жалею, что больше тридцати лет считала эту бездарность подругой. Слышать о ней не хочу!

– Но ты осталась на плаву, а Грушевская уже лет десять нигде не появляется. По сути, этот сериал ее второй шанс.

– Что заслужила, то и пожинает. И не шанс это, Люсьена. Она сильно сдала, располнела, постарела, не получится у нее второй взлет совершить.

– А когда вы виделись последний раз?

– Лет семь назад, столкнулись на студии. Она на пробы приезжала.

– Диан, ты только не сердись, но я должна сказать.

– О чем?

– Грушевская недавно в рекламе снялась.

– Вот как? И что же она рекламирует?

– Увлажняющий крем против морщин.

Диана громко расхохоталась.

– Ритка? Крем против морщин? Господи, да у нее на лице морщин, как на карте мира – дорог.

– Ты ошибаешься. По ходу, она подтяжку сделала. Выглядит очень хорошо.

На этот раз актерское мастерство Диану подвело. Лицо исказилось, губы сжались, и Люська поняла, что сказанула лишнего.

– Конечно, выглядит она не так круто, как ты...

Юрий Ситников

– Люсьена! – отчеканила Диана. – Попрошу впредь имя этой... актрисы в моем доме не произносить!

– Хорошо.

– Я пошла спать.

– А чай?

– Расхотелось.

Оставшись одна, Люська скорчила гримасу.

– Вот вам и актерские делишки. Одна нервотрепка. Нам, писателям, в этом плане повезло больше.

ГЛАВА 4

В ПОИСКАХ ВИНОВНЫХ

Как только я зашел в школу, ко мне подбежала Нина Владимировна.

— Глеб, я думала, ты не придешь.

— А что такое? — я посмотрел на часы. — До звонка еще пять минут.

— Алгебры у вас не будет, проведем классный час.

— Опять!

— Глеб, ты не хуже меня знаешь, что произошло.

— Все понятно, классный час проведет Штанген... Клара Степановна.

— Угадал, — Нина Владимировна легонько подтолкнула меня к лестнице. — Идем.

Когда мы зашли в класс, все наши были в сборе и ждали только меня (надо же, какая честь). На лице Штангенциркуля появилась кривая улыбка. Все-таки как сильно улыбка меняет черты человека. Не улыбаясь, Штангенциркуль была похожа на обычную змею, а улыбнется — сразу становится ядовитой.

— Опоздываешь, Озеров.

— Урок еще не начался.

Штангенциркуль встала и прошла по классу.

— Я полагаю, никому не стоит объяснять причину нашей вынужденной встречи.

- Лучше уточнить, – хмыкнул Витька.
- Комаров, еще слово – и отправишься к директору.
- Я с радостью, Клара Степановна, не хочется здесь сидеть.

С задних рядов послышался смех.

– Не паясничай, сегодня тебе это не поможет. – Клара Степановна остановилась, усмехнулась и мотнула головой. – Подумать страшно, ученики залезли в стол учителя и украли деньги. И они, довольные, сидят с ангельскими лицами, переглядываются, хихикают. Тебе очень смешно, Парамонова? Скажи всем, что тебя так веселит, вместе посмеемся.

– Давай, Светка, скажи нам.

– А чего я? – скривилась Светка. – Сижу, никого не трогаю.

– Ну все, поиграли и хватит. Теперь серьезно. Случай вопиющий, отвратительный, низкий...

– Сколько синонимов. Записать бы.

– Комаров! – рявкнула завучиха.

Витька вздрогнул. Нина Владимировна подошла к его парте и тихо сказала:

– Витя, я тебя прошу, держи себя в руках.

– Они не умеют держать себя в руках. Распустились. И в этом мы с вами виноваты, мы, Нина Владимировна. Я неоднократно предупреждала, настаивала: во время перемены классы должны закрываться. Прозвенел звонок, открыли окна, вышли в коридор, закрыли дверь. Неужели трудно запомнить?

– Прозвенел, открыли, вышли, закрыли – запоминается легко, – сказал Стасон.

– Кравченко, закрой рот!

Нина Владимировна молчала.

Штангенциркуль смотрела на нее снисходительно, как бы давая понять, что прощает серьезный проступок, но помнить о нем будет долго.

– Вы приготовили список тех, кто вчера присутствовал на третьем и четвертом уроках?

– Он на столе.

– Я думаю, поступим мы так: сегодня же обзвоните родителей, предупредите, что через два дня у нас состоится экстренное родительское собрание.

– Родителей зачем дергать? – спросил Стас.

– А как ты хотел? С вами ни о чем договориться невозможно, будем разговаривать с родителями.

– Вы с нами пока не разговаривали, – крикнул Витька. – Вы только обвиняете.

– Витя!

– А разве не так, Нина Владимировна?

– Да так, так, – закивала Маринка.

Я тоже не смог промолчать:

– Клара Степановна, никто из нас денег не брал, я вам ручаюсь.

– За всех ручаешься?

– За всех.

– Благородно, Озеров. Очень благородно. Только это дешевое благородство. Кто тебя уполномочил говорить за всех?

– Глеб прав, наши ребята не могли стянуть деньги.

– Хорошо, тогда, может, ваши ребята скажут, кто их стянул?

– Мы не знаем.

– Неужели?

– Да, не знаем.

Штангенциркуль засмеялась.

– Слышали, Нина Владимировна, как вам это нравится?

– Возможно, ребята говорят правду.

– И вы туда же? Давайте верить им на слово. Кравченко в туалете засекли с сигаретой, он уверял, что не курил. Поверили ему? Вы, Нина Владимировна, поверили. Крылов разбил мячом стекло в вестибюле, отнекивается. Вы ему верите. Комаров неделю школу прогуливал, принес липовую справку, уверяет, что действительно болел. Опять вы на его стороне. Они приехали врать, вы их поощряете.

– Клара Степановна...

– Что Клара Степановна? Сядьте, Нина Владимировна. Они вам на голову залезли и погоняют, а вы скачете перед ними, как... извините, но надо все-таки помнить, вы не подружка, а педагог, – Штангенциркуль взяла со стола список, пробежалась по нему глазами и обратилась ко мне: – Озеров, где ты был на перемене?

– Почему вы разговариваете таким тоном? Вы меня обвиняете в краже?

– Вот они, наши детки. Любуйтесь. Вы им слово – они вам десять. Тон ему не понравился. А если я полицию вызову и вас начнут вместе с родителями в отделение на допросы таскать, по-твоему, так будет лучше?

– Клара Степановна, вы перегибаете палку. Ребята готовы к диалогу, не надо на них наседавать. К чему такие вопросы, неужели хотите узнать алиби каждого? Это смешно и нелепо. И неправильно, – добавила Нина Владимировна.

– А вы посмейтесь. Посмейтесь над тем, что вам придется отдавать ученикам деньги из собственного кармана. Отдавать тем, кто их у вас и украл.

– Не пойман – не вор, – сказал Витька.

– Для любого обвинения необходимы факты, – поддакнул Стасон.

– Желательно неопровержимые, – ответила Светка.

– И улики.

– Вот вы как заговорили. С вами по-хорошему, как со взрослыми людьми, а вы...

– Что мы? – вспыхнула Маринка.

– Ведете себя низко. Не знала, что среди вас столько трусов.

– Трусов здесь нет, – сказал я.

– Ошибаешься, Озеров. А если действительно нет трусов, тогда давайте, наберитесь смелости, будьте людьми, – Штангенциркуль подошла к доске, постучала по ней костяшками пальцев и, резко обернувшись, выпалила: – Пусть тот, кто взял деньги, честно во всем признается.

– Ага, прям сейчас встанет и признается.

– Комар, заткнись! – крикнул Димон.

– Правда, Вить, достал уже.

– Сиди молча, – шикнула Светка.

– Ну, – повторила Клара Степановна. – Где же ваша хваленая смелость?

– Никто не признается, – сказала Маринка. – Среди нас нет воров.

– Я так и знала, – Штангенциркуль презрительно осмотрелась по сторонам, села рядом с Сонькой и развела руками. – Среди вас находится тот, кто поступил с принципами честного человека. На нем пятно – невыводимое пятно. Но хуже всего, что вы покрываете его, всем классом покрываете. Уверяю вас, принцип «один за всех и все за одного» в данном случае губителен.

Нина Владимировна выдвинула верхний ящик стола, растерянно посмотрела на стопку бумаг, пожала плечами.

– Может, я что-то напутала...

– Нина Владимировна, только не надо идти на попятную. Знаю я ваши штучки. На этот раз выгородить деток у вас не получится, – внезапно Штангенциркуль повернулась к Соньке: – А скажи-ка мне, Соня, как считаешь лично ты, кто из ребят мог взять деньги?

К Яковлевой Клара обратилась неспроста. Сонька была ее глазами и ушами в классе. Обо всем, что происходило вокруг, она незамедлительно докладывала завучихе. Причем стучала Сонька не потому, что получала от сплетен удовольствие или хотела выслужиться. Она считала своим прямым долгом довести до сведения завуча о делах, творящихся в нашем дружном коллективе. Это ведь Сонька настучала о разбитом стекле, о Стасоне, да и про липовую Витькину справку наверняка донесла Яковлева. Комар сглумил и при Соньке ляпнул, что купил справку. Через перемену Комара уже вызвала к себе Клара.

Вот и сейчас Штангенциркуль задала свой вопрос, в надежде получить хоть какой-нибудь ответ. Уж Сонька молчать не станет, язык у нее без костей.

– Ну так как, Соня, – торопила завучиха. – Что ты можешь сказать?

– Клара Степановна, что вы делаете?

– Разговариваю с Яковлевой. Вы, Нина Владимировна, помолчите, вы уже высказались, дайте это сделать другим. Соня, я жду.

– Я... Клара Степановна, – начала мямлить Сонька. – Я не могу обвинять кого-то конкретно...

– Хорошо, выскажи свои предположения.

– Запрещенный прием, – крикнул Димон. – Вы давите на Яковлеву, она под таким прессингом что угодно скажет.

– Во-во, – засмеялась Светка.

– Тишина в классе! Соня, где ты была во время перемены?

– Здесь... в классе...

– Кто-нибудь подходил к столу?

– Наверное.

– Точнее.

– Кто-то подходил.

– Кто? Назови фамилии.

– Я не все время была в классе, я выходила...

– Назови мне фамилии!

– Клара Степановна, я настаиваю, прекратите допрос!

Штангенциркуль встретила взглядом с Ниной Владимировной.

– Настаивать вы будете в другом месте. Соня, кто подходил к столу?

Сонька чуть не плакала. Сидела, сжавшись, вся такая жалкая, потерянная, как больной сурикат. А Клара, подобно парившему коршуну, заметившему сверху подходящую жертву, рассчитывала на скорое пиршество.

– Да скажи ты ей хоть что-нибудь, – не выдержал Димон. – Назови мою фамилию, пусть отстанет!

– Дима, – Нина Васильевна замотала пальцем.

Димон встал, взял рюкзак и пошел к двери.

– Вы как хотите, а я не собираюсь выслушивать эти бредни.

– Крылов, сядь на место.

– Не сяду. Я ухожу.

– Сядь!

– Разговаривать с вами я буду только в присутствии директора... или своего адвоката.

Шутка немного разрядила обстановку. Но стоило Димону выйти, как Штангенциркуль снова стала наседать на Соньку.

– Крылов подходил к столу?

Сонька молчала, а потом вскочила и выбежала в коридор.

– Соня, Соня, подожди, – Нина Владимировна бросилась за Яковлевой.

Штангенциркуль была довольна случившимся.

– До чего довели девчонку, она уже боится сказать правду.

– Мы довели? Это вы требовали от Соньки ответа.

– Единственный честный в классе человек запуган собственными же товарищами.

– Никто ее не запугивал. А не любят Соньку из-за длинного языка. Она же вам обо всем докладывает.

– Классный час окончен, – резко сказала Клара Степановна, поправляя рукав пиджака. – Имейте в виду, когда в выпускном классе мы будем писать вам характеристики, вчерашняя кража заметно подпортит ваш моральный облик.

– Нас за это не расстреляют?

– Комаров, а ты можешь вообще в следующий класс не перейти. Оставим на второй год, тем более что твои оценки позволяют это сделать.

– Понял, Витек? Продержат тебя в одном классе два года!

– Или три, – хохотнула Маринка.

– Так что лучше сразу признавайся в краже сорока тысяч, тогда попадешь под амнистию.

– Веселитесь, – лыбилась завучиха. – Друзей своих не уважаете, пожалели бы хотя бы классного руководителя. Она с вас пылинки сдувает, а вы ее ни в грош не ставите.

– Нину Владимировну мы уважаем.

– Одного уважения мало. Делом, действием докажите свое уважение. Взял деньги – признайся. Смолчишь... что ж, не уверена, что Нина Владимировна останется в школе.

Все мгновенно притихли, даже Витька удивленно вскинул брови и наморщил лоб.

Штангенциркуль того и добивалась. Упиваясь произведенным эффектом, она вновь начала вышагивать между рядов, поглядывая на нас с нескрываемым ехидством.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Доля вины, Озеров, лежит и на Нине Владимировне.

– Ее обокрали, она и виновата? – Светка повернулась к Маринке. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Не-а.

– А надо бы понимать, Парамонова. Да, украл деньги один человек, но почву для воровства подготовила Нина Владимировна. Во-первых, она не имела права оставлять вас на перемене в классе. Во-вторых, не имела права оставлять крупную сумму денег – прошу заметить, чужих денег – в ящике стола. Положила и ушла. Какая наивность.

– Собираетесь ее уволить?

– Нина Владимировна достаточно умна, чтобы не доводить дело до увольнения. Скорее всего, она напишет заявление по собственному желанию. И я ее в этом полностью поддержу.

– Но это неправильно!

– Несправедливо!

– О справедливости заговорили, – смеялась завучиха. – И кто заговорил – Виктор Комаров. Ты, когда справку покупал, о справедливости не думал? А когда покрывал и продолжаешь покрывать вора, вспоминаешь о справедливости? Поэтому лучше помалкивай, Комаров, за умного сойдешь. Больше я вас не держу, все свободны. Ну и, конечно же, – сказала в самых дверях завучиха, – если совесть все-таки проснется, вы знаете, где меня найти. Советую хорошенько подумать. Всем!

Она ушла. Мы продолжали сидеть в тишине. Наконец Светка не выдержала.

– Не врубаюсь, чего она от нас добивается? Такое впечатление, мы на самом деле знаем, кто взял деньги, и молчим.

– Штангенциркуль в этом уверена.

– Измена!

– Но по большому-то счету она права, – сказала Надька Соломатина. – Права в том, что деньги взял один из нас.

– Надюх, ты совсем уже.

– А ты не согласна, Свет?

– Я – нет.

– Напрасно.

– Давайте теперь друг друга подозревать.

– Не надо никого подозревать, предлагаю этому человеку втихаря вернуть деньги.

– Ага, вернет он, жди.

– Почему сразу он, а не она? – удивился Витька. –
Что за дискриминация?

– Ой, Комар, отвали.

– Девчонка запросто могла конвертик стырить.

– Вить, мне иногда тебя убить хочется.

– Может, ты стащила у Нины деньги на киллера?

– Придурок!

– Ребят, прекратите, – я перекинул рюкзак через плечо и вышел к доске. – На самотек это дело пускать нельзя, Нину надо выручать. Штангенциркуль ее терпеть не может, только ищет к чему бы придраться. Кража действительно может обернуться для Нины увольнением. Поймите, она выживет Нину из школы только для того, чтобы отомстить нам.

– Куда клонишь, Глеб?

– Мы должны найти вора.

– Ох ты! Ах ты!

– Глеб, прикалываешься, что ли?

– Говорю серьезно.

– И как искать будем?

– Решим.

– Кто у нас Шерлок Холмс и доктор Ватсон? Эй, распределяем роли, – орал Витька.

– Не-не, – махала руками Маринка. – Эркюль Пуаро и этот... блин, забыла как его... капитан э-э...

– Гастингс.

– Точно.

– А мне больше Шерлок Холмс нравится, – Витька сел на парту и кивнул Светке. – Парамонову переоденем в их служанку – мисс Марпл.

– В миссис Хадсон, идиот.

Юрий Ситников

– Какая разница?

– Большая. Ты вообще Конан Дойля читал?

– Представь себе.

– С трудом верится.

– Забей. Будешь миссис Хадсон. Глеб, а ты тогда Шерлок.

– Комар, сейчас в дыню получишь.

– Вызываешь на дуэль? Ладно, сдаюсь. Говори конкретней, как вора вычислять будем, каким дедуктивным методом?

– Обмозгуем все днем. После уроков собираемся в классе. Явка обязательна.

– Я не могу после уроков, – сказал Миха. – У сеструхи двоюродной день рождения. Мне после шестого урока свалить надо.

– Ну и вали на днюху, кто тебя держит. Ты вчера не приходил в школу, значит – вне подозрений.

– Верно, – хмыкнул Миха.

– Везет некоторым, – Витька зевнул и лег на парту. – Я тоже вчера прогулять хотел. Не судьба!

– Ну все, значит, договорились. После уроков – в классе.

– На том же месте в тот же час, – пропел Комаров. – А кто не придет, того притащим в принудительном порядке.

ГЛАВА 5

КЛАССНАЯ РАЗБОРКА

Закончились уроки, мы заспешили в наш класс. Увидев там Соню, Светка начала возмущаться.

– Не поняла юмора, а Яковлева зачем пришла?

– Могу уйти, – равнодушно бросила Сонька, сев на свое место за первой партой.

– Скатертью дорога.

– Свет, не поднимай волну. Сонька, как и ты, в теме.

– И все, что мы здесь будем говорить, она сразу же сольет Штангенциркулю.

– Не сольет, – я подошел к Соне, сел на край парты. – Сонь, обещаешь?

– Вы зря считаете меня ябедой...

– Стукачкой, – громко сказал Витька. – Ябедами называют малышню в детском саду.

– Глеб, я ничего не передам Кларе Степановне. Не надо на меня нападать, – Сонька повернулась лицом к классу. – Мне тоже хочется найти вора и помочь Нине.

– Вперед, Яковлева. Бери след!

– Комар, тихо. Сонька не подведет, – я поднял руку, призывая всех к тишине. – Начнем?

– Объявляю заседание открытым, – веселился Витька.

Признаться, я понятия не имел, с чего стоит начинать. Но ребята затихли, смотрели на меня с надеждой, полагая, что у меня есть определенный план. Плана не было, а давать задний ход поздно.

– Свет, на всякий случай записывай важные моменты разговора.

– Предлагаешь мне вести протокол?

– Типа того.

– Это еще зачем, Глеб? – удивилась Надя.

– Как зачем, Надюха, – Витька подбежал к ней и, не переставая паясничать, засмеялся. – Представь, ты сейчас здесь что-нибудь ляпнешь, не подумав, Парамонова это запротоколирует. А завтра ты одумаешься, начнешь от своих слов отказываться, а Глеб тебе в лицо протокол. Не отвертись тогда. Колись сейчас, куда деньги заныкала?

– Иди ты! – Надька замахнулась на Комарова, и он, отступая, упал на пол.

Все засмеялись.

– Блин, – стонал Витька.

– Комар, ты живой?

– Жив он, – хохотала Маринка. – Что ему сделается, Витек в воде не тонет, в огне не горит.

– Я думала, мы собрались по делу и хотим помочь Нине, – сказала Соня.

– О, заговорил голос нашего разума, наша дорогая Сонечка Яковлева. Ты что, торопишься?

– Представь себе, – Соня сердито посмотрела на Светку. – В отличие от тебя, на мне хозяйство. Я веду дом.

– Куда ты его ведешь, Сонька? – морщась, Витька поднялся с пола и сел на стул.

– Гонит она! Ее по ходу Петька Лыков на каток пригласил. Я их там видела на прошлой неделе.

– Лыков с Сонькой на катке? Надо было на телефон снять и на Ютуб залить.

– А разве Петька не с Наташкой встречается?

– Встречается с Наташкой, а на каток с Яковлевой ездит.

Вспыхнув, Соня резко встала.

– Глеб, я лучше пойду.

– Сонь, не обижайся, они прикалываются.

– Почему всегда надо мной?

– Сама виновата, – крикнул Стасон. – Стучишь на друзей, откалываешься от коллектива.

– Я не стучу.

– А про меня Штангенциркулю кто донес?

– Но ты курил в туалете!

– Тебе какое дело, чем я там занимался?

– Нельзя курить в школе. Если тебя не волнует собственное здоровье, подумай об окружающих. В сигаретном дыме содержится более четырех тысяч различных химических веществ, все они токсичны, опасны. Вдыхая сигаретный дым, человек наносит непоправимый вред здоровью. Ты куришь, а другие страдают.

– Ты прям исстрадалась.

– Меня другое радует, – сказала Маринка. – Стасон дымил в мужском туалете, так? А откуда об этом Сонька узнала? Яковлева, что ты делала в мужском туалете?

– Да, да, интересно узнать, где ты пряталась?

– Я понял! Она, наверное, готовилась к реферату о вреде курения, – выкрикнул Витька. – Теперь в туалет надо заходить с опаской: вдруг там Яковлева притаилась с блокнотом и ручкой наготове.

– Глеб, – Соня посмотрела на меня с мольбой.

– Ребят, харэ придуриваться. Все, кто Соньку обидит, тому сразу в глаз. Свет, так и запиши в протоколе.

– В правый или в левый?

– На выбор. А Комару сразу в оба!

Хмыкнув, Светка открыла тетрадь.

– Сонь, расскажи сначала ты, что было на перемене?

– Почему я, Глеб?

– Да, Глеб, почему опять у Яковлевой пальма первенства?

– Потому что Сонька, в отличие от многих из нас, способна видеть то, на что мы не обращаем внимания.

– Ты загнул.

Соня зарделась.

– Хорошо, я попытаюсь вспомнить. Только предупреждаю, в классе я находилась минут десять, потом спускалась вниз. Возле стола Нины многие крутились, я там Светку с Маринкой видела и Катю, Стаса...

– Мы не крутились, а стояли и разговаривали, – огрызнулась Маринка.

– Если говорить о подозрениях, меня немного смутило поведение Стаса.

– Чем, интересно, оно тебя смутило? – вспыхнул Стасон.

– Ты нервничал, когда подошел к столу Нины. Озираясь по сторонам и ладони постоянно о джинсы вытирал.

– Так, – сказал Димон. – Кое-что начинает проявляться. Стасон, чем ответишь Соньке?

– Ничем. Че она гонит?! Не нервничал я... ладони вытирал... и что?

– К столу зачем подходил?

– Надо было, вот и подошел.

– Стас, не юли, выкладывай.

– Не тупите, денег я не брал. Понятия не имел, что они лежат в ящике стола.

– Стас сажился за стол Нины Владимировны, – оγοрошила вдруг всех Соня. – Я не рассказала об этом Кларе Степановне, но мне кажется, это ценная информация.

– Ты сажился, Стас?

– Достали вы меня, – психанул Стасон. – Да, сажился. Да, нервничал. И ладони у меня вспотели от нервов. Я по физике оценку себе переправил в журнале. Довольна, Яковлева? Беги, доноси. Расскажи Штангенциркулю, что я тройку на пятерку исправил.

– Правда исправил? – недоверчиво спросила Светка. – И чего, совсем незаметно? Геннадьевна не спалит?

– Не должна. Получилось вроде нормально. Физичка тройки фигово выводит, их потом на пятерки исправлять легко.

– Это тому, кто по физике сечет, – пробормотал Витька. – У тебя и так одни пятерки стояли, тройка – случайность.

– Вот я эту случайность и исправил. Зоя может подтвердить, – Стас повернулся к Зое Ушаковой, низенькой девчонке, которая почти всегда молчит и много думает.

– Подтверждаю. И чтобы не было недоразумений, признаюсь, что попросила Стаса и мне исправить тройку на пятерку.

– Ну вы даете! Шустро.

– Не завидуй, Комаров.

– И никто кроме Сони не видел, как Стасон в журнале оценки ставил? – спросил я у ребят.

– Получается, никто. Я почти всю перемену с закрытыми глазами просидел, плеер слушал.

– Молодцы. Значит, к столу кто угодно подойти мог.

– Глеб, мы же не знали, что случится кража, поэтому не обращали внимания, – Надя переглянулась с Катькой. – Я у стола всего несколько секунд постояла. Хотела в столовку спуститься, но передумала. Потом мы с Катькой всю перемену домашку по алгебре скатывали. У Сони взяли.

– Я видел, как они писали, – закивал Комаров. – На уроке Надюха дала свою тетрадь мне, я тоже домашку скатал. Кстати, Глеб, ты сам где был?

– Мы после звонка сразу в столовку ломанулись.

– С кем?

– С Димоном.

– Игорь с нами был, – напомнил Димон.

– А, точно. Просидели там до звонка.

– Слушайте, – Катька вдруг подбежала к столу Нины и махнула рукой. – Только сейчас вспомнила. Когда домашку переписывала, мне показалось, я видела в классе Даньку.

– Войтенко?

– Да.

– Ему что здесь понадобилось?

– Не знаю, не знаю. Надь, ты его видела?

– Не, не заметила.

– Я тоже не видела, – сказала Соня.

– Ты к тому времени вышла, – Катя обошла стол Нины, встала у окна, задумалась. – Вить, а ты?

– Я? Не, Надюх, Даньку в классе не видел.

– Был он здесь, – тихо, но твердо произнесла Зоя. – Я в дверях с ним столкнулась. Я заходила, он выходил из класса.

Данька Войтенко учился в параллельном классе, парень вроде неплохой, ответственный, серьезный, был капитаном школьной футбольной команды. Насколько мне известно, в прошлом году Данька дружил с Маринкой.

– Марин, он случайно не к тебе приходил?

– Глеб, меня на перемене в классе не было. Мог, конечно, Данька ко мне заглянуть, почему бы и нет. Увидел, что я не в классе, и ушел.

– Вы после сталкивались в школе?

– Нет, только утром в учительской пересеклись, он за журналом приходил на первой перемене.

– Понятно.

– Мне писать про Даньку? – спросила Светка.

– Запиши. Проверить надо. Кто еще что-нибудь вспомнил?

Все молчали.

– Бесполезно, – заявил Комаров. – Где был, кто был, когда был, с кем был: Глеб, неправильную тактику ты выбрал. Вор в краже не признается – факт. Надо другие пути искать.

– Хорошо бы разобраться в психологии преступника, – задумчиво сказала Соня. – Понять, чем он руководствовался, решившись на кражу, узнать мотив...

– Притормози, Яковлева. Не лезь в психологию. Лучше бы умную мысль высказала.

– Я и высказываю. Я считаю, деньги взял человек, который испытывает материальные трудности.

Светка с Маринкой заплотировали.

– Браво! Браво Соньке!

– Это гениально! Яковлева сделала сенсационное заявление. Сонь, как тебе это удалось?

– Не надоело еще кривляться?

– Нет.

– Оно и видно. Ведете себя, как две мартышки.

– На себя посмотри.

– Смотрела и себе нравлюсь.

– Брейк, девчонки! Сонь, ты все правильно говоришь, но это и без того всем известно.

– Известно, но не все, – злорадно ухмыльнувшись, Сонька, подражая Штангенциркулю, постучала пальцами по парте. – Никому не приходила в голову мысль, что деньги мог взять Витька?

– Комар?!

– Сонь, ты перегрелась?

– Яковлева, за словами следи, – крикнул с последней парты Витька.

– Ты сама себе противоречишь, Сонька, – сказал Димон. – Знаешь ведь, где Витькин отец работает.

– Во-во, – подхватил Витька. – И знаешь, сколько он зарабатывает.

– Не знаю, но догадываюсь.

– Тогда че лепишь?

– Витька привык ни в чем себе не отказывать, – продолжала Соня. – Деньгами сорит.

– Мои деньги, хочу и трачу.

– Деньги не твои, а твоих родителей.

– Мне дают на карманные расходы.

– Значит, признаешь, что получаешь каждую неделю от отца деньги?

– Я и не скрывал никогда.

Сонька встала из-за парты, подошла к доске, прижав излюбленную позу завучихи.

– Попрошу минуточку внимания. Неделю назад мы с бабушкой встретили в магазине Витькину маму. Они разговорились, и я краем уха услышала...

– Угу, краем уха ты слышала, – буркнула Светка. – Верим мы тебе.

Не обращая внимания на Светкин выпад, Соня улыбнулась во весь рот.

– Витькина мама сказала, что отец третью неделю не дает Витьке денег. Причину она не назвала, но важна не причина, а сам факт.

– Открыла Америку, – пробасил Витька. – Ну не дает денег. Тебе какое дело? Это наши с отцом терки, тебя они не касаются.

– Ты привык к деньгам, но неожиданно тебя их лишили.

– Куда ты клонишь?

– Я все сказала, – Соня села на свое место. – Утверждать не берусь, но информацией к размышлению поделилась.

– Яковлева, ты вообще оборзела. Сначала на Стасона бочку катила, теперь на меня.

– Вить, это правда – насчет карманных денег?

– Было дело. Мы с отцом уже уладили проблему. Димон посмотрел на часы.

– Сидим давно и ни фиги не решили. Глебыч, я согласен с Комаром, таким макарон мы вора не вычислим.

– Почему? Появилась зацепка – Данька Войтенко.

– Брось. По-твоему, Данька пришел в класс, взял деньги и остался незамеченным?

– Кроме Катьки и Зои, его никто не видел.

– Откуда Данька мог знать, что у Нины в столе деньги? Не, слабый вариант, хотя проверить стоит.

Еще час мы проговорили ни о чем. Спорили, перебивали друг друга, ссорились, мирились и ссорились снова. Наконец, Димон предложил расходиться.

– Мозги плавятся.

– Ребят, может, в футбол поиграем? – предложил Витька.

– Не сегодня.

– Лады. Тогда я сваливаю. Всем пока.

На улице мы с Димоном решили зарулить в пиццерию. Сильно хотелось есть, а дома у нас шаром покати. С тех пор как Люська возомнила себя писательницей, к плите она подходит редко. Приходится перебиваться сухомыткой и походами в пиццерию.

– Глебыч, ты сам кого подозреваешь?

– Из наших – никого.

– Не верю я в версию о случайном человеке.

– И кто, по-твоему, взял деньги?

– Комар, в принципе, мог. Если отец перекрыл ему кислород...

– Димон, Комар, конечно, пофигист, но не вор.

– Да знаю я, но если Витьку исключить, тогда и подозревать некого.

– В том-то и дело. А деньги пропали. Остается Данька Войтенко.

– Глебыч, ты Даньку, что ли, не знаешь?

– Мне кое-что о нем известно.

– Валяй.

– Только, Димон, строго между нами.

– О чем разговор.

– В прошлом году Данька с двумя пацанами из соседнего района грабанули киоск с лотерейными билетами.

– Это не гон?

– Точняк.

– Данька грабанул? Я фигею.

– Там как было, продавщица отошла на десять минут и почему-то забыла закрыть киоск.

– Переклинило тетку. Бывает.

– Данька с ребятами мимо проходили, увидели киоск, продавщицы нет, ну и...

– И много вынесли?

– Взяли несколько пачек лотерейных билетов.

– А деньги?

– По-моему, деньги не тронули, но точно сказать не могу.

– Капец! Блин, а я не в курсах был. Данька... Надо же, никогда бы не подумал. Так-то он пацан головастый, я раньше вообще его за ботана принимал.

– Димон, это не все. Вспомни, что Маринка сказала про Даньку.

– Вчера она его не видела.

– Не видела после встречи в учительской. Сечешь?

– Пока нет.

– На первой перемене Данька был в учительской, забирал классный журнал.

– Ну.

– И Маринка там была.

– Знаю.

– Димон, не тормози. Именно тогда Маринка услышала разговор Нины про поездку в зимний лагерь. Речь шла о неотданных вовремя деньгах.

– Опа!

– Если Маринка это слышала, мог услышать и Данька.

– Мог, конечно. Наверняка услышал!

– Про что и речь. Маринка слышала краем уха, Данька мог слышать намного больше. Если Нина упомянула, что деньги у нее, то... сам понимаешь.

– А на большой перемене Войтенко видели в нашем классе, – задумчиво проговорил Димон. – Круто!

Мы опять углубились в обсуждения. Под конец разговора Димон заговорил о Соньке.

– Мне ее жалко. Сонька хорошая девчонка, болтает, правда, много лишнего.

– В этом и загвоздка, – улыбнулся я.

– Тяжело ей, Глебыч. Родители неизвестно где, живет с бабкой и дедом. А это напряг.

Телефонный звонок прервал наш разговор. Звонила Люська, спрашивала, через какой промежуток времени умрет человек, если ему в пищу ежедневно небольшими дозами подсыпать мышьяк.

– Откуда я знаю. Ты зачем вообще интересуешься?

– Для книги, разумеется.

– Решила в своей слезливой мелодраме всех перетравить мышьяком?

– Ха-ха! Совсем не остроумно. Ты отстал от жизни, я пишу не сентиментальную прозу, а остросюжетный детектив. Надо одного чела мышьяком травануть, но только не сразу, а постепенно. В инете нет нужной инфы.

– И ты позвонила мне. Можно подумать, я спец в таких делах.

– Ладно, пока. Время на тебя зря потратила.

– Подожди, Люсь, Димон зовет тебя в пиццерию.

Придешь?

– Какая пиццерия? Я работаю!

– Муз пришел?

– Отвали, Глеб.

– Передавай ему привет от меня и Димона.

Люська бросила трубку.

– Придет?

– Нет. Ее Муз ждет.

– А зачем звонила?

– Про мышьяк спрашивала. Черт, она точно больная.

– А в чем дело-то, Глебыч?

– Да так, забей. Но к Люськиной стряпне я теперь долго не притронусь.

ГЛАВА 6

КИНО ВМЕСТО ШКОЛЫ

В свой первый съемочный день Алиса чувствовала себя коровой, которую с минуту на минуту должны отвести на бойню. Ощущение не из приятных. Навалилась хандра, появились сомнения, возникший из ниоткуда страх упорно нашептывал, что все старания напрасны, бессмысленны.

В какой-то момент Алисе захотелось отключить телефон, забраться в шкаф и просидеть там до самого вечера. Чтобы никого не видеть, не слышать, ни с кем не разговаривать. Спрятаться ото всех и затаиться. С другой стороны, она понимала, что это не выход. Если каждый раз пасовать перед трудностями, бояться совершить поступок, дрожать, как дрожат трусливые зайцы при виде хищника, то какой был смысл ходить в школу актерского мастерства и грезить о профессии актрисы? Записалась бы тогда в какой-нибудь кружок кройки и шитья, сидела бы себе в уголке с иголками и наперстками, никого и ничего не опасаясь.

Но нет, Алису манил сказочный (на вид он, конечно, выглядит сказочным) мир кино. Съемки, гастроли, цветы, поклонники, признания, слава... все это казалось ей пределом мечтаний. Райская жизнь. Взять,

к примеру, Диану: она настоящая актриса, у нее есть все то, о чем Алиса пока даже не помышляет. Так почему бы ей не стремиться к такой жизни, не попробовать, не рискнуть? А вдруг получится?

Решено, надо испытать судьбу. Даже смешно стало: ее ждут на съемочной площадке, а она вздумала в шкафу отсиживаться. Ребячество какое.

Но паника не проходила. Пытаясь справиться с волнением, Алиса подошла к окну, открыла форточку, вдохнула свежего морозного воздуха. Вроде полегчало. Правда, ненадолго. Хмурый пейзаж за окном напомнил о разрыве с Глебом, Алиска закрыла окно. Глеб... Интересно, что он сейчас делает? Наверное, сидят с Люськой в кухне, завтракают и минут через сорок пойдут в школу.

Школа... Алисе теперь придется редко там бывать, на студии предупредили, что съемки будут отнимать львиную долю ее времени. Заниматься она, конечно, не перестанет, постарается не отставать от класса, будет использовать каждую свободную минутку, читать, учить...

Хотя кого она обманывает?... Ну какие могут быть уроки в перерывах между съемками? Наверняка она выдохнется так, что, вернувшись домой, захочет одного – принять душ и лечь в кровать. На съемках ведь сильно устают, об этом и Диана постоянно твердит. На первый взгляд кажется, что актерам работает легко: выучил текст, стой себе перед камерой в чужом образе и получай за это гонорары. Действительность намного жестче. Здесь и хронический недосып, и постоянные нервы, беспокойства, стресс, депрессии...

Алиса трянула головой. Надо успокоиться, надо взять себя в руки. Эх, был бы рядом Глеб, он бы что-нибудь посоветовал, успокоил, ободрил. Как же нелепо произошло расставание. А может, плюнуть на гордость и позвонить? Он же звонил первое время после ссоры и домой приходил, просил прощения, полностью признал свою вину. А она не простила. Была горда. Не успела остыть после ссоры. Вот и сглупила.

Алиса взяла телефон, повертела его в руках и уже хотела нажать на клавишу, но передумала. Нет, звонок Глебу лишний раз докажет, что она слабая, ни к чему не приспособленная девчонка, выросшая в тепличных условиях. А она не должна быть такой, потому что с этого дня начинает новую жизнь, а в этой новой жизни нет места слабым безвольным хлюпикам. Алиса положила телефон на подоконник.

Глядя на затянутое серыми тучами небо, на голые деревья, такие беспомощные и некрасивые зимой, на нахохлившихся ворон, сидевших на ветках, Алиса была готова расплакаться от жалости к самой себе. По двору то и дело сновали люди: одни спешили на работу, другие отводили в детские садики детей, третьи выгуливали собак.

Прогремел гром. Надо же. И это в начале декабря. Погода медленно сходит с ума. То сутки напролет идет снег, заваливая дворы и улицы гигантскими сугробами, то наступает резкое потепление, и вчерашние сугробы превращаются в настоящие озера.

Алиса наблюдала за низенькой старушкой, которая, не обращая внимания на дождь, не спеша шла по тротуару. За ней, обходя многочисленные лужи,

ковыляла маленькая собачонка, наряженная в красный комбинезон.

...Приняв душ, Алиса прошла на кухню, заметив на столе геркулесовую кашу. Она терпеть ее не могла, но мама упорно каждое утро варит геркулес. Это, видите ли, полезно для желудка. А у Алисы геркулес вызывает рвотный рефлекс.

– Ма, я не буду кашу, – Алиса отодвинула тарелку и потянулась за сыром. – Зачем ты встала в такую рань, тебе же сегодня во вторую смену идти.

– Завтрак хотела приготовить.

– Мне кусок в горло не лезет.

– Переживаешь?

– Не то слово, мам. Знаешь, уже пожалела, что меня утвердили на роль. Боюсь ехать на съемки, боюсь и все.

– Есть один верный способ побороть страх.

– Какой?

– Не бояться его.

– Да уж, хороший способ, но мне он вряд ли поможет.

– Тогда бойся всего и страдай.

– Утешила, называется, – улыбнулась Алиса.

Через час Алиса вышла из подъезда, запоздало вспомнив, что оставила дома зонт. Закон подлости! Возвращаться она не решилась из-за суеверия, жутко боясь последствий. Пришлось идти по тротуару под дождем и, как та маленькая собачонка в красном комбинезоне, аккуратно обходить лужи.

– Не сахарная, – бормотала Алиса под нос.

До автобусной остановки оставалось метров пятьдесят, и тут из-за угла высотки выскочила серебристая иномарка. На бешеной скорости машина промчалась

мимо Алисы, окатив ее светлое пальто мутной жижей из лужи.

Вскрикнув, Алиса отскочила в сторону. Заметив краем глаза, что иномарка остановилась и начала давать задний ход (вдруг водитель начнет извиняться и, возможно, даже предложит подвезти ее до метро), Алиса подошла к краю тротуара.

Машина остановилась. Боковое стекло медленно опустилось, и толстый мужик с лицом недовольного хомья проорал:

– Куда прешь, корова?! Дороги не видишь?

– Я шла по тротуару!

– Обезьяна кривоногая! – крикнул дядька и надавил на газ.

Она еще и крайняя. Ну и денек начинается.

Промариновавшись в битком набитом автобусе, Алиса спустилась в метро.

Час пик! Как много в этом слове. Если человек попадает в метро в час пик, то Диснейлендом его уже не удивишь. В час пик в метро можно поучаствовать в увлекательных аттракционах.

Первый аттракцион называется «Внесите меня в вагон». Его суть заключается в следующем. Вам надо подойти к выстроившейся на перроне в несколько рядов толпе, встать и приготовиться к незабываемым ощущениям. Когда подойдет состав и откроются двери, вас поднимут, возможно, немного помнут, что-нибудь отдавят, растянут, обматерят, но в вагон внесут – это точно.

Следующий аттракцион – «Хоть бы выстоять». Здесь будет немного труднее. Вы должны быть готовы стоять всего на одной ноге, а кому-то придется

висеть в воздухе подпираемым со всех сторон раздраженными товарищами по несчастью.

Ну и, наконец, третий, он же самый главный, аттракцион под названием «Выпустите меня на свободу». Этот аттракцион наиболее жесток, потому что не всем надо выходить на вашей остановке. Поэтому приготовьтесь к тому, что вам вновь отвесят пару «комплиментов», но уже с особой жестокостью, опять что-нибудь отдавят, а напоследок крикнут в спину слова-пожелания, мол, желаем тебе всего и сразу и, желательно, прямо здесь и сейчас.

Преодолев все препятствия и оказавшись на улице, Алиса всхлипнула. Она уже шла не на студию, она плелась на каторгу.

...На съемочной площадке вертлявая гримерша Верочка, критически осмотрев лицо Алисы, вынесла неутешительный вердикт:

– Твоему видончику не позавидуешь. Признавайся, чем ты занималась ночью? Разгружала вагоны с цементом или лес валила?

– Ни то, ни другое. Я всю ночь просидела у окна, заснуть смогла только в начале пятого.

– А зачем у окна-то сидела, высматривала кого?

– Сна не было.

– Вот! – Верочка подняла вверх указательный палец. – Твоя главная ошибка. Заруби себе на носу: актрисе, для того чтобы выглядеть в кадре ослепительно, необходимо спать не менее восьми часов в сутки. Иначе никак. Я, конечно, скрою все недостатки, но впредь советую бороться с бессонницей при помощи снотворных. Только сильнодействующие препараты не принимай, иначе утром проснешься с лицом

телепузика, и весь день будешь ходить как подстреленная антилопа. Поняла?

– Поняла, – Алиса кивнула и плюхнулась на стул.

Верочка начала накладывать тон. При этом ее рот не закрывался ни на минуту. Гримерша говорила и говорила, у Алисы от ее болтовни разболелась голова.

– А кожа у тебя ничего, – с нескрываемой долей зависти сказала Вера. – Гладкая. Ты какими кремами пользуешься?

– Никакими.

– Что, вообще?

– Ну да.

– Слушай, ты родилась под счастливой звездой. А у меня с кожей проблемы еще в пятом классе начались. Сначала я сходила с ума из-за прыщей. О!.. Ты не представляешь, сколько всякой дряни я наносила на лицо, только бы избавиться от ненавистных прыщей. Ничего не помогало! В двадцать лет у меня появились первые морщинки на лбу и вокруг глаз. С ними я воевала около трех лет, а потом плюнула и решила, что воевать с природой глупо. Посмотри на мое лицо. Мне двадцать четыре года, а кожа как у старухи.

– Не преувеличивайте.

– Нет, правда. Просто под слоем косметики ничего не видно, но когда смываю боевую раскраску, наступает мрак! Кстати, прекрати обращаться ко мне на «вы». Я что, старая?

– Нет-нет.

– Тогда не выкай мне, поняла?

– Хорошо.

– Ну, посмотри, я сделала из тебя человека.

– Спасибо, – Алиса посмотрела в зеркало, слабо улыбнувшись Верочке.

– Это далеко не все.

Когда гримерша начала красить Алисе ресницы, в гримерке появилась режиссер сериала Наталья Васильевна.

На первый взгляд Наталья Васильевна казалась существом хрупким и беззащитным. Она напоминала девочку-подростка, остро нуждавшуюся в опеке и внимании. Тоненькая, словно тростинка, Сидорова вызывала у окружающих самые положительные эмоции. Ее так и хотелось защитить от жестоких реалий жизни.

В действительности же Наталья Васильевна была монстром. Да, монстром. Актеры так и называли ее за глаза. Жестокая, властная, деспотичная, она могла довести до ручки даже человека с железными нервами. Но в своем деле была настоящим профи, почти что гением, а гениям, как известно, прощают если не всё, то многое.

Кивнув Алисе, которая при появлении режиссера втянула голову в плечи, Наталья Васильевна сказала:

– Через тридцать минут ты должна быть на площадке!

– Ой, за полчаса мы не успеем, – пропищала Верочка. – Костюмер еще не принесла платье.

– Как не принесла?! Где она? – Выбежав в коридор, Сидорова закричала: – Где Ольга? Ольга!

Алиса сглотнула.

– Вер, а она всегда такая злая?

– Не злая она, а требовательная. Будешь выкладываться по полной – попадешь в число любимчиков, начнешь филонить – я тебе не завидую. Я с Натальей

Юрий Ситников

третий раз на съемках пересекаюсь и знаю, что ради здоровой атмосферы в коллективе она способна горы свернуть.

– Неужели и с Платовой она ведет себя так же резко?

– Не напоминай мне про Платову. Терпеть ее не могу. Такие истерики закатывает на съемках. Звездит не по-детски. А ты чего трясешься? Холодно, что ли?

– Н-нет, немного не по себе.

– Мандражируешь? Это ничего, привыкнешь.

– Вер, пожелай мне удачи.

– Ни пуха.

– К черту!

Помощница костюмера, грузная дама пенсионного возраста, принесла черное кашемировое платье, в котором Алисе предстояло войти в кадр.

– А я в нем не поджарюсь? – спросила Алиса.

– Ничего не знаю, – скороговоркой проговорила костюмерша. – Это не мои заботы. Сказали принести кашемир – я принесла. Если отказываешься переодеваться, объясняйся с Натальей Васильевной.

– Нет-нет, я не отказываюсь, я просто спросила. Платье очень красивое, мне... мне нравится.

ГЛАВА 7

НА СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКЕ

Начались съемки.

В первой сцене актеры, Надежда Платова и ее сериальный супруг (его роль исполнял Владимир Забелин), завтракали в столовой. Верочка последний раз прошла пуховкой по лицу Надежды Валентиновны и вышла из кадра.

Алиса стояла за декорациями, слушая последние наставления Натальи Васильевны. Атмосфера накалялась, все кругом казалось уже не сказочно-прекрасным, а жутким и даже опасным. Сейчас ей предстоит войти в кадр, за каждым ее шагом, движением будет наблюдать немигающее око камеры, причем не одно. И Алисе предстоит что-то говорить, изображать радость, смутение, тревогу, играть не только душой, как сказала ей Верочка, но и телом тоже. Жесты, мимика, интонация, тембр голоса – все это играет для актера первостепенную роль. А еще есть текст, и его надо будет озвучить. Перед камерой! Перед знаменитыми актерами! Алиса ужаснулась. Она ничего не помнит, ни словечка. Голова пуста, руки дрожат, ноги трясутся.

Понимая, что еще чуть-чуть – и она упадет в обморок, Алиса пошатнулась, машинально схватив за руку

стоявшую рядом сериальную приемную мать – Маргариту Грушевскую.

Маргарита заподозрила неладное.

– Алиса, ты в порядке?

– Да... в порядке.

– Все понятно? – в очередной раз спросила Наталья Васильевна.

Кивнув, Алиса внутренне напряглась.

– Не дергайся, – улыбнулась Маргарита Григорьевна. – Тебя здесь никто не расстреляет.

– Хочется верить.

– Я сама нервничаю, еле стою.

– Вы?!

– Не верится, да? Внешне спокойна, как скала, а внутри... сердце бешено колотится.

Алиса внимательно посмотрела на актрису. Неужели говорит правду, неужели и в самом деле нервничает? Или просто успокаивает? В любом случае, Маргарита Григорьевна права, расстреливать Алису не будут, поэтому надо вспомнить все, чему учили в школе актерского мастерства, и идти напролом. Так и только так. Она не имеет права провалить роль, это ее шанс.

Сев за режиссерское кресло, Наталья Васильевна крикнула:

– Тишина на площадке! Актеры, приготовились. Мотор! Начали!

Толстая дама щелкнула перед глазами Алисы хлопком. Хорошо щелкнула, с чувством. В ушах зазвенело, перед глазами запрыгали противные точки, голова начала кружиться. Текст, твердила про себя Алиса, надо вспомнить текст, и все пойдет по накатанной.

– Сцена семь, дубль один, – взвизгнула толстая дама, отпрыгнув в сторону.

Выпрямив спину, Алиса с Маргаритой Григорьевной вошли в импровизированную столовую.

– Здравствуйте, – тихо сказала Алиса, остановившись в двух метрах от Надежды Валентиновны.

Эту фразу она вспомнила – уже хорошо. Теперь бы все остальное вспомнить.

По сценарию Надежда Валентиновна должна была вскочить из-за стола, подбежать к «дочери» и, прижав ее к себе, расплакаться. Платова повела себя иначе.

Смерив Алису гневным взглядом, она выпалила:

– Ты?!

Наталья Васильевна остановила съемку:

– Стоп! Альбина Валентиновна, придерживайтесь текста.

– Господи, – пропела Платова, – не понимаю, как это вырвалось.

– Снимаем.

Дама с хлопушкой снова возникла рядом с Алисой.

– Сцена семь, дубль два, – бедная хлопушка в очередной раз издала щелчок.

Алиса вошла в столовую.

– Здравствуйте.

На этот раз Надежда Валентиновна сделала все, как того требовал сценарий. Заключив «дочь» в объятьях, она разрыдалась и, раскачиваясь из стороны в сторону, твердила:

– Милая! Родная! Доченька!

Но едва режиссер крикнула «Снято», страдальческого выражения на лице Надежды Валентиновны как не бывало. За доли секунды оно превратилось в маску.

Примерно через три часа, во время перерыва, вымотанная Алиса (она успела устать настолько, что с трудом передвигала ноги) прислонилась к одной из декораций, пытаясь отдышаться. Гнев и обида стояли комом в горле, к глазам подступили слезы. Надежда Платова невзлюбила ее с первого взгляда. Постоянные придирки, замечания, наставления Алиса, конечно же, терпела. Но когда десять минут назад во время очередного дубля (который, к слову сказать, запорола сама Платова) та отошла от Алисы и громко сказала «Понаберут всяких», Алиса ощутила себя чужаком в этом месте. Прижиться среди актеров будет сложно, тем более ей, с ее ранимым характером.

В десятый раз прокручивая в голове слова знаменитой актрисы, Алиса не услышала, как к ней подошел Константин Андреев. Тот самый сын экономки, с которым в будущем у героини Алисы должен завязаться роман.

Косте было девятнадцать, он учился на втором курсе театрального училища, имея в своем послужном списке три главные и десяток второстепенных ролей. Высокий, симпатичный, он давно снискал славу донжуана. Алиса читала об Андрееве статьи в газетах, часто натыкалась на его фотки в Интернете и, по словам Люськи (ох уже эта Люська!), должна была сразу в него влюбиться. С первой встречи.

Алиса вдруг усмехнулась. Ошиблась Люська, не сбылись ее пророчества, не влюбилась Алиса.

– Привет, – Костя откинул со лба волосы, лениво облокотившись о декорацию.

– Привет.

– Чему радуешься?

– Скорее огорчаюсь.

– Что так?

– Платова считает меня кровным врагом.

– А-а, – протянул Костя. – Забей. Не бери в голову.

– Как это?

– А вот так. С пропиской тебя. Привыкай, вливайся в атмосферу. Ты должна свыкнуться с мыслью, что будешь действовать на свою мамашку, как красная тряпка на быка.

– Почему она на меня взелась?

– Характер, статус, возраст... да тут много всего намешано. Лучше не принимать близко к сердцу.

– Я постараюсь, но если честно, первый день на площадке представляла себе по-другому

– А я представлял тебя именно такой. Ты красивая. Алиса смутилась.

– Не смущайся.

– А ты не смущай.

– Чего такого, я правду сказал. Ты вечером свободна?

– В смысле?

– В прямом.

– Да нет... я...

– Сходим куда-нибудь?

– Я...

– Ты где живешь?

– Э...

– Скажи свой номер телефона, – напирал Костя.

– Подожди, – выдохнула Алиса. – Ты со всеми такой шустрый?

– Только с красивыми девушками. Кстати, я тебя уже видел.

– Где?

– Во ВГИКе. Ты на первом курсе учишься.

– Не угадал.

– На втором?

– Я не учусь во ВГИКе.

– В ГИТИСе?

– Нет.

– А где? В «Щуке», в «Щепке»?

– В школе я учусь.

– В какой?

– В обычной.

– Как в школе? Да ладно, че, серьезно? А я подумал, ты уже студентка. Не, ну выглядишь ты лет на восемнадцать.

Проходившая мимо Маргарита Григорьевна, услышав последние слова Кости, остановилась и, улыбаясь, обратилась к Алисе:

– В твоём возрасте это комплимент, Алиса.

Алиса опять смутилась.

– Пойдем со мной, поговорим, – попросила Грушевская. – Костя, извини нас.

– Потом договорим, – крикнул Костя, махнув Алисе.

Маргарита Григорьевна привела Алису в примерку, усадила на стул и, достав из сумки пакет, сказала:

– Давай перекусим. У меня здесь бутерброды, а в термосе горячий кофе.

– Совсем не хочется есть.

– Надо-надо, не делай ошибок многих начинающих актрис. Ничего не едят, курят, и, как следствие, большой желудок. Бери бутерброд, не стесняйся.

С Маргаритой Григорьевной Алиса чувствовала себя легко и непринужденно. Создавалось

впечатление, что они знакомы уже много лет и знают друг о друге всю подноготную. Интересно, почему Диана ненавидит Грушевскую? Алиса даже хотела спросить у Маргариты о бывшей подруге, но постеснялась.

Перед выходом из гримерки Маргарита Григорьевна дала Алисе совет.

– Тебя будут унижать, оскорблять, провоцировать на скандалы. Не реагируй! Игнорируй! Не ввязывайся в перепалки, сразу поставь себя на ступень выше интриганов.

– Я постараюсь, – улыбнулась Алиса.

– Вот и хорошо. Тогда идем, пора работать.

На протяжении дня Костя умудрялся встречаться Алисе в самых неожиданных местах. Появлялся как чертик из табакерки, улыбался, шутил, бойко сыпал комплиментами.

И комплименты делали свое дело – Алиса расправляла плечи, улыбалась Косте в ответ, заразительно смеялась его шуткам. Но в какой-то момент вдруг вспомнила, где находится и с кем разговаривает. Костя в первую очередь актер, забывать об этом не следует. А кто такой актер? Человек, способный за одну жизнь прожить сотни других, вымышленных жизней. Человек, умеющий в нужное время и в нужном месте забывать свое собственное «Я», примеряя на себя ту или иную маску. А словам актера вообще нельзя верить. Это пустые слова. Они не имеют силы, они только сотрясают воздух.

Алисе сделалось грустно. Все здесь ложь; ложь от начала до конца. И Костины комплименты – тоже ложь. Разговаривает с Алисой и одновременно

таращится на Верочку, которая носится туда-сюда по площадке, улыбаясь всем дружелюбной улыбкой.

– Не сверни шею.

– Что? Это ты мне? – Костик удивленно посмотрел на Алису.

– Тебе-тебе. Ты скоро дыру на Вере протрешь.

– А ты мне нравишься, – весело заявил Костя. – На роль моей девушки подходишь идеально.

– Не раскатывай губы.

– Эй, ну привет. Я про сценарий говорю. Ты его читала?

– Сценарий?

– А ты о чем подумала? – в глазах Кости играли озорные огоньки.

Алиса не успела ответить, ее позвала Наталья Васильевна. Костя смотрел ей вслед и улыбался.

...В шесть вечера (день сегодня был бесконечно долгим) Алиса разговорилась с Владимиром Забелиным. Знаменитый актер – несмотря на звездный статус – оказался очень милым и приятным собеседником. В отличие от Платовой, которая фыркала всякий раз, когда Алиса попадалась ей на глаза, Забелин общался с сериальной дочерью на равных.

Рассказав забавный эпизод из жизни, он хрипло рассмеялся и покачнулся.

– Представляешь, я и подумать не мог, что в комнате помимо меня находились еще два человека. Умора! Было жутко неловко. Пришлось просить прощения и спешно делать ноги.

Костя вырос словно из-под земли.

– Над кем смеетесь? – спросил он, подмигнув Алисе.

– Надо мной, – прыснул Забелин.

– Алис, мне с тобой поговорить надо.

– Говори.

– Э, не здесь.

– Понимаю, – засмеялся Владимир Николаевич. – Я лишний и спешу самоустраниться.

– Нет, не уходите, – Алисе было неловко, что из-за появления Кости Забелин почувствовал себя неловко.

– Алис...

– Ты что, не мог подождать, пока мы поговорим?

– Не мог. У меня есть к тебе предложение.

– Интересно.

– Ты мне так и не сказала номер своего телефона.

– И не скажу.

– Почему?

– А ты мне звонить, что ли, собрался?

– Окей! Тогда договоримся здесь. Значит, запоминай, встречаемся в девять часов...

– Подожди, ты о чем сейчас?

– Приглашаю тебя в клуб. Есть одно классное местечко – не пожалеешь.

– Я не люблю клубы.

– А кино?

Алиса колебалась. Идти с Костей никуда не хотелось, но он был так настойчив, что она в силу своей мягкотелости боялась обидеть его резким отказом.

– Костя, давай в другой раз о кино поговорим. Сегодня я слишком устала, к вечеру превращусь в развалину.

– Отнесу тебя на руках, – не сдавался он.

– Я правда не могу.

– А-а-а, – заулыбался Костя, стукнув ладонью по стене. – Все понятно. У тебя есть парень.

– Нет! – быстро выкрикнула Алиса, удивившись такой стремительности.

– Тогда почему бы нам не сходить в кино?

– Пойми, сегодня мой первый съемочный день, я пока новичок. Я всего боюсь, сильно переживаю. И сейчас жду не дожусь окончания съемок, чтобы скорее добраться домой и прийти в себя от всего случившегося. Понимаешь?

– Понимаю. Ладно, сегодня отказ принимается. А как насчет субботы?

– До субботы надо дожить.

– Доживем.

– Я... подумаю.

К Косте подбежала Верочка:

– Костя, мне надо с тобой срочно переговорить.

– Не буду вам мешать, – воспользовавшись ситуацией, Алиса скрылась за декорацией.

Достав телефон, она позвонила Люське. После двадцатого гудка Люська подняла трубку.

– Где ты там ходишь?

– Я писала, Алис. Муз опять прилетел. Слушай, такой эпизод накатала – зашибись. У тебя-то как дела?

– Ужасно.

– Не поняла юмора.

– Валюсь с ног от усталости – раз. Платова успела меня возненавидеть – два. От взгляда режиссера цеппеню от страха – три.

– Дальше можешь не продолжать. Это все ерунда. Лучше скажи, к тебе уже кто-нибудь подкатывал из симпатичных ребят?

– Нет.

– Совсем-совсем?

– Совсем-совсем.

– Ну, – разочарованно протянула Люська. – Я так не играю.

– Но меня пригласили в ночной клуб.

– Вау! Это уже интересно. А кто пригласил?

– Догадайся с трех раз.

– Сразу сдаюсь. Не томи.

– Костя Андреев.

– Вау! Алиска, учти, как вернешься, сразу ноги в руки и дуй ко мне.

– Люсь, я отказалась.

– Отказалась от поездки в клуб с Костиком Андреевым? На тебя осветительный прибор упал или тебя хлопушкой стукнули? С Глебом вы расстались окончательно и бесповоротно, – Люська сделала паузу. – Я ведь права?

– Да.

– Ну вот, чего тогда выпендриваешься?

– Некогда мне по клубам разъезжать, – засмеявшись, Алиса понизила голос до шепота: – Актриса должна спать не менее восьми часов в сутки. Так говорит Верочка.

– Что еще за Верочка?

– Примерша.

– Лака для волос нанюхалась твоя Верочка. Нашла кого слушать. Восьмидесятилетняя актриса должна спать по восемь часов в сутки, а тебе вообще можно ночь напролет тусить, все равно утром будешь свежей и румяной. Иди к Андрееву и скажи, что передумала.

– Нет, уже неудобно.

– Тогда пошли ему эсэмэску.

– Я обещала подумать насчет субботы.

Юрий Ситников

– До субботы я успею тебя обработать. А сейчас сфотографируй его на телефон.

– Зачем?

– Хочу посмотреть на него.

– В инете сотни его фоток. Заходи и смотри.

– Ты ничего не понимаешь, любительская фотка – это почти эксклюзив. И постарайся удачно выбрать ракурс.

– Люсь, мне пора бежать. Перезвоню позже.

– Про фотку не забудь.

– Не забуду. Пока.

Выглянув из-за декорации, Алиса увидела Костю. Он стоял рядом с сухопарой брюнеткой, что-то ей доказывал, отчаянно жестикулируя.

– Ракурс самый подходящий.

Вытянув руку, Алиса успела сделать один снимок, как вдруг услышала за спиной ехидный голосок Верочки:

– Чем это ты занимаешься?

Алиса спрятала телефон в карман.

– Э... сфоткала декорацию.

– С чего это ты вдруг?

– Хочу показать маме с сестрой.

– Ну-ну, – звонко рассмеялась Верочка, поглядывая в сторону Кости. – Симпатичная декорация, маме и сестре понравится.

ГЛАВА 8

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ДАНЬКА

Димон ворвался в класс за две минуты до начала урока. В дверях он столкнулся с Маринкой.

– Первый раз вижу, чтобы ты так на литерату торопился.

– Ну так, – усмехнулся Димон. – Работаю над собой.

Подбежав к парте, он зашептал:

– Глебыч, собирай вещи, сваливать с уроков надо.

– У нас проблемы?

– Типа того. Давай, не тормози. Срываемся через минуту, иначе Нина придет.

Побросав в рюкзак учебник, тетрадь и ручку, я пошел за Димоном.

– Озеров, Крылов, вы куда? – спросила Сонька.

– К директору.

Больше Сонька вопросов не задавала.

– Димон, зачем к Анне идем?

– Сто лет она мне не нужна, – Димон вдруг остановился и отскочил в сторону, потянув меня за собой. – Глебыч, шухер! Нина идет.

Мы забежали в туалет, Димон прикрыл дверь и через оставшуюся щелку смотрел в коридор.

– Есть! Прошла. Уходим!

– Говори, куда идем?

– Подфартило нам, появилась возможность проследить за Данькой. Пять минут назад слышал его телефонный разговор, Данька кому-то сказал, что деньги будут сегодня. Улавливаешь? А потом он у своей классухи домой отпросился. Надо успеть перехватить его, пока не ушел.

– Пять минут прошло, могли упустить.

– Я из окна видел, Данька действительно домой потопал – в подъезд зашел. Минут десять в запасе у нас есть. Потусим недалеко от подъезда, а когда выйдет, будем брать тепленьким, – Димон потер ладони. – Деньги, Глебыч, ключевое слово здесь – деньги. Вот и жареным запахло.

– Не радуйся раньше времени, вдруг совпадение.

– Проверим.

Долго ждать Даньку не пришлось, Димон был прав: уже через десять минут Войтенко появился на улице.

– Куртку переодел, – заметил Димон.

– И пакет в руках.

– Погнали, Глебыч.

Сначала шли до метро, потом ехали с двумя пересадками, снова шли, и наконец Данька остановился возле невзрачного здания с табличкой «Ювелирный» над козырьком.

– Не понял, что ему понадобилось в ювелирном?

Я потянул Димона за руку.

– Стой. Ты куда?

– Надо зайти.

– Увидит. Останемся на улице.

– Так не узнаем, зачем он сюда приехал.

– Димон, а ты сам не догадался? Зачем люди ходят в ювелирные магазины?

– Цацки покупают.

– Ну?

– Что ну? Данька захотел купить себе золотишко?

– А почему бы и нет?

Димон неотрывно смотрел на вход в ювелирный магазин.

– Слабо в это верится, но в принципе такой вариант не исключается.

– Данька может купить украшение в подарок.

– Уже теплее. И что-то мне подсказывает, подарочек будет куплен на денежки Нины.

– Вернее, на наши деньги.

– Ну да. О, выходит.

– Быстро.

– Наверняка его там ждали. Теперь ясно, кому он звонил из школы. Предупредил, что появились бабки, и сразу рванул в ювелирный. Е-мое, совсем не умею в людях разбираться. Считал Даньку своим в доску, а он... как думаешь, куда сейчас зарулит?

– Трудно сказать.

Данька опять спустился в метро, правда, на этот раз мы тряслись в полупустых вагонах недолго. Уже через четыре остановки вышли на улицу. Пошел дождь со снегом, Димон натянул на голову капюшон толстовки, я пожалел, что забыл сегодня дома бейсболку.

Данька бодренько вышагивал по улице, изредка доставал телефон, смотрел время.

– А он не торопится, – раздраженно сказал я, чувствуя, как по лицу текут капли дождя.

– Заруливает в деловой центр. Хм... За фиг он сюда притащился? Глебыч, надо зайти.

– Зайдем, конечно.

В вестибюле охранник преградил нам путь.

– Вы куда?

– Туда, – засмеялся Димон.

– Пропуск есть?

– Пропуск? Э, Глебыч, покажи пропуск.

– Блин, я его дома забыл.

Охранник ухмыльнулся.

– Отойдите от прохода.

– Сюда только что зашел белобрысый парень. Вы его видели?

– Видел.

– Почему вы его пропустили без пропуска?

– Без пропусков никого не пускаем.

– У Даньки есть пропуск?!

– В сторону! В сторону! – торопливо сказал охранник, видя, что к вертушке подходит тучный мужик в расстегнутой дубленке.

Толстяк небрежно показал пропуск, охранник чуть заметно кивнул и обратился к нам:

– Видали?

– Видали, – протянул Димон. – Облом.

– А что за пропуск у Даньки? – спросил я.

– Обыкновенный пропуск.

– Обыкновенный, – негодуя повторил Димон, когда мы вышли на крыльцо. – Мутновато здесь, Глебыч. Зачем Войтенко понадобилось приезжать в деловой центр и откуда у него пропуск.

– Пропуск – не проблема, если в центре есть знакомые. Они могли выдать его Даньке.

– А цель?

– Слишком много задаешь вопросов, Димон. И не по адресу.

Минут сорок мы промаялись на крыльце. От входной двери держались на расстоянии, прячась за широкими колоннами и выглядывая из-за них всякий раз, когда кто-нибудь выходил из центра.

Данька вышел не один. С ним была красивая девчонка в яркой куртке. Спустившись по ступенькам, они пошли в сторону метро, но на полпути завернули в гипермаркет.

– Зашли перекусить, – сказал Димон, увидев, что Данька со спутницей усаживаются за круглым столиком маленькой кафешки.

– Многое становится ясно. Деньги, ювелирный магазин, девушка.

– Стопудово – ей Данька подарок и купил.

– А она ничего.

– Классная девчонка.

– Не Алиска, конечно...

– Харэ везде свою Алиску упоминать. Алиска тоже красивая, но эта, – Димон кивнул подбородком в сторону крайнего столика, – лучше.

– Спорный вопрос.

– Да, да, да, только спорить с тобой я не собираюсь.

– Кстати, Алиска уже не моя, – сказал я как бы между прочим.

Димон что-то ответил, но я не расслышал, что.

– Теперь главное доказать, что деньги у Нины стырил Войтенко. Задача! Улики есть...

– Косвенные улики, – поправил я.

– Почему же косвенные, Глебыч?

– Потому что нам ничего не известно наверняка.

– А факты? Доказательства?

– Какие у тебя доказательства?

– Звонок – раз, ювелирный – два, красивая девчонка – три.

– Звонок не доказательство. Данька мог разговаривать с кем угодно, о чем угодно. Кроме тебя его слова кто-нибудь слышал?

– Нет.

– Звонок отпадает.

– А ювелирный?

– Данька там был, но что делал, мы, опять-таки, не знаем.

– Хрень получается, Глебыч. Я предлагал зайти в ювелирный, ты отказался. Ну а с девчонкой тоже облом?

– Ее наличие само по себе ровным счетом ни о чем не говорит. Встречается с ней Войтенко – и что дальше?

Димон сник.

– Ты прав. Факты есть, но они хлипкие. Слушай, но Даньку по-любому надо расколоть.

– Они встают. Отвернись!

Данька с девушкой прошли мимо нас, а на улице вопреки нашим ожиданиям (мне казалось, они будут тусить весь день вместе) расстались, и каждый пошел своей дорогой. Девушка побежала к остановке, Данька – к метро.

Снова слежка, снова подозрения и предположения.

Теперь в метро ехали долго. Народу прибавилось, пару раз мы едва не потеряли Даньку из виду.

– Фига се, Глебыч, куда его опять несет? Задолбался я уже на хвосте сидеть.

Вбежав в вагон, я прислонился спиной к поручню бокового сиденья.

– Где Данька?

– В первую дверь вошел.

– Я его не вижу.

– Все нормально. Вон он, рядом со старухой стоит. Глебыч, у тебя телефон звонит, ответь.

Совсем невовремя состав остановился в депо. В вагоне повисла гробовая тишина. Такое иногда случается: пока поезд мчится, гремя колесами, народ переговаривается, стараясь переорать шум и гул, но как только все стихает, люди умолкают.

В повисшей тишине я отчетливо услышал голос сестры:

– Димка рядом?

– Да.

– Дай ему трубку, у него телефон не отвечает.

– Димон, тебя.

Сначала Димон кивал, отвечая краткими «Да», «Нет» или «Ну». Потом нахмурил лоб, мотнул головой:

– Не, Люсь, я думаю, этот вариант не прокатит. Придумай другой способ. Что? Я в этом не силен, ты же знаешь. Люсь... Люсь, не обижайся. Я хочу помочь, но у меня вряд ли получится. А? Ага. Ну... Не знаю... Топить его в ванной я тебе не советую.

Стоящая рядом женщина покосилась на Димона.

– Как почему? – спрашивал Димон. – Люсь, а тело потом куда девать? В пакет? А кто его будет тащить, ты об этом подумала? Нет, лучше травануть его вне дома.

Женщина округлила глаза. Мужик и две девушки в ужасе уставились на Димона.

Я толкнул его в бок.

– Димон, закругляйся.

– Погодь, Глебыч, Люсе помощь нужна. Люсь, давай так, ты пока отдыхай, а вечером я заскочу и мы решим, как его убить. Окей? Ну все, досвидос.

По закону подлости, стоило Димону отсоединиться, состав тронулся с места.

– Не поворачивайся, – прошептал я.

– А в чем дело?

– Ты так круто пообщался с Люськой, что теперь тебя принимают за убийцу.

Димон вздрогнул.

– Бли-и-ин.

– Я предупреждал.

– Люся обижалась, говорит, у нее простой в работе, просила срочно подкинуть идейку.

– И подкинул. От нас все отошли на полтора метра.

Димон засмеялся.

– А чего, прикольно.

– Скажи спасибо, если на станции нас не скрутят по рукам и ногам.

– Глебыч, я слишком громко говорил? Данька не мог услышать?

– Нет. Тебя слышали только близстоящие. Смотрят на тебя теперь, как на фашиста.

Димон повернул голову, уставившись на женщину в меховой куртке. Она сразу же отвернулась, сделав вид, что изучает схему метрополитена.

Вскоре Данька вышел. На улице стемнело, похолодало. Скорым шагом Войтенко дошел до туристического агентства, пробыл там минут десять, после чего мы его благополучно потеряли из виду.

– Туристическое агентство. Глебыч, мы попали в точку. Данька грабанул Нину. Путевочку, наверное, для себя и той девчонки присматривал.

– Может быть.

– Не может, а точно. Говорю тебе, колоть его надо.

– Не спеши.

– Чего тянуть резину? Колоть, пока не поздно.

– Как ты собрался его колоть?

– Прижать к стенке, выложить правду, мол, знаем про твои маршруты. Он во всем сознается. Главное, чтобы был эффект неожиданности. Фотки у меня есть: Данька заходит в ювелирный, в агентство, в торговый центр. Проверить несложно. Данька не дурак, сразу поймет, отнекиваться смысла нет. Мы же можем в полицию заявить, там проверят инфу, зададут резонный вопросик: откуда, парниша, у тебя бабки на цацки и поездки? Логично, Глебыч?

– Не совсем.

– Что опять не так?

– Многое. Но знаешь, я, пожалуй, с тобой соглашусь. Неохота с этим делом затягивать.

– Такая же фигня. Предлагаю завтра после уроков зайти к Даньке домой. Типа пришли просто так, подружески, а потом рубануть правду в лицо. Увидишь его реакцию. Глебыч, я дело говорю.

ГЛАВА 9

ОШИБОЧКА ВЫШЛА

С трудом высидев в школе восемь уроков, получив пятерку по английскому, четвертак по истории и пару по географии – подвела меня мировая топливно-энергетическая промышленность (или я ее подвел) – мы с Димоном выскочили на улицу.

Сегодня морозец, на дорогах гололедица, на деревьях снег, на бледно-голубом небе ни облачка. Зачетная погодка.

– У Даньки семь уроков, – сказал Димон. – Я смотрел расписание, наверняка он уже дома.

– Сходим потом с девчонками, погуляем?

– Не вопрос. А что за девчонки?

– Блин, Димон. Люська и Светка.

– А-а, – Димон скривился. – Я-то думал... Шучу-шучу. Погулять, конечно, можно, но вряд ли получится. Люська пишет, я ее на перемене встретил, сказала, Муз в ударе, свободного времени нет ни минуты.

– Возьмем вместо Люськи Маринку.

– Посмотрим. Эй, ты куда, пришли уже.

В подъезде мы еще раз прокрутили возможные варианты развития событий, вызвали лифт и поднялись на четырнадцатый этаж.

Дверь нам открыл Федька – младший брат Даньки.

– Привет, Федь, Даня дома?

– Нет.

– Из школы не вернулся?

– Вернулся и сразу ушел. Обещал быстро прийти.

– Слушай, а можно нам его у вас подождать?

– Заходите, – Федька пропустил нас в прихожую. –

Пока Даньки нет, поможете мне с уроками. Задачу по алгебре решить не получается.

– Нашел к кому обратиться за помощью, – хмыкнул Димон. – Я пас.

– Глеб, а ты шарить в алгебре?

– Немного шарю.

– Шарит он, шарит. Как орешки задачки с уравнениями щелкает. Это ж почти Эйнштейн.

– Эйнштейн был физиком.

– Головаастый мужик. Думаешь, он по алгебре ни бельмеса не понимал?

– Глеб, пойдем в мою комнату.

Толкнуть дверь Федька не успел, из большой комнаты послышался низкий женский голос:

– Федор! Федор, кто пришел?

– К Даньке ребята, бабуль.

– Какие ребята?

– Из школы.

– Даниил разве дома?

– Нет, вышел ненадолго.

– Позови сюда этих ребят, я должна их увидеть.

Федька посмотрел на нас с Димоном и покрутил пальцем у виска.

– Придется идти.

– Чего у вас бабушка такая строгая?

– Она не строгая, она...

– Шизанутая?

– Димон, – я толкнул его в плечо, а Федька прыснул.

– Не совсем. Ей заняться нечем, она целыми днями сидит за столом и гадает.

– Гадалка она у вас, что ли?

– Ну да. Карты часами раскладывает.

– Круто.

– Федор, почему задерживаетесь?!

– Идем, бабуль.

– Как ее зовут? – поинтересовался я у самых дверей.

– Ольга Юрьевна.

Большая комната была заставлена старой антикварной мебелью преимущественно из красного дерева. Дорогая, судя по всему, мебель. На окнах висели плотные шторы, под самым потолком горела восьмирожковая бронзовая люстра. В центре комнаты за покрытым бордовой скатертью столом сидела бабушка Даньки. Увидев ее хрупкую фигурку, я удивился и на всякий случай оглянулся по сторонам. Услышав из коридора низкий требовательный голос, я сразу представил себе могучую пожилую женщину со старомодной прической, непроницаемым лицом и злыми глазками. Эдакая мегера.

Ольга Юрьевна оказалась полной противоположностью мегере. Сухонькая улыбчивая старушенция сидела в глубоком кресле, держа в одной руке мундштук с тлеющей сигаретой, а в другой – три карты.

– Это и есть одноклассники Даниила? – спросила она, пристально нас разглядывая.

– Угу, – кивнул Федька.

– Садитесь, молодые люди. Не люблю, когда при разговоре кто-то стоит. Постоянно кажется, что человек

куда-то торопится и слушает тебя больше из вежливости, а не по желанию.

Мы сели на старые стулья с удивительно мягкими сиденьями.

– Представьтесь, – попросила нас Ольга Юрьевна.

– Димон... Дима.

– Глеб.

– Глеб? Редкое имя. Моего второго мужа звали Глебом. У-у, как давно это было. Лет сто прошло, не меньше.

– А вам сейчас сколько? – брякнул Димон.

– Много-много, – нараспев произнесла Ольга Юрьевна. – Есть даже те, кто считает, что я выжила из ума. Да! – Ольга Юрьевна затянулась, выдохнула струйку дыма и сипло рассмеялась. – Муж моей внучки, отец Федора и Даниила, давно списал меня со счетов. За глаза называет ведьмой. Боится меня, думает, заколдую.

– Подождите, как муж внучки?

– Обыкновенно.

Я посмотрел на Федьку.

– Это моя прабабушка, – сказал он.

– Какое ужасное «пра», – поморщилась Ольга Юрьевна. – Оскорбительная приставка. Прабабушка! Звучит, как пощечина. Федор, сядь, не мельтеши.

– Бабуль, я уроки делаю.

– Тогда иди делай. А вы, молодые люди, задержитесь на минутку. Вы мне понравились. Люблю, знаете ли, компании молодых людей. Когда к Даниилу приходят ребята и девчонки, всегда приглашаю их к себе. Это так интересно – знать, чем живет сегодняшнее поколение. Все эти ваши словечки, или как вы их

называете... молодежный сленг. Меня очень волнуют веяния времени. Иногда даже записываю понравившиеся слова, — Ольга Юрьевна выудила из кармана блокнот, прищурила глаза и прочитала вслух: — «Свалить по тихой грусти». Значит, место надоело и пора уходить. Один приятель Даниила, когда я с ним беседовала, сказал это своим друзьям. Разве не замечательно?

— Прикольно, — засмеялся Димон.

— Еще бы! — радовалась Ольга Юрьевна. — Я же их постоянно... грузю своими разговорами. Тоже забавное словцо — загрузить. В мое время у него было совсем другое значение.

— Мы Феде обещали с уроками помочь, — сказал Димон, которого Ольга Юрьевна уже успела загрузить.

— Пусть сам делает уроки. Давайте я вам лучше погадаю. Соглашайтесь! У меня есть совершенно невероятнейший расклад. Вся жизнь как на ладони.

— Нет, спасибо.

— Как-нибудь в другой раз.

— Не надо стесняться, — Ольга Юрьевна убрала мундштук, перемешала карты и начала тасовать колоду.

— Глеб, сядь ближе иними левой рукой.

В прихожей хлопнула дверь. Ольга Юрьевна повернула голову.

— Федор! Федор, кто пришел?

— Данька.

— О! — вскочил Димон. — Нам пора.

— Как жаль, — начала сокрушаться Ольга Юрьевна. — Не успела погадать. Но вы еще приходите, я буду рада.

Данька нашему визиту не удивился. Рассудил по простому: раз пришли, значит, пришли по делу.

– Идемте в мою комнату, – сказал он. – Речь о футбольной команде пойдет, угадал? Ребят, сразу предупреждаю, я в этом году...

– Речь не о футболе, – перебил я Даньку.

– А о чем?

– Вчера мы видели тебя в ювелирном магазине, – выпалил Димон.

– И что?

– И в туристическом агентстве видели. А также в бизнес-центре и в кафешке в ближайшем супермаркете.

– Не понял, вы за мной следили?

– Подарочек ты покупал той симпатичной девчонке?

– Бредятина какая-то, а не разговор. Ничего не понимаю.

– Сейчас поймешь. Вчера, перед поездкой в ювелирный магазин, ты разговаривал по телефону и сказал: «Деньги будут сегодня». Деньги, Данька.

Данька молчал, ожидая продолжения.

– Хорошо, я поясню, – Димон подошел к окну, отодвинул занавеску, посмотрев на улицу. – Тебя видели в учительской, а потом в нашем классе на большой перемене. Теперь врубился?

– Нет.

– Глебыч, мне это нравится. Я ему в лицо все факты, а он...

– Ты в курсе, что у Нины украли деньги? – спросил я Даньку, знаком показав Димону, чтобы он замолчал.

– Вся школа знает.

– Дань, мы тебя вычислили.

– Что?! Глеб, ты офонарел?! Или вы прикалываетесь?

– Нам не до приколов, – выкрикнул Димон.

– Тогда идите к черту! Ищите другого козла отпущения.

– Ты был в нашем классе.

– Был. Меня Нина Владимировна туда отправила.

– Как – Нина?

– Так Нина.

– Врешь.

– У нее поинтересуйся.

– Подожди, Дань, объясни ты толком!

– Вторым уроком у нас была литера. Нина отобрала у меня ручку с лазерной указкой, положила себе на стол.

– Почему отобрала?

– Мы с Лехой прикалывались над Олеськой Ягодиной. После урока я ручку не забрал, забыл. На большой перемене встретил Нину, она сказала, чтобы я взял ручку. Иди, говорит, класс открыт, там мои ребята остались.

Димон сел на подлокотник кресла.

– Че, и все?

– Все. Я пришел, взял ручку и ушел.

– А твой вчерашний разговор, а ювелирный, агентство?..

– Детективы доморощенные! Я курьером работаю. Очень удобно, график гибкий, в день развожу один-два документа. Позавчера должен был отвезти пакет директору ювелирного магазина, но не успел. Договорился о встрече на следующий день. Из ювелирного рванул в деловой центр. Там наш офис находится, взял документы, отвез их в туристическое агентство и домой вернулся.

– А девчонка?

– Лида? Лида тоже курьером подрабатывает. В офисе мы встретились, зашли перекусить в кафешку, потом каждый по своим делам отправился. В школе по телефону я с Лидкой разговаривал. Фраза «деньги будут сегодня» означала, что нам обещали выдать зарплату. Еще вопросы есть? – Данька смотрел на нас воинственно, недружелюбно.

Впрочем, его можно понять. Обвинили ни за что ни про что, ни в чем толком не разобрались... Черт, неудобно получилось.

Димон попросил у Даньки прощения.

– Не злись, старик, обидеть не хотел.

– Проехали.

– Дань, – я протянул ему руку. – Без обид. Извини.

– Сказал же, проехали. А с Ниной обязательно поговорите. Пусть подтвердит, что сама отправила меня на большой перемене в класс. Кто вас знает, вдруг через неделю вас опять переклинит.

На улице Димон пошел на попятную.

– Я изначально сомневался, что Данька причастен к краже.

– Не гони, ты был готов его в СИЗО сдать прямо сегодня.

– Лоханулись мы.

– Да, неслабо обломались.

– Выходит, ниточка, которая вела к Войтенко, оборвалась.

– Получается, так.

– И ведь все совпадало, Глебыч.

– Я предупреждал.

Юрий Ситников

– Да помню я, но... блин, такие совпадения – зашибись.

– Пойдем к нам, вытащим Люську на улицу.

– Она работает.

– Мы ее силой из квартиры вытолкаем. Пусть проветрится. И Муза своего за компанию выгуляет.

– Ноу проблем, – засмеялся Димон. – Но Люську выталкивать будешь сам, а я займусь Музом. С ним легче договориться.

ГЛАВА 10

ДЕЛА КИНОШНЫЕ И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ...

Неделя началась с неприятностей. Помощника режиссера в ночь на понедельник увезли на «скорой» в больницу с острым аппендицитом, оператор вывихнул руку, Маргарита Грушевская вообще не приехала на съемку. А у нее крупный план, продолжительная сцена с диалогами... Наталья Васильевна рвала и метала. Грушевской названивали сразу несколько человек; звонили на домашний и на мобильный — к телефонам никто не подходил. В начале двенадцатого, заподозрив неладное, Наталья Васильевна отправила домой к Грушевской человека. Тот вернулся полтора часа спустя и развел руками.

— Дома никого нет, в квартире тишина.

— С соседями разговаривал?

— Те, что за стенкой, не видели Грушевскую несколько дней. Ничего не слышали, ничего не знают. А старуха снизу уверяет, что в ночь с субботы на воскресенье в квартире Маргариты Григорьевны был слышен грохот. Как будто роняли что-то тяжелое.

Приступили к съемкам. Работалось тяжело, многое не ладилось, шло наперекосяк. В обед перегорел софит,

ни с того ни с сего загорелась декорация – кто-то заговорил о мистике.

Алиса в мистику не верила. И хотя сильно переживала за Маргариту Григорьевну, свою работу выполняла четко, замечаний от режиссера не получала, работала в полную силу – вплоть до того, пока не зацепилась ногой о кабель и не растянулась на полу.

– Как ты? – обеспокоенно спросила Наталья Васильевна. – Руки-ноги целы?

Костя подбежал к Алисе, протянул руку, помог дойти до стула.

– Ничего не сломано, колено немного ноет.

– Не зря говорят, понедельник день тяжелый, – поежилась Верочка. – Сегодня случайно не тринадцатое число?

– Нет! – отрезала режиссер. – И хватит о мистике. Всё, работаем!

Маргарите Григорьевне продолжали названивать в течение дня. Безрезультатно.

В девять вечера Алиса, слегка прихрамывая, вышла из студии и увидела махавшего рукой Костю.

– Где ты там ходишь, я заждался.

– Меня?

– Она еще спрашивает. Конечно, тебя, – Костя открыл перед Алисой дверцу своей машины.

– Садись.

– Твоя машина?

– Нет.

– А чья?

– Не знаю. Угнать собираюсь. Пойдешь в сообщники?

– Не сегодня, – улыбнулась Алиса.

– Ладно, садись давай.

– Кость, я на метро доеду, быстрее будет.

– С твоим коленом – и в метро?

– А на дорогах пробки.

– А в метро час пик. Тебя там затолкают, запинают, и завтра не сможешь приехать на съемку.

Алиса задумалась.

– Хорошо, сообщник, я согласна на угон.

– Отлично. А может, по дороге заедем поужинать?

– Сразу – нет! Только угон и поездка домой.

Костя встал по стойке смирно, склонил голову и приложил ладонь к сердцу.

– Клянусь!

В машине она заговорили о Грушевской. Алиса высказала опасения, что с актрисой могло произойти несчастье.

– Несчастье? Нет, Алис, я так не думаю.

– Почему?

– Не вижу повода для беспокойства.

– А пропажа человека для тебя не повод?

Не отрывая взгляда от дороги, Костя пожал плечами.

– Почему вы все решили, что Маргарита пропала?

– Она не пришла на съемку.

– Забила.

– Не говори глупости. Грушевская столько времени просидела без работы, потом получила роль и сразу на нее забила? Чушь!

– Могла отвыкнуть от съемок. Решила, что не справится, и... скажем, сбежала.

– Куда?

– А хотя бы к черту на куличики.

– Костя, я серьезно говорю.

– И я.

– Тебя не удивляет исчезновение Грушевской?

– Немного, – признался он. – Опять же, не исчезновение, Алис, а прогул. Она не исчезла, она прогуляла съемку. Это разные вещи.

– Ты слишком самоуверен.

– Это плохо?

– В данном случае – да.

– Не обижайся. Я исправлюсь. Ради тебя, – добавил Костя.

– Ты когда-нибудь бываешь серьезным?

– А как же.

– Хотелось бы увидеть тебя в такой момент.

– Еще не вечер, – рассмеялся Костя, – увидишь.

А вообще, Алис, я не люблю серьезных людей. Вся эта серьезность такая надутая, показушная. Ты, например, замечала, что у всех, кто болтает на серьезные темы, глупые лица? Замечала?

– Нет.

– Возьми на заметку. Мое кредо: пока жизнь позволяет, надо жить весело и беззаботно.

– Спорное кредо.

– Не согласен. Пойми, Алис, люди сами многое усложняют, утяжеляют себе жизнь. На ровном месте создают преграды, нагнетают, усугубляют. А ради чего? Ради какой-нибудь низменной цели, которая и копейки не стоит. Вот мы с тобой молодые, красивые...

Алиса хохотнула.

– Чего смеешься?

– Да так. Продолжай.

– Ну. Я и говорю, молодые, красивые и должны развлекаться, ловить момент, Алиска. Пройдет наше время, будем локти кусать.

– Ты-то точно не будешь их кусать.

– Кто знает, – Костя быстро посмотрел на Алису, подмигнул ей и улыбнулся.

У Алисы зазвонил телефон.

«В самый неподходящий момент, – подумала она, увидев на дисплее «Люська».

– Алис, как дела, съемки закончились?

– Да, – Алиса крепче прижала телефон к уху, опасаясь, что до Кости может долететь Люськин голос.

– И я себе перерыв сделала. Глава получилась отменная.

– Много трупов? – улыбнулась Алиса, заметив краем глаза, как Костя резко повернул в ее сторону голову.

– Не понял, – сказал он.

– Подруга книгу пишет, – пояснила Алиса.

– Предупреждать надо.

– Трупов в новой главе нет, – ответила Люська. – А с кем ты там разговариваешь?

– Ни с кем.

– Алис!

– Не столь важно.

– Для тебя, может быть, и не важно, а для меня даже очень важно. Ты еще на студии?

– Нет, еду домой.

– На метро?

– Не совсем.

– Пешкодралом, что ли, топаешь?

– На машине.

– Ага! Так, теплее-теплее. Хочешь сказать, тебя кто-то подвозит?

– Ты догадлива, – Алиса покосилась на Костю, но сейчас его лицо не выражало никаких эмоций.

– Признавайся, кто тебя подвозит? – допытывалась Люська.

– Люсь, потом.

– Нет, нет, нет, нет, мы хотим сегодня. Нет, нет, нет, нет, мы хотим сейчас, – пропела Люська.

– Кхе-кхе, – закашляла Алиса.

– Кхе-кхе – не ответ. Если не можешь сказать прямым текстом, хотя бы намекни.

– Передавай привет своему дедушке.

– Кому?! Алис, ты чего несешь?

– Да, да, обязательно передавай привет Константину Гавриловичу.

– Офигеть! Какому Константину Гавриловичу? Алиска, я... – внезапно Люська на мгновение умолкла. – А-а, я въехала. Блин, конспираторша. Константину Гавриловичу! Здорово придумала. А я сначала решила, что ты с ума сошла. Ты сидишь в машине Андреева – зачет. И как ощущения, Алиска?

– Не ори.

– Да ладно тебе, он не услышит. Алис, Алис, он уже приставал к тебе?

– Я сейчас отсоединюсь.

– Просто ответь, да или нет?

– Нет, и надеюсь, не будет.

– Тоска зеленая! А ты к нему приставала? – веселилась Люська.

– Все, пока, дома поговорим.

– Подожди, подожди, Алис, я хочу дать тебе дружеский совет. Чтобы сразить Костю наповал, тебе надо...

Алиса отсоединилась. Щеки пылали. Не покидало ощущение, что Костя слышал весь их разговор.

– Как вы прощались, рассказывай, – Люська примчалась к Алисе, едва та успела переодеться.

– А как люди прощаются. Сказали друг другу до свидания.

– И все?

– И все.

– Я тебе не верю. Финтишь ты. Перед тем как сказать до свидания, он поцеловал тебя в щеку или в лоб?

– Ни то, ни другое. Просто сказал «Пока».

– Негусто, – Люська достала из кармана блокнот и шариковую ручку.

– Что ты делаешь?

– Эта информация понадобится мне для книги. Помолчи, не сбивай меня.

На протяжении нескольких минут Люська самозабвенно писала, затем убрала ручку, хмыкнула и прочитала последнее предложение:

– «Он поцеловал ее в губы, и она...»

– Костя меня не целовал!

– В жизни, может, и не целовал, а в моем романе обязательно поцелует.

– Представляю, что это получится за детективчик.

– Эй, привет. Ты на какой планете живешь? Детектив в прошлом. Я посоветовалась с Музом, и мы пришли к обоюдному согласию, что детектив – не моя фишка. Сложный жанр, там без специальной подготовки ловить нечего. Я нашла себя в другом жанре.

– В каком на этот раз?

– Любовный роман.

– Ты уже начинала писать любовный роман.

– Ты не поняла, я писала просто любовный роман: слезы, охи-ахи и прочую бабскую фигню. А теперь пишу роман с элементами мистики.

– Брр... Люсь.

– Отличный жанр.

– Хотя бы раз доведи начатое до конца.

– Новый роман будет дописан до точки. Клянусь!

– Верится с большим трудом.

– Придется поверить. Тем более моя новая героиня живет в соседнем подъезде. Да-да, ты не ослышалась, я решила написать роман о тебе.

– С ума сошла!

– Я и имечко твое для героини позаимствовала. Фамилию, правда, пришлось дать другую.

– И на том спасибо.

– А ты не иронизируй, посмотрим, как запоешь, когда издадут мою книгу. Первая примчишься брать у меня автограф. В третьей главе я собираюсь поженить вас с Костей. По сюжету вам обоим по девятнадцать лет и вы без ума друг от друга.

– Подожди, Люська, не заносись. Я запрещаю тебе упоминать имя Кости в романе.

– Все продумано до мелочей, успокойся. Моего героя зовут не Константин Андреев, а Андрей Константинов.

Алиса хотела было уже возразить, но в последний момент решила отмолчаться. В конце концов, Люська это Люська, и шансы, что очередной роман когда-нибудь будет дописан до эпилога, практически равны нулю.

...Маргарита Григорьевна не появилась на съемках ни на второй, ни на третий день. Не было ее и дома. Забили тревогу. В полицию написали заявление о пропаже человека, газеты пестрили заголовками о таинственном исчезновении известной актрисы.

Несколько ток-шоу были посвящены Маргарите Грушевской. В студии собирались известные люди: говорили, вспоминали, обсуждали, предполагали. Короче говоря, поднялась всеобщая волна паники. Одни лелеяли надежду, другие надежды не имели. О Маргарите Грушевской говорили чуть ли не в каждом доме. Судьба некогда знаменитой актрисы, звезды 70-80-90-х годов, волновала многих ее почитателей. Поклонники верили в лучшее, хотя и готовились к худшему...

Во время перерыва Алиса позвонила Люське.

— Люсь, Костя пригласил меня сегодня в кафе.

— А ты?

— Я согласилась.

— Алиска, мои пророчества начинают сбываться. Только вчера я писала эпизод, в котором герой приглашает героиню в ресторан. И вот, пожалуйста. Я напороочила.

— Скорее накаркала.

— Почему не в настроении?

— О Маргарите постоянно думаю. Я и в кафе согласилась пойти, только чтобы немного развеяться.

— Это, конечно, жесть. Сейчас по телику ток-шоу одно шло, так многие орут, что Грушевской уже нет в живых.

– На площадке все взвинчены, здесь тоже слухи ходят.

– Но и ты о себе не забывай. Не вздумай ляпнуть в кафе какую-нибудь глупость. Больше улыбайся, шути.

– Мне не до шуток.

– В каком кафе вы встречаетесь? – спросила вдруг Люська.

Алиса сказала и сразу же запоздало поинтересовалась:

– Тебе зачем?

– Я приеду.

– Не вздумай!

– Я вам не помешаю. Сяду за самый дальний столик и издалека полюбуюсь на живого Андреева.

– Люсь, а может, не надо?

– Надо! От тебя что, убудет? Я имею право присутствовать, я пишу о вас книгу и должна видеть своих прототипов живьем.

– Ненормальная.

– Не грузись, Алиска. Обещаю, ты меня не заметишь, притаюсь, как мышь.

– Люсь, учти, никакой самодеятельности.

– Да за кого ты меня принимаешь!

...Люську Алиса заметила сразу, как только они с Костей сели за столик. Широко улыбаясь, Люська начала интенсивно размахивать руками, что шло вразрез с ее недавним клятвенным обещанием касательно своего ангельского поведения в кафе. Порадовавшись, что Костя сел к Люське спиной и не видел ее безумных телодвижений, Алиса попыталась сконцентрировать внимание на меню. Не получилось.

Люська ерзала на стуле, кашляла, стучала костяшками пальцев по столешнице, всячески привлекая к себе внимание.

– О чем ты думаешь? – спросил Костя, пристально глядя на Алису.

– О Грушевской.

– Опять?

– Говорят, что Маргариты Григорьевны... что она уже... ты понимаешь?

– Жаль ее. Но будем надеяться на лучшее.

– Я боюсь.

Костя взял руку Алисы, поднес ладонь к губам.

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь отогнать от тебя страхи.

– Костя, не надо.

– Почему?

– Мы здесь не одни. Не надо привлекать внимание.

– Стесняешься?

– Чувствую себя неловко. Посмотри на ту парочку. Они наблюдают за нами с того момента, как мы сели за столик.

Костя обернулся.

Полноватая девушка с пирсингом в носу, кивнув худому парню, встала и подошла к Косте.

– Ой! – воскликнула она, смахивая со лба прядь красных волос. – Это действительно вы, Константин!

– Действительно я.

– Здорово.

Алиса нервно вертела в руках чайную ложечку.

– Мишка сказал, я обозналась, но я все-таки решила проверить, – девушка протянула Костику лист бумаги и ручку. – Дайте, пожалуйста, автограф.

Костя – надо заметить, не без гордости – размашисто расписался на клочке бумаги, протянул его красноволосой толстушке, обнажив в улыбке белые зубы.

– Спасибо! – девушка начала пятиться, не в силах поверить, что видит самого Константина Андреева, звезду сериалов.

– Наверное, это приятно, когда тебя узнают на улице, подходят, просят автограф и все такое прочее? – спросила Алиса.

– В этом есть и плюсы, и минусы.

– Например?

– Первое время – примерно год-полтора – узнавание доставляет радость. Ты в полном восторге, и кажется, это никогда не надоест. Потом начинаешь понимать: излишнее внимание и чрезмерная назойливость поклонников напрягают. От этого быстро устаешь, Алис.

– Шутишь? Мне бы побыть на твоём месте хотя бы денек.

– Не терпится искупаться в лучах славы?

– А сам как думаешь? Я не знаменитость и даже не актриса... и на студии без году неделя, но славы уже хочется.

– Твое желание для меня закон, – Костя встал. – Давай поменяемся местами.

– Как это?

– Легко.

– Костя, сядь.

– Поздно, Алис, поздно, механизм запущен. Сейчас мы будем делать из тебя публичного человека.

– Не вздумай! – краем глаза Алиса заметила, что Люська, выудив из сумочки телефон, начала внаглую фотографировать Костю.

И девушка с красными волосами никак не могла утомониться. Забыв, что пришла в кафе со своим парнем, она развернула стул и тоже уставилась на актера.

Сделав шаг в сторону, Костя громко сказал:

– Привет! Можно отнять у вас минуту?

Присутствующие в кафе мгновенно оживились.

– Отнимай, – крикнул тощий парень.

– Конечно, Константин, вам все можно, – практически завизжала красноволосая.

Люська продолжала мучить бедный телефон. Даже язык прикусила от предвкушения намечавшегося мини-спектакля.

Алиса была готова провалиться сквозь землю.

– Костя, не устраивай цирк, – шептала она. – Ты ставишь меня в неловкое положение.

– Хочу объявить вам всем, что сегодня у меня счастливый день, – говорил Костя. – Сегодня я по-настоящему влюбился.

Посетители загудели.

– Не может быть!

– Неужели правда?

– Ну, тогда поздравляем!

– А в кого, Костя? В кого?!

– Капец! – закричала Люська. – Такой сюжетец завтра накатаю!

Алиса молила Бога, чтобы Костя прекратил дешевую игру на публику.

Не помогло. Актер был в ударе.

– Я влюбился! – повторил он. – И хочу представить вам мою девушку. Вот она. Ее зовут Алиса. Она начинающая актриса. Очень талантливая и очень красивая. Поприветствуйте ее аплодисментами.

Вскочив со стула, Алиса бросилась к выходу. На улице, не разбирая дороги, она добежала до перекрестка, перешла дорогу, спешно спустилась в метро.

— Почему ты убежала? — как ни в чем не бывало спросил утром Костя. — Я звонил тебе, ты не брала трубку.

— После спектакля в кафе отпало желание продолжать с тобой общение.

— Алис...

— Ты думал, я запрыгаю от радости и брошусь тебе на шею со словами благодарности? Выставил меня на посмешище. Чего ты этим хотел добиться? Или новую роль репетировал?

— Роль? Я говорил правду.

— Значит, плохо играл. Ты здорово фальшивил на этот раз, Костя.

Помолчав, Костя заговорил о Маргарите Григорьевне:

— Слышала последние новости?

— Нет, а что говорят? — испугалась Алиса.

— Не исключают версию о похищении.

— Неправдоподобно.

— Я тоже так считаю.

— Костя, а у Маргариты совсем нет родственников?

— Вроде нет.

— Газеты трубят о ее пропаже, по телевизору постоянно слышна фамилия Грушевой. На самом деле это очень страшно. У меня нехорошие предчувствия.

Часом позже, поправляя Алисе грим, Верочка спросила:

– У тебя что-то намечается с Костиком?

– Нет.

– А может, все-таки да?

– Почему ты спрашиваешь?

– У меня есть глаза, Алис.

– И что ты ими увидела? – Алиса попыталась улыбнуться, но улыбка вышла грустной и неестественной.

– Не думай, я не сплетница, в чужие дела стараюсь нос не совать. Но Костя не тот парень, который тебе нужен.

– Откуда ты знаешь, какой мне нужен парень?

– Я вижу, Алис, – повторила Вера. – Вы слишком разные.

– Вот и хорошо, что разные. Вер, мы просто снимаемся в одном сериале.

– Ты уверена?

– Не сомневайся. И перестань фантазировать. Подправь мне лучше глаз, а то правый больше левого получился.

– Исправим. Кстати, про Грушевскую слышала?

– О похищении?

– Нет, в одной газете написали, что у нее случилась амнезия.

– А они откуда узнали?

– Не знаю, – пожалала плечами Верочка. – Алис, не крутись.

– Если даже и амнезия, где-то же она должна находиться. Люди ее знают в лицо, сообщили бы уже.

Юрий Ситников

– В амнезию не верю. Я другого мнения придерживаюсь.

– Какого?

– Попахивает здесь криминалом, – прошептала Верочка.

– Куда ты клонишь, Вер?

– А туда. Слышала, как с одинокими людьми поступают, если у тех квартирки имеются? Грушевская жила одна в большой квартире, в хорошем доме, почти в центре города.

– И что?

– Родни нет: ни мужа, ни детей. Были мужья, да сплыли. Теперь одна. Запросто могли на ее квартиру глаз положить.

– Да ну, Вер. Я не хочу этому верить.

– Поживем – увидим, что будет дальше.

– Алиса, на площадку, – крикнул помощник режиссера.

– Заходи во время перерыва, – сказала Вера. – Поболтаем.

Съемки продолжились.

ГЛАВА II

ЗАПИСКА

После физры у нас английский, и англичанку это жутко раздражает. В класс мы, как правило, вваливаемся взъерошенные, взбудораженные, веселые, и до языка никому нет дела. Перемена маленькая, всего пять минут, за это время мы даже переодеться не успеваем. Из раздевалки выходим, позаимствовав от начала нового урока три-пять минут. Пока спустимся вниз, пока перейдем по коридору в основное помещение, поднимемся на третий этаж, проходит минимум десять-двенадцать минут.

Англичанка пробовала разговаривать с физруком, просила его отпускать нас в раздевалку за несколько минут до звонка. Физрук ни в какую. Упертый мужик. Для него физкультура – основной предмет. Что ему какой-то там английский: языком болтать много ума не надо, да и не каждому он в жизни пригодится, а вот спорт – залог здоровья.

На самом деле физкультуру никогда не ставят перед маленькой переменной, а в большинстве случаев физра вообще стоит в расписаниях последним уроком, но в каждом правиле есть свои исключения. Штангенциркуль ненавидит нашу англичанку – факт неоспоримый. Не знаю, что у них там не состыковалось,

но тетки просто бесят друг друга. Англичанка, в силу отсутствия необходимой для мести власти, ненавидит завучиху молча, а та, чувствуя себя хозяйкой положения мстит (или пакостит) англичанке по-своему. Составила расписание так, что у шести классов в неделю английский идет сразу после физры и пятиминутной перемены.

Разумеется, злобу англичанка срыгает на нас. Когда мы заходим в класс, она уже сидит за столом накрученная и раздраженная. Чуть что не так – в крик.

На меня Любовь Петровна голос не повышает, выделяет из всех: английский я знаю на профессиональном уровне. Сижу за партой, скучаю. Пока остальные читают по слогам тексты или по десять минут выполняют упражнения, я могу заниматься своими делами, например, скатывать домашку по алгебре – она у нас сразу после инглиша.

Любовь Петровна практически не вызывает меня к доске, не просит читать и переводить. Знает, что я давно прошел этот уровень, поэтому лишь дважды в четверть, исключительно для галочки, дает мне письменное индивидуальное задание (я так понимаю, это уже институтский курс), чтобы поставить в журнале твердую пятерку.

Сегодня читал и переводил текст Витька. Языка он не знает, читает еле-еле, с произношением вообще не дружит. Но у Витьки уже три пары в журнале, надо исправлять, англичанка дала Комарову шанс перевести текст хотя бы на троечку.

Коверкая слова и слыша то и дело со всех сторон смешки, Витька читал ненавистные английские предложения.

– Хер ис май паспорт...

Опять хохот.

– Комаров, ты меня убиваешь. Яковлева, как надо правильно прочитать?

Сонька улыбнулась.

– Хиэ из май паспорт.

– Комаров, ты слышал?

– Ага.

– Если слышал, прочитай еще раз, но уже правильно.

– Хеи...

– Хиэ!

– Я и говорю: хие ис... из май... паспорт.

– В первом классе дети лучше читают.

– Любовь Петровна, я не виноват. Не идут у меня иностранные языки, не воспринимаю я их.

– Если бы у тебя только иностранные языки не шли, – Любовь Петровна начала перелистывать журнал. – По русскому одни тройки. Литература – три. История – три. Химия – три. Языки у него не идут. Читай.

– Я уже прочитал.

– Третий раз прочитай.

Витька снова уставился в учебник.

– Хер ис... Не-не... Хиа... хире... Е-мое!

Светка с Маринкой хохотали до слез.

– Любовь Петровна, можно я другое предложение прочитаю?

– Это сначала переведи.

– Где мой паспорт, – сказал Витька, услышав подсказку Нади.

– С переводом дела обстоят лучше.

– Я сегодня себя не очень хорошо чувствую, – оправдываясь, пробормотал Витька.

– И что с тобой не так?

– Приболел. Мне кажется, у меня температура.

– Если скажешь это по-английски, разрешу уйти домой.

– Надюх, как сказать про температуру? – шепотом спросил Витька.

– Ай хэв э хай тэмпрэчэ.

– Чего после хай?

– Тэмпрэчэ. Или тэмприче. Не знаю, как правильно.

– Ну, Витя, расскажешь нам о своем здоровье? – то-ропила Любовь Петровна.

– Ай хэв... э-э... хай, э-э... темперече. Или тем-приче.

– Неубедительно, Комаров. Соня, читай дальше.

Сонька дочитала текст до конца, перевела, сделав пару-тройку ошибок, но получив свою заслуженную пятерку.

Прозвенел звонок, англичанка скривилась. Опять урок был скошен на двенадцать минут из-за непробиваемого физрука и вредной завучихи.

– На дом упражнения 34 и 35. Перевод текста №17. На следующем уроке контрольная.

– Н-у-у...

– О-о-о...

– Блин.

– Опять контра!

На перемене мы со Светкой зашли в столовку, нас-спех перекусили, потопав в класс алгебры. Алгебра – один из нелюбимых предметов, невзлюбил я ее с пя-того класса, и эта нелюбовь у нас взаимна.

Первый урок прошел более-менее спокойно, Ирина Львовна объясняла новую тему, на втором уроке собиралась слушать нас. И ведь меня обязательно вызовет.

После звонка мы сорвались со своих мест.

– Куда? – закричала алгебруха. – Звонок не для вас. Перепишите с доски, потом пойдете на перемену.

– А я уже переписал, – ответил Стасон.

– Можешь выйти.

Я вышел из класса седьмым по счету, остальные или продолжали писать, или занимались своими делами. Ирина Львовна никогда не выходит на перемены, не выгоняет нас и не закрывает кабинет. По мнению Штангенциркуля, тоже нарушает правила. Ведь у завучихи пунктик: прозвенел звонок – надо открыть окна и выйти вон из класса. Многие учителя нарушают правила.

Вернувшись в класс, я открыл тетрадь, заметив вложенный между страницами листок в клетку. Записка! Хм, интересно. Пробежавшись по ней глазами, я усмехнулся. Забавно. Очень забавно.

«Присмотрись к Витке Комарову. Деньги у Нины мог взять он. Витка играет».

И что это значит? Чья-то шутка, прикол, розыгрыш? Присмотрись к Витке... Легко сказать. Присматриваться можно до второго пришествия, а толку не будет. Идем дальше. Деньги мог взять он. Опять же – ничем не подкрепленное предположение. Мог взять, а мог и не взять. Слова, одни слова. Если неизвестный решил помочь, почему не подошел сам, не объяснился, не растолковал толком что к чему. Вместо этого подбросил анонимку. Сомнительно как-то, сильно смахивает на чью-то игру. Кстати об игре, что означает

последняя фраза «Витька играет»? Где играет, во что играет?

Димон толкнул меня локтем.

– Глебыч, иди.

– А?

– Иди, говорю.

– Куда идти?

– К доске тебя вызвали.

Я посмотрел на Ирину Львовну.

– Нам долго ждать, когда ты соизволишь? – спросила она.

Я встал.

– Какое упражнение, Димон?

– Триста сорок второе.

– Прочти пока, – я протянул ему анонимку, взял учебник и вышел к доске.

Мысли были заняты всем чем угодно, только не алгеброй. Переписав из учебника уравнение, я принялся усиленно соображать, как его правильно решать. А в голове – кавардак. Если Витька действительно мог взять деньги...

– Глеб, не спи на ходу. Решай.

– Да я решаю.

Но Комар утверждает, что всю перемену просидел за партой, слушал музыку...

– Озеров! – повысила голос Ирина Львовна.

– Пишу, пишу, – сказал я, растерянно покосившись на Соньку.

– Интеграл берется по частям, – зашептала она.

Подсказала, называется. Что берется по частям, где брать эти части, и вообще, зачем мне нужен этот интеграл?

– Два икс плюс один подводим под знак дифференциала, – подсказывала Соня.

– Подводим под знак дифференциала, – повторил я.

Ирина Львовна мотнула головой.

– Что подводим?

– Витьку Комарова, – брякнул я.

Все заржали. Громче других ржал сам Витька. Серьезным оставался один Димон, он прочитал анонимку и прекрасно понимал, почему я вдруг ляпнул про Витьку. Не могу я в такой момент думать про интегралы, мозг отказывается решать уравнения, он судорожно ищет пути решения совсем другой проблемы.

– Решил поиздеваться? – алгебруха села за стол и взяла ручку.

Ничего не говоря, я стер тряпкой свою писанину, внутренне встряхнулся и кое-как решил это треклятое уравнение. Где-то ошибся, пришлось исправлять, снова коситься на Соньку, слушать ее нечеткий шепот, писать, стирать, снова писать. В итоге мне поставили три и отправили за парту.

– Я твой должник, – сказал я Соньке, проходя мимо.

Она смутилась.

– Глебыч, от кого записка? – сразу спросил Димон.

– От неизвестного.

– Когда получил?

– Кто-то на перемене в тетрадь вложил.

– Значит, наши.

– Само собой.

– Девчонка писала.

– Почему девчонка?

– Почерк женский.

– Думаешь? .

– Сам посмотри: слишком торопливый, буквы акkuratные, и ни одной ошибки.

Действительно, почерк больше напоминал женский.

– Есть идеи, как найти автора?

– Можно сличить почерки.

– Не вариант. Писать могли специально другим почерком.

– Могли, – согласился Димон. – Но писала все равно девчонка.

– Во что мог играть Комар?

– Сам гадаю.

Я начал внимательно рассматривать наших девчонок. Светка и Маринка отбрасываются сразу. Они бы не стали писать анонимки – сказали бы все с глазу на глаз. Сонька Яковлева? Кстати, сейчас она смотрела на меня, а когда наши взгляды пересеклись, быстро отвернулась. Сонька могла написать записку, это в ее репертуаре. На перемене обязательно с ней поговорю.

А если отбросить и Соньку, кто тогда? Надя? Катя? Зоя, Лена? Каждая из них могла вложить в тетрадь записку, вопрос в другом: почему инкогнито?

Я посмотрел на Витьку. Что-то пишет, в ушах, как обычно, наушники. Неужели Комар соврал? А почему бы и нет? Черт, и во что же он все-таки играет?

– Глебыч, речь могла о другой игре идти.

– То есть?

– Имеется в виду, что Комар играет со всеми нами. Типа водит нас за нос.

– Слушай, а это идея.

– А я про что! Знаешь, о чем подумал? Одна из наших девчонок увидела, как Комар вытаскивал из ящика конверт с деньгами, но никому об этом не сказала.

- Сразу вопрос, почему не сказала?
- Боялась.
- Витьку?
- Боялась ввязываться в историю. Многие предпочитают отмалчиваться, чтобы геморра лишнего не было.
- Есть у нас такие, – я посмотрел на Зойку.
- О Зойке подумал?
- О ней.
- Тоже склоняюсь в сторону ее кандидатуры.
- А как тебе Сонька?
- Яковлева? Стиль ее, но вряд ли Сонька молчала бы. Штангенциркуль давно была бы в курсе.

Я резко повернул голову, Соня опять искоса поглядывала на меня.

- Что это с ней, Глебыч?
- Димон, записка – ее рук дело. Не зря она мне сегодня подсказывать начала. Никогда не подсказывала, а сегодня шептала.
- Выслуживается.
- Я с ней поговорю.
- Только осторожно, не спугни. А еще лучше, давай сделаем так...
- Крылов! – сказала Ирина Львовна.
- Что?
- Не что, а иди к доске.
- Я не готов, – ответил Димон.
- К чему ты не готов? Решай уравнение.
- Тему не совсем усвоил.
- Вот и будем усваивать ее вместе. Бери учебник.

Не тяни время.

Димон поплелся к доске.

ГЛАВА 12

AD PATRES

После звонка Сонька выскочила из класса первой. Я нагнал ее у лестницы.

– Сонь, поговорить надо.

– Глеб, сейчас не могу, домой тороплюсь.

– А ботаника?

– Я отпросилась. Сегодня дедушку из больницы выписывают, мне надо бабушке помочь.

– Тогда я тебя до дома провожу.

– До завтра твой разговор не потерпит?

– Нет. И ты это знаешь.

Сделав вид, что мои слова ее удивили, Соня прошла в раздевалку, встав ко мне спиной.

– Тогда пойдем в темпе, я и так опаздываю.

– Сонь, почему ты сама ко мне не подошла? – спросил я на улице.

– Когда и почему я должна была к тебе подойти?

– Я сразу догадался, записку мне написала ты.

– Какую еще записку, Глеб?

– Вот эту.

– Впервые вижу.

– Если тебе что-то известно про Комара, говори.

– Ты знаешь, нет желания вспоминать Витьку, – Соня остановилась. – А что в записке, могу прочитать?

– Сонь, не юли.
– Хочешь сказать, это не любовная записка?
– Совсем не любовная, – ухмыльнулся я.
– Странно, она вкладывала ее в твою тетрадь так аккуратно, бережно, я подумала, там страстные признания в любви.

Настал мой черед удивиться.

– О ком ты говоришь?
– Заинтриговала?
– Сонь, ты видела, кто положил записку?
– Конечно, видела.
– Кто?!
– Чего ты так раздухарился?
– Мне казалось, автор записки – ты.
– Делать мне больше нечего. Предпочитаю все говорить людям в лицо, а записочки всякие... пусть их Светки с Маринками пишут.

– Записку написала Светка?

– Понятия не имею, кто ее написал, но в твою тетрадь она попала из рук Нади.

– Надюхи?

– Подошла на перемене, осмотрелась, записку из кармана достала и в тетрадь вложила. Не ожидала я от Надьки такого. Тихоня-тихоней, а смотри-ка – туда же.

– Сонька, ты выручаешь меня сегодня второй раз. Сочтемся.

– Уже убегаешь?

– Да, надо на ботанику успеть.

– А обещал до дома проводить, – обиженно протянула Соня. – Выведал, что хотел, и сразу бежать.

– Да нет... могу и проводить.

– Считай, проводил, – Сонька кивнула на подъезд. – Тебе повезло, мы пришли.

– Значит, я пойду?

– Иди. Глеб, а все-таки, что в записке?

– Секрет.

– Какой вредный. Ладно, пока.

– Увидимся.

На урок я опоздал ровно на десять минут, а когда сел за парту, шепотом пересказал Димону о разговоре с Сонькой.

– Уже кое-что.

– Главное – ее разговорить, а то начнет отнекиваться – ничего не докажешь.

Но Надя не стала играть в молчанку. После уроков я спросил в лоб, зачем она написала записку. Надюха вздрогнула.

– Как ты узнал?

– Догадался.

– Не ври. Меня кто-то видел?

– Разумеется.

– Кто?

– Догадайся с трех раз.

– Неужели Яковлева?

– Получаешь главный приз за сообразительность.

– От нее ничего не скроешь. Я ведь смотрела на Соньку, она сидела и тарасилась на доску.

– Получается, не только на доску. Надь, зачем столько сложностей?

– По-другому я не могла.

– Почему не могла?

– Глеб, теперь ты будешь меня пытаться?

– Не злись, но ты ведь сама заварила эту кашу.

– Ничего я не заваривала. Просто хочу помочь.

– Разве? А по-моему, своей запиской ты все запутываешь.

– Мне нравился Витька, – тихо сказала Надя минутой спустя.

– Я помню, вы в прошлом году вроде встречаться начали.

– Какое там встречаться, три раза в кино сходили – вот и все встречи. Он надо мной постоянно прикалывается, не воспринимает всерьез, – Надя вздохнула и решила посмотреть мне в глаза. – Не улыбайся.

– Я не улыбаюсь. Тебе и сейчас Комар нравится?

– Нет... да... я сама не знаю. Запуталась. Витька несерьезный, живет сегодняшним днем, и у него совсем нет целей в жизни.

– Пофигист.

– Я бы сказала – фаталист. Но он добрый, отзывчивый, если бы не его дурацкие шутки и приколы...

– Добрый, отзывчивый, – перебил я Надю. – Поэтому ты обвиняешь его в краже денег?

– Я не обвиняю, я только предположила.

– Надь, у тебя есть доказательства?

– Косвенные.

– И ты до сих пор молчала?

– С моей стороны это предательство по отношению к Витьке. Наш с тобой разговор о нем – тоже предательство, а я не хотела его предавать.

– Но записку все-таки написала.

– По-идиотски получилось с запиской. Мне показалось, если ты узнаешь об этом не от меня лично, а из анонимной записки, это не будет считаться предательством.

- Начнем с того, что из записки я ничего не узнал.
- Там все ясно сказано.
- Например?
- Я же написала, что Витька играет.
- Но где и с кем, не упомянула.
- Глеб, он играет. Тебе ведь известен смысл этого слова. Витька игрок. Настоящий. Он подсел на игровые автоматы.
- В Москве нет игровых автоматов.
- Кто тебе сказал? Их нет официально, а неофициально они существуют. Места знать надо.
- И ты их знаешь?
- Я – нет, а Витька, по-видимому, узнал. Он играл и проигрывал много денег.
- Инфа точная?
- Да.
- Кто поделился?
- Глеб, какая разница?
- Большая. Надь, договаривай.
- Мне мама рассказала.
- А она откуда узнала?
- Помнишь, Сонька упомянула, как Витькина мать в магазине разговорилась с ее бабкой и призналась, что отец перестал давать Витьке деньги?
- Помню.
- И моей маме она рассказала то же самое. Только с интересными подробностями. Наши мамы вместе работают, болтают, делятся проблемами. Мама говорит, Витька проиграл столько, что отец его чуть не убил, когда узнал. Ну, я и сопоставила Витькину тягу к игровым автоматам, лишение карманных денег и кражу конверта. Все произошло практически одновременно.

– Ты молодец, Надька, что рассказала.

– Глеб, Витя не должен знать о моем участии.

– Я могила.

– И еще... – Надя отвернулась, а потом быстро посмотрела на меня. – Отдай мне, пожалуйста, записку.

– Держи.

Порвав ее на мелкие кусочки, Надюха рассмеялась.

– Улики уничтожены, дышать стало намного легче.

– Полагаешь, Комар мог пойти на воровство?

Надя ответила не сразу.

– Он честный, но зависим от игровых автоматов.

Зависимость штука неблагодарная.

– Почти болезнь.

– Да, почти болезнь. Витька никогда не взял бы чужих денег, если бы не его зависимость.

– Заметила, мы с тобой уже обвиняем Комара в краже.

– Я хочу, чтобы вор был найден, но я не хочу, чтобы им оказался Витька. Хотя... – Надя тяжело вздохнула. – Многое указывает на него.

Вечером, сидя на кухне и поедая приготовленные Люськой котлеты с макаронами, мы решали, как поступить с Комаром.

– А я повторяю, Глебыч, нельзя пока открывать перед Витькой карты. Что ты ему предъявишь? Скажешь про игровые автоматы?

– По-твоему, этого недостаточно?

– Недостаточно, – сказала Люська. – Напрямую игры Комарова и кража денег у Нины никак не связаны. Надо схитрить.

– Как именно?

– Сходу не скажу, но обещаю усиленно подумать.

– А как дела с книгой, Люсь? – спросил Димон, уминая третью котлету.

– Нормалек. Сегодня разрешила Музу немного отдохнуть.

В прихожей раздался звонок, я пошел открывать. Увидеть на пороге Алису не ожидал, даже растерялся. Стоял как окаменелый, смотрел на нее и молчал. И она смотрела на меня и тоже молчала. Странная ситуация, необычная. Раньше я бы первым делом обнял Алиску, притянул к себе, поцеловал. А теперь стоим оба, молчим, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Привет, Глеб.

– Привет.

– Можно войти?

– Конечно, проходи, – я отступил в глубь прихожей, пропуская Алису. – Раздевайся. Давай пальто.

– Ты один?

– Люська с Димоном на кухне.

– Очень хорошо, что я вас всех застала.

Я сник. Значит, пришла не ко мне.

– У тебя неприятности?

Алиса напряглась.

– И да, и нет. Мне надо с вами посоветоваться.

– Прходи.

Люська, увидев нас вместе, вытаращила глаза:

– Помирились, да?

Мы с Алиской ощутили жуткую неловкость.

– Я пришла по делу, – сказала она, сев на мой стул. – Это касается исчезновения Маргариты Григорьевны. Ребят, мы должны попытаться докопаться до правды.

– Алис, а мы здесь каким боком замешаны?

– Никаким, Дим, но Грушевская пропала, время идет, оно работает против надежды. Я не могу спокойно сидеть и ждать новостей.

– Маргариту ищет полиция.

– Знаю, Люсь. Мы не помешаем полиции.

– Алис, мне кажется, или тебе действительно известно что-то такое, о чем не догадываемся мы?

– Известно. Поэтому я и пришла. Я вспомнила, как в пятницу вечером, уже перед самым окончанием съемок, Маргарита Григорьевна с кем-то ругалась по телефону. Мы столкнулись за декорацией, у нее из рук выпал телефон, я нагнулась, подняла, а он...

– Умер?

– Скорее всего, да. Маргарита положила его в карман, улыбнулась и сказала, что даже телефон против того, чтобы она отправилась... Маргарита Григорьевна произнесла фразу не на русском языке, я не поняла, что она означает, а переспросить постеснялась.

– Что за фраза?

– Подожди, Дим, не сбивай меня. Фразу эту я забыла, а сегодня, когда мы с Костей... – Алиса замолчала и посмотрела на меня исподлобья.

Я изо всех сил старался держать себя в руках.

– Кто такой Костя? – спросил Димон.

– Костя Андреев! – закричала Люська. – Актер! Димка, я же тебе рассказывала про него.

– Не помню.

– Чем ты меня слушал?

– И что вы с этим Костей делали? – ехидно спросил я.

– Разговаривали во время перерыва.

– Хм.

– Глеб, что это значит?

– Ты о чем? – я с вызовом смотрел на Алису.

– Твое «хм»?

– Ничего не значит. Я просто хмыкнул. А ты усмотрела в моем «хм» какой-то второй смысл?

– Прекратите! – Люська хлопнула в ладоши. – Глеб, Алиса с Костей вместе работают – ничего особенного. Алиса, Глеб просто хмыкнул – тоже ничего особенного. Расслабьтесь.

– Я не напрягался.

– Глеб!

Я сел на подоконник. Минуты две Алиса играла в молчанку, потом продолжила.

– Костя рассказывал очередную шутку и вдруг произнес ту самую фразу, которую я слышала от Грушевской.

– Что он сказал?

– Ad patres.

– Это по-каковски?

– Латынь.

– А перевод?

– Ребят, когда я услышала, как она переводится, у меня ноги подкосились.

– Ну!

– «На тот свет» или «к праотцам».

– Нормальный переводик.

– Стойте, – Люська замахала руками. – Получается, Грушевская имела в виду, что ее телефон против того, чтобы она отправилась на тот свет?

– Вот именно, вот именно, Люсь! – практически закричала Алиса.

– Конечно, Грушевская имела в виду не сам телефон, – сказал я, спрыгнув с подоконника, – а скорее человека, с которым ругалась.

– Не понял, Глебыч.

– Ну смотрите, Маргарита ругается с неизвестным, он говорит ей неприятные вещи, скажем, угрожает, и вдруг телефон выпадает из рук и отключается.

– А-а, – задумчиво произнес Димон. – Начинаю понимать. По ходу, тот, с кем она говорила, предложил ей отправиться или сам пообещал отправить ее – на тот свет.

– Утверждать нельзя, но как один из возможных вариантов годится.

– Ребят, а в ночь с субботы на воскресенье соседка снизу слышала в квартире шум. В понедельник Грушевская не приехала на съемку. Наверняка ее... Ночью к ней мог прийти тот человек, и... Я не знаю, что между ними произошло, но случилось страшное.

– Выяснить бы, кто ей звонил.

– Тогда бы и проблема решилась, – сказал Димон. – Алис, ты бы в полицию пошла и рассказала им об этом ad... дальше не запомнил.

– Ad patres, – повторила Алиса.

– Во-во. Пусть узнают, с каких номеров в пятницу на телефон Грушевской поступали звонки. Плевое дело.

– При условии, что звонили с домашнего телефона или с мобильного.

– А откуда еще можно звонить, Глебыч?

– Откуда? Например, из телефона-автомата. Или купить карточку и названивать с нее. Тогда никто ничего не вычислит.

- Это фигово. Карточку я не учел.
- В полицию идти страшно, – призналась Алиса.
- С тобой Глеб сходит, – улыбнулась Люська.
- Или Люська, – улыбнулся я в ответ сестре.
- Глеб, ну Алиса же боится.

Я уже хотел согласиться, но у Алиски зазвонил телефон. Она поднесла трубку к уху и отрывисто проговорила:

– Костя, я сейчас не могу разговаривать, перезвони позже.

- В полицию я не пойду, не хочу позориться.
- А в чем позор, Глеб?

– А ты сама не видишь? Подумаешь, актриса сказала какую-то фразу на латыни. Раздувать из этого все-ленскую катастрофу – смешно. Мало ли что она могла там наговорить, – я все больше распалялся и уже не мог себя контролировать. – Что я, актрис этих не знаю. Сегодня одно говорят, завтра совсем другое. На уме одни развлечения...

– Глеб!

– Гламурная жизнь, все дела...

– Глебыч, притормози!

– Димон, отвали! Я не собираюсь из-за кретинской фразы одной актрисы и чрезмерной мнительности другой... хм, актрисы, бежать в полицию.

– Ладно, забудем о полиции. Не нужна нам полиция, – Димон положил в тарелку котлету, выдавил из пачки остатки кетчупа и взял вилку. – Мы ничего не потеряем, если проведем собственное расследование.

– Полиция Грушевскую найти не может, а мы найдем. Блин, Димон, ты себя сам слышишь?

– Слышу, Глебыч. И все-таки настаиваю. Можно же смотаться домой к Маргарите, еще раз поговорить с той старухой с нижнего этажа.

– На фига толочь воду в ступе? Бабка все рассказала полиции.

– А вдруг не все? Бабки часто забывают детали или не придают им значения.

– Рули к старухе, разговаривай с ней, но на меня не рассчитывай. В напарники можешь взять этого... как его... Костю, кажется? Я думаю, вы сработаетесь.

– Глебыч, че за хрень ты гонишь?

Я ушел к себе в комнату.

– Алис, не обращай внимания, – сказала Люська, покрутив пальцем у виска. – Бесится от своей ревности.

– К кому он меня ревнует, к Косте, что ли?

– Не только к Косте, но и к каждому столбу. А домой к Маргарите съездить обязательно надо. Дим, я бы поехала с тобой, но у меня книга. Муз не простит, если я оставлю его одного.

– Дим, и я никак не смогу, – виновато сказала Алиса. – Школа, съемки, постоянное напряжение. Ты же понимаешь.

– Погубит меня моя доброта. И зачем я с вами связался? Люсь, еще котлетку положи, а?

ГЛАВА 13

МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ

Поздно вечером я вдруг поймал себя на мысли, что никогда не видел фильмов с Маргаритой Грушевской. Она снялась более чем в сорока картинах, из них половина – главные роли, а я, к своему стыду, видел ее только в недавно вышедшем рекламном ролике. Решив восполнить пробел, нашел самый первый фильм Грушевской и уселся перед ноутом. Кино черно-белое, его снимали, когда на свете не было моих родителей; Грушевская в тот год окончила институт кинематографии.

Само кино мне не понравилось: высосанный из пальца сюжет, наивные герои, наивный взгляд на жизнь – все наивно. После фильма отыскал в инете недавние интервью актрисы. Их оказалось всего четыре – не баловали вниманием Грушевскую.

Заговорили о Грушевской сравнительно недавно, когда она, заметно помолодевшая и похорошевшая (все знают, как это сейчас делается) стала появляться во всевозможных ток-шоу в качестве гостыи. Потом съемки в рекламе, предложения сняться на телевидении, и вроде бы жизнь Маргариты Григорьевны начала налаживаться.

В каждом интервью море позитива, надежд, веры, желания снова стать прежней звездой экрана. И вроде все к тому идет, предложения сниматься поступают регулярно, Грушевская читает сценарии, присматривается, выбирает. Рассказала, что после съемок в рекламе смогла купить машину, теперь мечтает о загородном доме. Не огромном коттедже, а маленькой дачке, куда можно было бы приехать вместе с Грушкой и отдохнуть. Грушка – любимая болонка актрисы, ей восемь лет, и Маргарита считает собачонку самым близким и родным существом...

Внезапно я перестал читать. Это уже четвертое интервью, в котором Грушевская упоминает Грушку. Говорит о ней к месту и не к месту. Через предложение старается вставить фразу типа «мы с Грушкой», «моя Грушка», «у моей Грушки».

Я отыскал предпоследнее интервью, взятое у Грушевской за неделю до исчезновения. Она опять рассказывала о болонке. Где же эти слова? А-а, вот они... «Когда я на съемках, Грушка очень скучает. Носится по квартире, скулит, тьякает. Вечером не отходит от меня ни на шаг. Мы привыкли друг другу...»

Актриса пропала, а где же сейчас Грушка? Неужели все это время болонка просидела запертой в пустой квартире и никому не пришло в голову отпустить ее на свободу? Нет, скорее всего, я ошибаюсь, полиция наверняка вскрыла квартиру актрисы. Так полагается, чтобы удостовериться, что с той не случилось несчастья дома. А раз так, то, получается, Грушка находится у кого-нибудь из знакомых Грушевской. Или у соседей.

Мысли прервались внезапным появлением Люськи.

– Не спишь еще?

– Нет. А ты почему не спишь?

– Сюжет обдумывала.

– А я нарыл кое-что интересное про Грушевскую, точнее, про ее собаку.

Выслушав меня, Люська согласно закивала:

– Надо сказать Димке, чтобы поинтересовался у соседей о судьбе Грушки. Кстати, это подходящий повод. Глеб, ты должен поехать вместе с ним. Твое присутствие многое упростит.

– С какой стати?

– Ты внук Дианы.

– И что?

– А Диана ведь была лучшей подругой Маргариты. Вполне естественно будет, что ты переживаешь за подругу родной бабушки и решил узнать о судьбе ее болонки.

– Подумаю, – неопределенно ответил я. – Ты зачем зашла?

– Поговорить. Глеб, зря ты сегодня Алиску обидел.

– Я ее не обижал.

– Не надо, отлично знаешь, что накосячил. В чем она перед тобой виновата? Ты же сам встречаешься со Светкой.

– Мы просто друзья.

– Ага, рассказывай. Я слышала, как Светка всем трубит про своего нового парня – Глеба.

– От кого слышала?

– Девчонки в моем классе говорят.

– Ты Светку не просто так вспомнила. Хочешь сказать, что Алиска встречается с этим... Костей?

– Ничего подобного.

– Что она тебе о нем рассказывала?

– Глеб, я не за этим пришла.

– А зачем?

– Меня тут идея одна посетила насчет Витьки.

– Валяй.

– В случае с Комаром надо использовать метод психологического давления.

– Ты сама поняла, что сказала?

– Не язви. Я все продумала, так что осечки быть не должно.

– Не нравится мне твой взгляд, поэтому сразу говорю – я не согласен.

– Поздно, – сказала Люська и отошла к окну. – Я ему уже написала.

– Кому?!

– Комару.

Я вскочил со стула, тот отъехал в сторону, стукнувшись спинкой об угол стола.

– Тише ты, – шикнула Люська. – Диану же так разбудишь.

– Что ты написала Витьке?

– Успокойся, сейчас все объясню. Только сядь, Глеб, пожалуйста, сядь.

Усевшись на кровать, я ждал Люськиных откровений. Знал же, что ей ничего нельзя доверить, обязательно поступит по-своему.

– Я ничем себя не выдала, и пока все идет по моему плану.

– Не тяни резину. Что за план?

– С левого сайта я написала Витьке сообщение, – Люська протянула мне тетрадный листок. – Вот текст.

«Здравствуй, Виктор! Пишет тебе один из твоих одноклассников, который стал свидетелем твоего неблагоприятного поступка. Когда ты вытаскивал из ящика конверт с деньгами, мне удалось сделать несколько фотографий. У меня есть улики. У тебя нет алиби. За молчание я прошу всего пять тысяч рублей. Решать тебе. Жду ответа».

– Что скажешь?

– Ты вредительница!

– Почему вредительница, это реальный шанс проверить Комара.

– Он никогда не купится на такую фигню.

– Уверен? – перебила меня Люська. – А как запоешь, если скажу, что он уже купился?

– Он тебе написал?

– Написал. Написал, что принимает мои условия.

– А дальше?

– Требуется вернуть фотографии. Мы с ним договорились о встрече. Завтра в шесть.

Я заходил по комнате.

– Нереально, но... гм, неужели все-таки Витька?

– Витька, говорю тебе.

– Постой, но как ты пойдешь на встречу?

– Глеб, включи мозги, я не собираюсь никуда идти.

Ты пойдешь вместо меня, дождешься момента, когда Комар оставит в указанном месте деньги, и... можешь смело предъявить ему обвинение. Мышеловка захлопнется: принесся деньги, Комар сам себя расскретит. Мы уже точно будем знать, что Нину обокрал Комар, остальное – дело техники.

– Где у вас назначена встреча?

– У школы. Вход в подвал знаешь?

– Какой именно? Там два входа.

– Тот, который располагается с торца.

– Так.

– Витька должен спуститься по ступенькам и оставить деньги у двери.

– А фотки?

– Я написала, чтобы после этого он сразу шел домой. У подъезда его будет ждать парень, который передаст фотографии.

– Люсь, ну такая туфта!

– Но Комар на нее повелся. Знает, что рыльце в пушку, нервничает. В таком состоянии человек мало задумывается о мелочах. Его цель – получить фотки и откупиться от шантажиста. Теперь ты признаешь, что моя затея не такая безнадежная?

– Пока рано давать прогнозы. Но ты должна была посоветоваться со мной, прежде чем писать Витьке.

– Я большая девочка, – возразила Люська. – Решения могу принимать самостоятельно.

– Если они касаются только тебя и твоих интересов – да, но самостоятельность может сильно навредить делу, когда работаешь в команде.

– Другой бы спасибо сказал, а ты придираешься!

– Я скажу тебе спасибо завтра, когда увижу, что Витька действительно принес деньги за молчание.

– Принесет, не сомневайся.

– Кстати, что мне с ними делать? Он рванет домой, а деньги я куда дену?

– Не парься. Деньги позже вернешь ему. Главное, добиться от него признаний.

– Димону ничего не говори, сам в школе скажу.

– Буду хранить партизанское молчание. Тем более я завтра в школу не иду.

– Опять?

– Не из-за книги. Я к стоматологу еду. Зуб болит, – Люська открыла дверь. – Советую попросить прощения у Алиски.

– Без твоих советов обойдусь.

– Дурак ты, Глеб.

– И тебе спокойной ночи.

Люська ушла к себе.

Утром я проснулся от телефонного звонка.

– Глеб, – тихо сказала Люська. – Можешь с уроков уйти?

Спал я крепко, поэтому не сразу сообразил, что происходит. Посмотрел в окно – на улице светло. Перевел взгляд на часы... Половина первого!

– Глеб, ты меня слышишь?

– Люсь, я проспал.

– Так ты дома?!

– Прикинь, забыл с вечера будильник поставить.

– Здорово. Тогда никуда не уходи, в час придут менять радиатор на кухне.

– Впервые об этом слышу.

– Глеб, я не успеваю приехать, выручи, а?

– Когда тебя ждать?

– Часам к трем, думаю, подъеду.

С заменой радиатора получилась целая история. Мало того что мастер приехал с двухчасовым опозданием, так он еще умудрился уронить новый радиатор себе на ногу. Ступня мгновенно распухла, покраснела, мужик едва мог на нее наступать. Пришлось срочно

отводить его в травмпункт. Без двадцати шесть, оставив их с Люськой у рентгеновского кабинета, я рванул в школу. По дороге хотел позвонить Димону, но оказалось, телефон я оставил дома.

Витьку Комарова увидел в начале седьмого. Он быстро шел по заснеженной дороге, смотрел по сторонам, держа руки в кармане куртки. Возле лестницы в подвал с минуту стоял, словно раздумывая: спускаться или нет.

Когда он поднялся и спешно зашел за угол школы, я подбежал к лестнице. Ступеньки были завалены снегом, в центре отчетливо виднелись отпечатки следов Витькиной обуви.

К деревянной двери большой канцелярской кнопкой был прикреплен конверт. Схватив его, я по инерции заглянул внутрь. Конверт оказался пустой.

В этот момент наверху послышались торопливые шаги и прогремел Витькин голос:

– Он здесь!

В следующее мгновение передо мной возникла тень, и я ощутил удар в челюсть.

– Вот это по-нашему, – злорадно выкрикнул Витька.

Не устояв на ногах, я упал.

– Зачем со всей дури ударил? – спросил Витьку до боли знакомый голос.

– Так получилось.

Вытянув руку, я схватил Витьку за ногу, потянул. Он упал. Я вскочил, собираясь нанести удар стоявшему рядом парню. Но вдруг...

– Глебыч, ты?!

– Димон?!

– Какой Глебыч? – спросил Витька, поднимаясь с заснеженного пола.

– Ты как здесь оказался, Глебыч? – Димон смотрел на меня, не веря глазам.

– А ты еще не понял? – Витька толкнул меня в плечо. – Это он и есть!

– Не гони.

– Говорю тебе, он.

– Комар, заткнись! – разозлился я, проведя ладонью по правой щеке.

– У него в руках конверт. Это Глеб!

– Вы что, за мной слежку устроили?

– А ты как думал, – не мог успокоиться Витька. – За идиота меня принял, денег захотел срубить?

– Успокойся. Я все объясню. Давайте поднимемся наверх.

– Глебыч, каким ветром тебя сюда задуло?

– А тебя?

– Меня Комар о помощи попросил.

– О какой, набить мне морду?

– Да... То есть нет. Мы планировали здесь шантажиста встретить.

– И встретили, – стоял на своем Витька.

– Комар, уймись, я не шантажист. Ночью тебе написала Люська, – я пересказал разговор с сестрой. – Блин, сразу ей сказал, затея не удастся.

Димон рассмеялся.

– А мне Витька сказал, что его шантажируют. Вот, пришли посмотреть, кто у нас в классе такой борзый.

– Друг друга подловить хотели, – усмехнулся я, протянув Витьке руку. – Мир?

– Твоя Люська сумасшедшая!

– Я знаю. Мир, Комар?

– Мир. Я это... не сильно тебя ударил?

– Нормальный у тебя удар. Только на фигу ты сразу бьешь, не судьба сначала с человеком поговорить?

– Не сдержался. Слушай, а почему Люська мне сообщение написала? Это прикол, да?

– Не совсем, Витек. У нас к тебе тоже парочка вопросов есть.

– По поводу?

– Ответишь честно?

– Ну.

– С ходу? – я смотрел на Комарова и улыбался.

– Ну! – повторил он.

– В игровые автоматы играешь?

Витька вытаращил глаза.

– Не тяни. Да или нет?

– Играл. А ты откуда знаешь?

– Знаю – и все.

– Много денег проигрывал?

– Не очень.

– А связь между играми и кражей денег видишь?

– Глеб, не выноси мне мозг. Ты хочешь на меня кражу повесить?

– Отец лишил тебя карманных денег. Чем не повод.

– Да, Озеров, головастый ты парень. Логика железная.

– Не уходи от ответа.

– Когда меня отец денег лишил?

– Точно не знаю.

– Зато я знаю. Месяц назад. Второй вопрос: почему он меня лишил денег?

– Просек про игры, – сказал Димон.

– Просек. А почему просек?

– Комар, не темни.

– Меня к играм приятель приобщил. Здесь недалеко есть один подвальчик, там игровые автоматы стоят. Вход только для своих.

– А ты когда успел своим стать?

– Меня приятель привел. Почти три месяца там вечерами зависал, а в прошлом месяце в подвальчик омоновцы нагрянули. Шухер нереальный был. Меня потом в прокуратуру вызывали вместе с отцом. После этого он меня денег карманных лишил. А через неделю у Нины из стола пропал конверт. Ты обвиняешь в краже меня. Глеб, а зачем мне нужны деньги, если залу игровых автоматов настала хана? Предки теперь постоянно на стреме, после восьми вечера отец запрещает выходить из дома. Чего молчишь, говори, на что я сорок тысяч потратил?

– Глебыч, Комар прав. Нелогично как-то получается.

– Как и в случае с Данькой, – я слепил снежок, бросил его в стену. – Облом за обломом. Витек, считай, мы с тобой квиты. Я тебя подозревал, ты мне в челюсть заехал.

– Один-один, – подытожил Димон.

ГЛАВА 14

ТОК-ШОУ, КОНТРОЛЬНАЯ И ФОТОСЕССИЯ

Когда Диана положила в кофе третью ложку сахара, Люська не выдержала:

– Зачем так много?

– Что много, Люсьена?

– Остановись, иначе это будет уже не кофе.

Диана брезгливо поморщилась.

– Кофе? Разве я просила кофе?

– Десять минут назад.

– Не помню. Вроде бы я просила налить мне зеленого чая.

– Ничего подобного, ты попросила сварить кофе.

– Все равно, – Диана бросила на стол ложку. – Пить не хочется.

– Диан, у тебя неприятности на съемках?

– Нет.

– Проблемы в театре?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты на себя не похожа. Я же вижу, что-то случилось.

– Случилось, – призналась Диана, сев на стул. – Хожу сама не своя. Меня пригласили на ток-шоу.

– Из-за этого ты себя так взвинтила?

– Тема передачи «Маргарита Грушевская».

– А, кажется, начинаю понимать.

– Не надо было соглашаться, я должна была им отказать. Не смогла.

– Почему?

– Не знаю. Посчитала отказ недопустимым. Мы с Риткой столько лет дружили, теперь она пропала, они ждут от меня каких-то слов... А я в растерянности, Люсьена. Ну что я им могу сказать? Что?

– Расскажешь о вашей дружбе.

– Бывшей дружбе, – поправила Диана. – Это никому не интересно. Они жаждут каких-нибудь подробностей, понимаешь меня? Желательно что-то остренькое, эдакую сенсацию. Надо отказаться, пока не поздно.

– Когда съемка?

– Сегодня.

Люська прыснула.

– Поздно отказываться.

– Я могу сослаться на срочные съемки... Или нет, позвоню, скажу, что неважно себя чувствую...

– Диан...

– Нет, Люсьена, – Диана расправила плечи и сверкнула глазами. – Веду себя, как начинающая актрисулька. Я не обязана ни перед кем отчитываться, позвоню и скажу, что не смогу приехать. И все! Без объяснения причин.

– Решать, конечно, тебе, но я бы на твоём месте поехала.

Диана встала из-за стола.

– Отказаться. Отказаться от съемок.

В комнате она пробыла минут десять, потом ворвалась на кухню с фразой:

– Не имею права отказаться от съемок. Чисто человечески мне жаль Риту. С ней произошло несчастье, я не могу отсиживаться в стороне. Мы хоть и бывшие, но подруги.

– Правильно, – кивала Люська.

– Пойду собираться.

– Диан?

– Да?

– Как ты думаешь, что могло случиться с Грушевой?

Диана прислонилась спиной к стене, пожала плечами.

– Мне трудно сказать, Люсьена.

– Есть предположения?

– Они слишком мрачные.

– По-твоему, Маргарита...

– Не произноси это вслух. Ее найдут, должны найти. Ритка очень любит жизнь, просто так она ее не отдаст.

– Но ведь...

– Слушай, Люсьена, какая удачная фраза, – Диана схватила со стола лист бумаги и ручку. – Скажу ее во время съемок. «Маргарита очень любит жизнь, просто так она ее не отдаст». Или лучше сказать «Просто так она с ней не расстанется»? Как ты считаешь?

– Какая разница?

– Большая. Люсьена, на ток-шоу я должна быть в ударе.

– Почему нельзя просто быть собой?

– Это скучно, – по-детски наивно ответила Диана. – Быть собой я могу дома, когда меня никто не видит, на людях я обязана быть актрисой.

...Через два дня ток-шоу вышло в эфир. Диана и в самом деле была в ударе. О Маргарите говорила только хорошее, вспоминала забавные и трогательные моменты из жизни, под конец даже всплакнула, разумеется, не по-настоящему. Но для Люськи осталось загадкой, зачем в самом конце передачи Диана вдруг сказала:

– Незадолго до исчезновения Риты мы встретились с ней на студии. Мимоходом она упомянула, что собирается выйти замуж... Теперь она пропала, и я не знаю, что думать. К сожалению, имя ее избранника мне не известно, Рита не называла имен.

Утром следующего дня во многих газетах и, разумеется, в Интернете появились сенсационные сообщения, что к похищению народной артистки Маргариты Грушевой мог быть причастен человек, за которого актриса собиралась выйти замуж. Этого мифического персонажа причисляли к актерам, певцам, политикам, олигархам. Откуда-то появились свидетели, якобы не раз видевшие в последнее время Маргариту Григорьевну в компании импозантного мужчины.

И снова взрыв информационной бомбы. Догадки, сплетни, домыслы, а в них наверняка ни слова правды.

После просмотра шоу Люська пришла к Диане.

– Почему ты не сказала, что встречалась с Грушевой?

– Я с ней не встречалась.

– Как? Ты же рассказала об этом на шоу. О вашей встрече и о ее замужестве.

Диана засмеялась.

– Это была неправда. Точнее, полуправда.

– То есть?

– Люсьена, недавно до меня дошел слух, что Рита якобы собирается замуж. Потому и сказала.

– Соврав, что узнала об этом от самой Грушевской.

– Не столь важно. Слух такой был, кто и когда его пустил – дело десятое.

– Ты же мешаешь следствию. Они теперь наверняка начнут искать этого несуществующего мужчину. Диана, зачем ты вредишь Грушевской?

– Чем я ей навредила? – нахмурилась Диана. – Я говорила о Ритке только с нотками превосходства. Преувеличивала ее достоинства, ни словом не обмолвилась о недостатках. А их у нее было предостаточно. Я знаю, что о мертвых либо хорошо, либо ничего.

Люська подпрыгнула на месте.

– Грушевская не умерла.

Диана посмотрела на свое отражение в зеркале.

– Прошло столько времени, ее не нашли. Надеяться на чудо можно, но я в данном случае реалистка. Увы, Люсьена, в жизни чудеса происходят редко. А теперь извини, мне надо собираться, у меня два интервью. Журналисты на части рвут, все о Маргоше спрашивают, – хмыкнула Диана. – В этом месяце Маргоша – королева бала. Какая низость!

Люська была поражена. Не ожидала она от Дианы такой хладнокровности и бессердечия.

– Свет, – прошептал я, быстро дотронувшись до ее

плеча. – Написала?

– Глеб, пять минут.

– До конца урока осталось двенадцать минут.

– Последнее задание переписываю.

Я откинулся на спинку стула. Контра по алгебре стала для всех большой неожиданностью. Обычно алгебруха заранее предупреждает о контрольной, сегодня же решила сделать нам сюрприз. Доска разделена чертой на две части: слева задания для первого варианта, справа – для второго. В каждом варианте по пять заданий. Жесть!

Кое-как я решил три уравнения, в принципе, на тройку этого уже достаточно, при условии, что решил я их правильно. А если нет? Пара в конце четверти по контре мне не улыбается. Хорошо еще, что передо мной сегодня села Светка, а перед Светкой Зойка. Зойка сечет и по алгебре, и по геометрии, уравнения щелкает как орехи и никогда не ломается: если просят, всегда разрешает списывать.

Светка взяла у Зойки тетрадь семь минут назад, я специально засек время. Плюс еще пять минут – итого двенадцать. К тому времени до конца урока останется всего семь минут. Гм, переписать все задания я не успею.

– Свет, – поторопил я, когда алгебруха прошла мимо. – Долго еще?

– Две минуты.

– Черт, не успею.

– Успеешь, Глебыч, урок последний, Ирина разрешит дописать на перемене, – сказал Димон, скатывая уравнения из Маринкиной тетради.

– Тебе легко говорить, ты уже все перекатал, а у меня...

– Глеб, держи тетрадь, – прошептала Светка.

Первым делом я сверил свои ответы с ответами Зои. Два уравнения решил неверно, с третьим полный порядок.

По всем законам подлости Ирина Львовна остановилась в метре от меня и уставилась на Димона.

– Димон, – я толкнул локтем его в бок.

– Глебыч, отвали.

– Шухер, – прошептал я.

– Чего тако... – Димон осекся, поймав взгляд алгебрухи, и глупо заулыбался.

– Крылов, и с чьей, интересно, тетради ты так усердно переписываешь контрольную работу?

– Ни с чьей, Ирина Львовна. Я сам решаю, – Димон быстро закрыл Маринкину тетрадь и положил ее под учебник.

– А вот мне так не кажется. Неси тетрадь на стол.

– Но Ирина Львовна...

– Тетрадь мне на стол, иначе оценка на балл ниже.

Димон встал, взял свою тетрадь.

– И другую тетрадь возьми.

– Какую? У меня только одна тетрадь.

– Крылов, будем в игры играть? Обе тетради мне на стол.

Димон посмотрел на Маринку. Та закатила глаза.

Когда тетради оказались на столе алгебрухи и она наконец отвалила от нашей парты, я начал переписывать контру. До конца урока осталось меньше пяти минут.

– Марин, извини, – шепотом сказал Димон.

– Не мог тетрадь на коленях держать, – не поворачиваясь, буркнула Маринка.

– Так получилось.

– Теперь оценку на балл снизит.

Ирина Львовна взяла Маринкину тетрадь, усмехнулась.

– Взялся переписывать, ну сделай это так, чтобы учитель не заметил. Нет, внаглую переписывает. Крылов, тебе не стыдно?

– Стыдно ему, Ирина Львовна, – засмеялся Витка. – Может, простим его на первый раз?

– До конца урока осталось две минуты. Поторопитесь. Комаров, отдай тетрадь Кравченко, иначе снижу оценку на балл.

Прозвенел звонок, я дописывал четвертое уравнение. Возиться с пятым не захотел. Фиг с ним, четверку мне по-любому должны поставить. Хотя, зная характер алгебрухи, не удивлюсь, если вlepит тройку.

– Глеб, – спросила Светка. – Зайдем сейчас ко мне? Хочу тебе кое-что показать.

– Можно.

Когда мы проходили мимо стола алгебрухи, та попросила занести журнал в учительскую. Светка протянула журнал мне.

– Ты его занеси, не хочу туда заходить.

– Можно подумать, я хочу.

– Жду тебя в раздевалке.

– Я быстро.

В учительской за своим столом сидела Клара Степановна. Одна. И надо было мне именно на нее на-рваться.

– Тебе чего, Озеров?

– Журнал хочу положить.

– Клади.

Штангенциркуль проверяла тетради, на меня взглянула бегло, со своей вечной презрительной ухмылкой.

Положив на полку журнал, я собрался свалить из учительской, но завучиха вдруг меня окликнула:

– Глеб, задержись на минутку.

Та-а-ак, запахло жареным. Неспроста Штангенциркуль назвала меня по имени, значит, разговор намечается серьезный. Приготовившись к худшему, я сделал шаг вперед. В голове мелькнула мысль, что речь может пойти о Люське, точнее, о ее прогулах. Говорил ей, занимайся своим графоманством в свободное от школы время. Не послушала, писательница фигова, теперь за Люську возьмется Штангенциркуль.

– Садись, Глеб, – Клара Степановна кивнула на стул, продолжая проверять тетради.

«И долго я буду здесь сидеть, – подумалось мне. – Или проверяй тетради, или говори, зачем позвала».

Словно прочитав мои мысли, завучиха закрыла тетрадь, улыбнулась и спросила с легким укором в голосе:

– Почему же у вас в классе царит такая несправедливость, Глеб?

– Вы о чем?

– Ты сам не догадываешься?

– Речь о краже денег?

– Речь о другом. Об атмосфере в вашем коллективе.

– А что не так с атмосферой?

– Хочу тебя спросить, по какому принципу лично ты выбираешь себе друзей?

Я пожал плечами.

– Не задумывался об этом.

– И все-таки?

– Стараюсь делить людей на своих и чужих.

– Это каким же образом?

– На уровне подсознания.

– А скажи, Соня Яковлева для тебя свой человек или чужой?

– Сонька? Клара Степановна, вы что-то хотите узнать от меня о Соне?

– Хочу. Почему вы делаете ее изгоем в классе?

– Это не так.

– Но Яковлева стоит от вас особняком.

– Она сама так захотела.

– Не думаю. Пойми, в таком возрасте у человека легко появляются комплексы, побороть их бывает порой очень сложно. Своим поведением вы заставляете Соню страдать. Не отрицай. Ко мне приходила ее бабушка.

– Зачем?

– Хотела посоветоваться. В последнее время Соня замкнулась в себе, практически не выходит из дома, никого не приглашает к себе. Ты же понимаешь, корень проблемы – в вашем классе. Вы настолько затюкали Яковлеву, что она близка к нервному срыву.

– Я поговорю с ребятами.

Штангенциркуль хмыкнула.

– Надеюсь, Глеб. Я обратилась к тебе как к умному серьезному парню.

– Мне можно идти?

– Иди.

На первом этаже Светка чуть не набросилась на меня с кулаками.

– Глеб, почему так долго?

– Меня Штангенциркуль задержала.

– Так и знала, что она торчит в учительской. Чего хотела?

– О Соньке говорила.

– На тему?

Я пересказал разговор с Кларой.

– Тронулась тетка. Она что, хочет, чтобы мы теперь опекали Яковлеву, как маленького ребенка, пылинки с нее сдували? А с ложечки ее кормить не надо? Я тоже, может, на многих обижаюсь, и чего теперь, пойти повеситься?

– Но с Сонькой мы действительно перебарщиваем.

– Она стукачка и сама во всем виновата.

– В любом случае, я обещал Штангенциркулю с вами поговорить.

Светка засмеялась.

– Значит, ты теперь у нас официально уполномоченный по правам человека?

– Только по правам Софьи Яковлевой, – пошутил я.

– Незавидная должность. Ладно, о Соньке в другой раз поговорим. Иди одевайся.

– Свет, – спросил я, надевая куртку. – А что показать хочешь?

– Не скажу.

– Свет!

– Сюрприз.

– Ммм... Сюрпризы я люблю.

Дома Света первым делом провела меня в свою комнату.

– Садись.

– Сел. Что теперь?

– Осматривайся.

– В смысле, а где сюрприз?

– Глеб, осмотрись внимательно.

Я начал вертеть головой.

– Ничего вроде не изменилось в комнате.

– Да-а, наблюдательным тебя не назовешь.

– Я понял, Свет. Ты кресло переставила.

– Какое кресло?

– В прошлый раз оно стояло в углу, теперь у окна.

– Хоть кресло заметил, – проворчала Светка и подошла к стене.

Я повернулся и стукнул себя ладонью по лбу.

– Теперь вижу.

– Правильно, когда я сама подошла, ты увидел.

– Слушай, классные фотки.

– Нравится?

– Не то слово, – я встал и подошел к стене, на которой висело семь деревянных рамок с цветными фотографиями Светки.

Светка давно мечтала о фотосессии и даже нашла подходящую фото-студию, но цены кусались настолько, что родители развели руками. Лишних денег в семье нет, с фотосессией придется повременить до лучших времен. Светка все ждала, ждала и наконец дождалась.

– Когда фотосессия была?

– На прошлой неделе. Вчера фотографии получила.

– Суперские фотки, Свет.

– Мне тоже нравятся. А Маринка недовольна своими фотографиями осталась.

– Вы вместе в студию ходили? И во сколько вам обошлись фотки?

– По двенадцать тысяч с каждой.

– Ого!

– Зато память на всю жизнь, Глеб.

– Дорогая память, – усмехнулся я. – Как ты родителей уломала?

– Никак. Я в лотерею десять тысяч выиграла, а две у меня было.

– Ты мне не рассказывала про лотерею.

– Разве? Нет, ты, наверное, забыл. Я говорила. Вспомни. Я мотнул головой.

– Я бы запомнил.

– Говорила-говорила, не спорь.

– А Маринка откуда деньги взяла?

– Маринка у сеструхи старшей заняла. Ты же знаешь, у нее сестра секретарем в посольстве работает, хорошо зарабатывает. Смотри-смотри, Глеб, эта фотка мне больше всех нравится. Все-таки челка мне идет. А на этой фотографии я в цветных линзах. В зеленых. Ты заметил?

Я пригляделся.

– Вижу.

– Подойди ближе. Ничего ты не видишь, – Светка взяла меня под руку и начала с упоением рассказывать, как проходила фотосессия.

Через час мы пошли в пиццерию, потом гуляли по набережной, встретили Стасона с Маринкой, решив завалиться в кинотеатр. Домой я пришел поздно. Диана встретила меня в коридоре, дымя сигаретой. Оказывается, у нас была журналистка, брала у Дианы очередное интервью. Ушла незадолго до моего прихода, и теперь Диана, находясь под впечатлением от разговора (опять говорила в интервью не то, что хотела), снова и снова прокручивала в голове вопросы журналистки и свои ответы.

Юрий Ситников

– Она спросила про Риту, и я наговорила много того, о чем говорить не следовало. Кто тянул за язык? Глеб, ты голоден? Люсьена приготовила горячие бутерброды. Иди поешь. Зачем я столько всего рассказала про Ритку? Язык без костей, – Диана зашла к себе, продолжая вслух сокрушаться.

Люська появилась на кухне, когда я с аппетитом доедал третий холодный «горячий» бутерброд.

– Почему всухомятку, налить чая?

– Не хочу. А ты чего такая добрая?

– Не твое дело, – огрызнулась Люська. – Где сам пропадал?

– В кино ходили.

– А я за целый день не написала ни строчки. И вчера тоже... Не пишется! Сажусь за комп, а в голове ни одной мысли.

– Это называется творческий кризис.

– Сейчас половником садану. Много ты понимаешь. Нет у меня никакого кризиса.

В коридоре что-то упало. Люська вздрогнула.

– Диан, это ты?

– Ну а кто еще? – недовольно отозвалась Диана.

– А ты думала, твой Муз вернулся? – пошутил я.

Люська схватила половник, замахнулась... мне удалось увернуться и выбежать из кухни.

ГЛАВА 15

ЛЮСЬКА И ФЭН-ШУЙ

Алиса проснулась в восемь утра, посмотрела на часы и вскочила с кровати. Уже подбегая к двери, вспомнила, что сегодня воскресенье. От сердца отлегло. Выходной день, можно спать, пока не надоест, а спать с недавних пор хотелось всегда. Съёмки отнимали много сил, помимо прочего Алисе приходилось усиленно заниматься, чтобы не отстать от класса. Учителя в нее верят, пророчат серебряную медаль.

Раньше Алиса и сама была одержима медалью, теперь же мечты о медали отошли на второй план. Да и кто ей даст серебряную медаль, когда сильно хромают химия с физикой. Ходить на дополнительные занятия нет времени, а сама она вряд ли в полном объеме освоит материал.

За прошедшую неделю Алиса была в школе дважды: во вторник просидела целых три урока, в пятницу ушла после второго. Голова забита съёмками, тут не до закона Кулона и сложных химических реакций.

Если только она сумеет удержаться на плаву, обрести мало-мальскую известность, стать своей в мире шоу-бизнеса, то, возможно, с выбором будущей профессии не возникнет трудностей. Поступит после школы в театральный, будет учиться, сниматься, купаться

в лучах славы; обязательно объездит весь мир, и везде, куда бы она ни приехала, ее будут узнавать многочисленные поклонники. Поклонники, признания... Алиса зевнула, перевернулась на правый бок и уснула.

В десять часов дверь в комнату распахнулась.

– Я же говорила тебе, спит, – сказала Дашка, кивая на спящую сестру.

– Ничего, сейчас мы ее разбудим, – Люська хозяйски прошла в комнату, села на кровать, тряхнув Алису за плечо.

– Алиска, просыпайся, все на свете проспишь.

– Откуда ты здесь взялась, Люсь?

– С другой планеты прилетела.

– Который час?

– Пять минут одиннадцатого.

– Я хочу выспаться. Уходи! И Дашку заberi.

– Алис, хватит только о себе думать. Я с семи часов вся на нервах, а ты дрыхнешь.

– Что у тебя опять?

– Черная полоса в жизни!

– Предлагаешь выкрасить ее в белый цвет? – спросила Алиса, оторвав голову от подушки.

– Два дня не могу ничего написать. В ступор впала.

– Наверное, Муза своего обидела.

– Кто такой Муз? – спросила Дашка.

– Ты уши греешь? Марш отсюда.

– Люсь, ну скажи, Муз – это кто?

– Дед Пихто. Дашка, считаю до трех. Раз...

Громко хлопнув дверью, Дашка ушла. Алиса села на кровати.

– Всю неделю в полшестого просыпалась. Хотела в воскресенье выспаться. Ага, выпалась. Спасибо.

– Алис, я поняла, в чем моя проблема, – не слушая подругу, тараторила Люська. – Все дело в неправильном расположении мебели в моей комнате.

– Это что-то новенькое.

– А вот и нет. Старо как мир. Слышала о фэн-шуйе?

– О-ой, не начинай. Мамина сестра помешена на твоём фэн-шуйе. От нее даже муж ушел на этой почве, совсем тетка чокнулась.

– Ты не права, Алис. Наоборот, значит, он был не ее человек. Фэн-шуй – грандиозная вещь. Я тут свою комнату на сектора поделила и ужаснулась. Прикинь, моя кровать стоит в зоне катастроф.

– Ужасная новость.

– Не язви, я серьезно. А стол – ты знаешь, в какой зоне стоит мой рабочий стол?

– Понятия не имею.

– В зоне конфликта. Поэтому я постоянно в конфликте со своим Музом. Улавливаешь связь?

– Нет. Я не верю в это, Люсь. Не от расположения мебели зависит твоя работоспособность.

– Наивная. У меня в зоне творчества стоит шкаф со шмотками. Его надо срочно переставить. Остальную мебель я передвинула, остается шкаф. Без тебя не справлюсь.

– Люсь, попросила бы Глеба.

– Глеб такой же темный, как и Димка. Считают меня идиоткой. Ничего, когда я усилю влияние энергии Ци, он по-другому запоет. Давай собирайся, жду тебя дома, – Люська выбежала из комнаты. – Не придешь через десять минут, мы с тобой враги.

– Приду я, приду, – пробормотала Алиса, пройдя в ванную.

Опять Люська втягивает ее в очередную авантюру. Шкаф передвинуть. Нашла грузчика. И все же двадцать минут спустя Алиса несмело топталась на пороге.

– Проходи.

– Подожди, Люсь, Глеб дома?

– Они с Димкой еще в девять часов отчалили. Заходи.

В Люськиной комнате царил кавардак. Письменный стол почему-то оказался в самом темном углу, кровать была передвинута к окну, на ней горой высились вываленные из шкафа шмотки. С потолка свисали какие-то трубки, цветные бумажные шары, перья.

– Это что?

– Музыка ветра и шар Удачи. Он активизирует благоприятную энергию. Знаешь, когда я его повесила, сразу дышать стало в комнате легче. У меня было много энергии Ша. Это негативная энергия, от нее надо избавляться.

– Как?

– Для начала передвинуть шкаф на два метра. И кстати, я тут выяснила, что наш дом стоит неправильно. Не по фэн-шую стоит.

– Как все запущено, – зевнула Алиска, взяв вешалку с Люськиной кофтой. – Я у тебя эту кофточку не видела, давно купила?

– Не помню. Алис, не садись на стул! Сядь лучше на кровать.

– Почему?

– Этот стул специально для Муза. Видишь, монетка с дырочкой к сиденью пришита. Она притягивает удачу. Для творческих людей удача необходима. Прилетит Муз, сядет на стул, а встать не сможет. Так и просидит, пока я из него все соки не выжму.

– А я по глупости думала, Музы над головой летают, – улыбнулась Алиса.

– А мой будет сидеть на удачном стуле. Так, мне еще надо вещи вытащить из шкафа. Помогай.

Люська все болтала и болтала, не заметив, как Алиса взяла со стола отрывок ее повести и углубилась в чтение.

– Шкаф высасывает из меня силы. Он преграждает путь положительным потокам энергии, поэтому меня мучают ночные кошмары. Алис, нас можно поздравить: нижняя полка свободна.

– Освобождай вторую.

– Нет, погоду, я хотела просмотреть документы в старой сумке. Давай сделаем небольшой перерывчик, – Люська присела на кровать, вытащила из сумки свое свидетельство о рождении и, помахав им перед глазами Алисы, спросила:

– Знаешь, какой у свидетельства номер?

– Счастливый! – крикнула Алиса. – Ты мне этим номером все уши прожужжала. Убери его обратно в сумку. И не вздумай доставать свою медицинскую карту. Я помню, что в детстве ты переболела краснухой, ветрянкой и свинкой. Знаю, что у тебя была аллергия на цитрусовые, а в десять лет ты отравилась дыней. Люсь, хватит читать все подряд, решили передвинуть шкаф, значит, двигаем шкаф.

– Ладно, ладно, чего кричать. А что это у нас в пакете лежит? Алиска! Не может быть – мои счастливые билетки! Я думала, они пропали. Смотри!

– Зачем они тебе? Разве по фэн-шую не надо выбрасывать все старье на помойку?

– Много ты понимаешь. Пойдем кофейку хлебнем.

– Сначала освободим шкаф.

– Нет, хочу кофе, – Люська практически вытолкала Алису из комнаты. – У меня пироженки есть.

– Я не ем пирожные. Я на диете.

– Ты дура, Алис! Какая диета? Кожа да кости! Хочешь быть похожей на анорексичку?

– За неделю я поправилась на килограмм, а почти ничего не ела и работала как лошадь.

– Это от стресса. Съешь пирожное.

– Нет.

– Оно маленькое.

– Отстань.

– А я слопаю, после трех съеденных пироженок настроение поднимается.

Разлив по чашкам кофе, Люська кивнула в коридор.

– Еще одна головная боль – туалет с ванной.

– В смысле?

– По фэн-шую туалет находится в неблагоприятной зоне. Самое лучшее место для унитаза располагается у нас на кухне, – Люська встала в центр кухни и топнула ногой. – Вот здесь, прямо под люстрой.

– А в чем проблема? Поставьте унитаз на кухню, а плиту перенесите в туалет. Только имей в виду: в гости я к тебе больше ни ногой. Зато квартирка здорово преобразится.

– До чего ж ты темная, Алиска. Сразу видно – актриса.

– Не наезжай на актрис.

– Я шучу. Между прочим, одна баба, после того как увлеклась фэн-шуем, превратилась в миллионершу.

– Она унитаз на кухню перенесла и начала черпать из него деньги?

– Познакомилась с миллионером и выскочила за него замуж.

– Не вижу связи с фэн-шуем.

– Переставив кровать в благоприятную зону и активизировав ее, она тем самым привлекла в свой дом удачу. А вместе с удачей появился и миллионер.

– Хорошо, ты меня убедила, сейчас выпьем кофе и продолжим притягивать в твой дом удачу.

Шкаф был освобожден в начале первого. Но возникла новая проблема. Как девчонки ни старалась, шкаф не двигался с места.

– Глеб, придурок, не мог сестре помочь. И Димка хорош. Ничего, я им припомню.

– Давай еще разок попробуем.

– Не, Алис, бесполезняк. Вдвоем не справиться, нужна мужская сила.

– Тогда жди Глеба с Димкой.

– Нет уж! Этих типов я близко к шкафу не подпущу. Даже если рваться будет – не подпущу. Теперь из принципа. Надо другую силу искать.

– И где ее искать?

– Я к Шурику на третий этаж спущусь.

– Они с Леной два дня назад уехали в Египет.

– Черт! Может, Лешку с пятого попросить?

– Ага, Лешку. Лешка ростом чуть выше пуделя и весит килограмм пятьдесят. Он табуретку с трудом поднимет, а твой шкаф для него как Эверест.

Люська заметалась по комнате.

– Должен быть выход. Мы обязаны передвинуть шкаф! Ты понимаешь, это энергия Ша ему помогает. Она не хочет покидать насиженное место. Если я его не передвину, я его разрублю топором.

– Не сходи с ума.

И вдруг Люська выпалила:

– Алиска, выручай, – она схватила Алису за локоть. – Позвони Костику, попроси его приехать на пару часиков.

– Сбрендила?

– А чего такого? Вы успели подружиться, были в кафешке, ты ему нравишься. Неужели он откажет тебе в малюсенькой просьбе? В конце концов, ты его не развлекаться зовешь, а потрудиться.

– Как ты себе это представляешь? Я позвоню Косте в воскресенье и попрошу передвинуть шкаф? Он не грузчик.

– У нас нет выхода.

– Можно позвать ребят из класса.

– Нет.

– Люсь, Андрееву я не позвоню. Мне неудобно. И глупо это, он примет меня за психопатку.

– Брось! Звони. А потом мы кофейку попьем с конфетами и пирожными. Я могу за тортиком смотаться.

– Ты хочешь, чтобы Костя помог со шкафом, или мечтаешь попить с ним кофейку?

– Одно другому не мешает.

– Ну-ка, выкладывай правду.

Люська пожала плечами.

– Я бы не прочь его увидеть живьем.

– Ты видела его в кафешке.

– На расстоянии. Не разглядела.

– Не ты ли говорила, что актеры тебя раздражают?

– Многие, но не все. В детстве я насмотрелась на них на всю жизнь. У Дианы постоянно собирался

бомонд. А родители на все выходные сплавляли нас с Глебом к ней домой. Но это совсем другое, Алис. Хватит ломаться, позвони Андрееву, пусть поможет.

– Неудобно.

– Звони! – повысила голос Люська. – Мы слабые девушки, а девушкам противопоказано поднимать и передвигать тяжести. Этим должны заниматься мужчины.

Под напором Люськи Алиса сдалась. Краснея и содрогаясь от нервного озноба, она набрала номер Андреева, глубоко вздохнула и сильно-сильно захотела, чтобы Костин телефон был отключен. Не повезло. После пятого гудка в трубке раздался его бодрый голос.

– Костя, привет, – прошептала Алиса. – Извини, что звоню в выходной день... Что? Да. Нет. Я не знаю.

Люська толкала Алису в бок.

– Говори про шкаф. Про шкаф!

– Нет, пойти не получится. У меня дела... Но мы можем встретиться прямо сейчас. Ага. Нет. Дома у моей подруги. Понимаешь, у подруги ЧП... ей нужно передвинуть шкаф.

– В зону богатства, – шикнула Люська.

Алиса отмахнулась.

– Угадал, она помешана на фэн-шуйе. Поможешь? Тогда мы тебя ждем. Записывай адрес.

Отсоединившись, Алиса подошла к зеркалу, уставившись на свое отражение.

– Щеки аж бордовые.

– А чего так смущаешься? Имеешь на Костю виды?

– Перестань.

– Он тебе нравится?

– Нет.

Юрий Ситников

- Посмотри на меня.
- Не хочу.
- Нравится.
- Не нравится.
- Тогда не красней.
- Из-за тебя все. Уже пожалела, что позвонила ему.

Идиотизм какой-то, Костя решит, шкаф – это предлог.

– И пусть. Если он тебе по барабану, наплюй на его мысли.

- Надо было на твой шкаф наплевать.
- Не злись. Съешь пирожное.

ГЛАВА 16

КУДА ИСЧЕЗЛА ГРУШКА?

Узнав, что Люська – внучка Дианы, Костя был приятно удивлен.

– Мы с Дианой в прошлом году были задействованы в одном проекте.

– Вот видишь, какое совпадение, а в этом году ты помогаешь ее внучке передвинуть шкаф.

Костя засмеялся, Алиса смутилась, знаками показывая Люське, чтобы та перестала нести околесицу.

В комнате Костя подошел к окну, посмотрел на улицу, потом долго и пристально рассматривал шкаф.

– Шкаф куда планируешь перетащить? – деловито поинтересовался он.

– Сюда. В зону богатства.

– Почему ты решила, что здесь зона богатства?

– Я проверяла.

– Ты расчертила сетку Багуа?

– А как же?

– Дай посмотреть.

Пока Люська рылась в ящике стола, Алиса с удивлением посмотрела на Костю.

– Хочешь сказать, ты разбираешься в фэн-шуйе?

– В фэн-шуйе должен разбираться каждый, – ответил Костя.

Алиса не сдержала смешка.

– Не смейся.

– Вот-вот, – поддакнула Люська. – Если сама не разбираешься, то слушай, что говорят умные люди.

– Это вы, что ли?

– А хоть бы и мы. Костя, вот моя сетка Багуа.

Костя взял лист, изучил его и замотал головой.

– Накладывала ее на всю квартиру или только на одну комнату?

– На комнату.

– Не пойдет. Сначала надо наложить на всю квартиру. И у тебя несколько серьезных ошибок.

– Не может быть! Где?

– Неверно определила стороны света. Компас есть?

– Конечно.

– Неси.

Вооружившись компасом, Костя встал спиной ко входной двери, совместив стрелку с отметкой «С».

– Люсь, возьми бумагу, записывай.

– Ага. Сейчас. Алис, быстро бумагу и ручку.

Алиса хмыкнула.

– Быстрее, – прикрикнула Люська.

– На! На! – Алиса протянула бумагу, а сама отошла в сторону.

– Люсь, пиши. Юг – зона славы. Юго-восток – зона богатства.

Люська вносила записи, Костя с умным видом ходил по квартире, Алиска откровенно скучала.

Потом Костя с Люськой перешли на понятную лишь им одним терминологию.

– Люсь, центральный нижний квадрат – север. Гуа 1, вода. Карьера.

– Точно гуа 1? А не 3?

– Нет, конечно. Гуа 3 – это средний левый квадрат, восток. Дерево. Семья.

– Блин, вот здесь я и допустила ошибку.

– Фэн-шуй любит точность.

– Ребят, я вам не мешаю? – спросила Алиса.

– Нет! – ответили они хором.

Безумие продолжалось. Минут через двадцать выяснилось, что в спальне Дианы избыток отрицательной энергии Ша, и эту энергию необходимо отразить с помощью зеркал и прочих фэншуйских девайсов.

– Люсь, в спальню Дианы надо купить традесканцию.

– Как?

– Тра-дес-кан-ци-ю.

– Ага-ага. Записала. Купим. А традесканция это что-то электрическое, да?

– Это цветок.

– Вау! Купим, – повторила Люська.

– Шкаф собираетесь двигать? – напомнила Алиса.

– Пока нет. Торопиться в этом деле недопустимо, любая спешка может повлечь за собой...

В замочной скважине повернулся ключ. Все уставились на дверь.

Сегодня я решил объясниться с Алисой. Хватит игнорировать друг друга, пора брать ситуацию под свой контроль. Мы ведь любим друг друга, а ведем себя как неразумные дети. Нельзя из-за какой-то ерунды разбивать собственные отношения. Без Алиски я не смогу жить и тянуть с примирением не намерен.

Выйдя из метро, я сказал Димону, что хочу зайти в цветочный салон.

– Сейчас домой заскочу, переоденусь – и сразу к Алиске.

– Давно пора.

С шикарным букетом я пришел домой, открыл дверь и увидел их: Алису, Люську и незнакомого парня. Настроение ушло в минус.

– Привет всем, – сказал Димон.

– Привет, – прошептала Алиса.

Опустив цветы, я спросил:

– Чем занимаетесь?

– Фэн-шuem, – выпалила Люська.

Костя сделал шаг вперед, протянув мне руку:

– Костя.

– Глеб.

Потом он обменялся рукопожатием с Димоном.

– Помогаю твоей сестре правильно распланировать помещение.

– Глеб, – зачастила Люська. – В твою комнату срочно надо купить кристалл, смеющегося Будду, веер и шар судьбы.

Ситуация неординарная. Увидев Костю, я моментально вспыхнул, внутри все запылало, перед глазами запрыгали искры. Первое желание – наброситься на этого смазливового актеришку с кулаками и выставить на лестничную клетку. Он хоть и старше по возрасту, но нас двое, вместе с Димоном мы его скрутим.

Но я быстро взял себя в руки. Нет, нельзя срывать-ся, нельзя пороть горячку, нельзя своими неконтролируемыми эмоциями все испоганить.

И я решился. Подойдя к Алисе, глядя ей прямо в глаза, я сказал:

– Алиска, прости меня! Я много думал и понял, что нам нельзя быть порознь. Я люблю тебя и хочу возобновить наши отношения.

– Ничего себе фэн-шуйчик, – выдохнула Люська.

– Алис, прости меня.

Алиска окончательно растерялась. Взяв цветы, она переводила взгляд с меня на обалдевшего Костю.

Люська начала что-то быстро записывать в блокнот. Когда Димон полуобнял ее заечи, она завопила:

– Подожди! Не мешай! Ко мне Муз пришел.

– Алис, что скажешь? – я неотрывно смотрел на нее, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце.

– Алиска, говори по слогам, – попросила Люська. – Я хочу законспектировать твой ответ, чтобы потом включить это в книгу.

– От-ва-ли, – сказал я Люське по слогам.

– Теперь ты без меня справишься, – нервно проговорил Костя, вернув Люське компас. – Мне ехать надо.

– Спасибо, что помог.

– Не за что. Алис, до понедельника.

– Да, – она кивнула, но даже не посмотрела в его сторону.

– Почему ты молчишь? – спросил я.

Костя задержался на пороге. Ему не терпелось услышать ответ Алисы.

– Ну! – взмолилась Люська. – Кульминационный момент.

Внезапно Алиска бросила на пол букет, разревелась и повисла у меня на шее.

– Глеб, я так скучала.

Костя вышел на лестничную клетку. Люська, закусив губу, продолжала писать. Подняв букет цветов, Димон, смеясь, спросил:

– Перекусить бы сейчас, Люсь.

– Перекусим, но сначала хочу посмотреть на эту сладкую парочку. Алис, кончай плакать.

Алиска тряхнула волосами.

– Не смотрите на меня... Люсь, Дим, идите перекусите.

– А вы?

– Люсь, это намек, – Димон потащил Люську в кухню. – Они хотят побыть наедине.

– Так нечестно! Я ведь писательница... я должна запротоколировать...

– Позже запротоколируешь.

– По свежей памяти... чтобы с цитатами... Димка, куда ты меня тащишь?! Алиска, Глеб, говорите громче, чтобы я вас слышала. Я записываю. Ай, где мой блокнот?

Мы смотрели друг другу в глаза и молчали. Долго молчали, стоя в коридоре рядом с валявшимся на полу букетом роз, компасом и Люськиными каракулями.

В понедельник прямо из школы мы с Димоном поехали домой к Грушевской. Квартира Маргариты Григорьевны была опечатана. Необычные испытываешь ощущения, видя приклеенную на дверь ленту с печатью. Например, я сразу подумал, что Маргарита Григорьевна здесь больше никогда не появится. Не выйдет из лифта, не подойдет к двери, не повернет в замке ключ. Лента с печатью говорила о многом, и в первую очередь она свидетельствовала о несчастье.

– Я звоню соседям, – сказала Димон.

– Звони.

Соседей дома не оказалось, пришлось спускаться вниз – к старухе, которая ночью слышала шум в квартире актрисы.

Звали бабушку Татьяной Ивановной, ей было лет восемьдесят, и она сразу взяла нас в оборот. А еще говорят, старые люди боятся открывать дверь незнакомцам и тем более впускать их в квартиру. Татьяна Ивановна открыла дверь, не спросив, кто пришел. А едва мы представились и сказали, что хотим поговорить о Маргарите Григорьевна, сразу предложила пройти на кухню.

– Я думала, опять из полиции пришли.

– Часто ходят?

– Участковый раз в три дня заходит.

– А зачем? – удивился Димон.

– Как зачем?! Я общественница! У меня любой жилец как на ладони, – Татьяна Ивановна достала из буфета толстую тетрадь и потрясла ею перед лицом Димона. – Здесь все и про всех.

– Ух ты! – фальшиво-заинтересованно воскликнул я, понимая, что пришли мы по адресу. – Так прямо и про всех?

– А то как же! – Татьяна Ивановна заулыбалась. – Память с возрастом стала подводить, приходится все в тетрадь записывать.

– А про Грушевскую у вас тоже сведения имеются? Старуха сузила хитрые глазки.

– Вы почему Ритой интересуетесь?

«Ага, – подумалось мне, – вот и запоздалый интерес появился. Или не запоздалый? Может, Татьяна

Ивановна специально сразу впустила нас в квартиру, усадила за стол, а теперь собирается выведать информацию, которую впоследствии внесет в тетрадь, чтобы после показать ее следователю. Н-да, а старуха-то не так проста».

– Маргарита Григорьевна – подруга моей бабушки, – сказал я.

– А как бабушку зовут?

Я назвал имя и фамилию.

Татьяна Ивановна вытянула губы трубочкой.

– Диана?! Знаю-знаю... Сериал сейчас с ней смотрю, – внезапно Татьяна Ивановна нахмурила белевые брови и погрозила мне пальцем: – Ведет она себя некрасиво очень в последнее время.

– Разве вы с ней знакомы?

– Говорю же, сериал смотрю. В первых сериях она добродетельная была, Аллочку приютила, помогла на работу устроиться. А как с психиатром этим спелась, так изменилась сильно. За что она Аллочку из дома погнала? Это ведь не Алка, а Валентина письмо Павлу передала. Он, паразит, со второй серии заставил ее шпионить. А бабка твоя Аллочку выгнала.

– Это кино, – с усмешкой сказал Димон.

– В кино жизнь показывают. Ты Диане передай: нельзя так поступать, совестно ей должно быть. И Аллочку пусть вернет. А Вальку поганой метлой гнать из дома надо. Под носом пакостит, зараза, и все ей с рук сходит.

– Я передам, – ответил я, сдерживая смех. – Татьяна Ивановна, мы приехали, чтобы узнать о Грушке. Где она?

– Грушка? Чего не знаю, того не знаю.

– Мы думали, вы в курсе, кто взял болонку.

– Никто ее не брал. Не было собаки в квартире.

– Как не было?

– Так – не было. Когда дверь вскрывали, Сережа... это участковый наш, позвал меня понятой быть. Испугалась я тогда жутко. Плотник дверь вскрывает, а я Сережу за руку держу и думаю, сейчас откроют, а Рита там... мертвая. Слава богу – обошлось.

– А Грушка?

– Когда дверь открывали, я еще удивилась, почему Грушка не тявкает. Обычно она как пасть откроет – не утомонится. А тут тишина. А зашли в квартиру... там пусто. Ни Риты, ни Грушки.

– Это правда, что ночью вы слышали шум?

– Вот те крест! – Татьяна Ивановна перекрестилась и начала листать страницы тетради.

– Сейчас найду. Это не то... Это про Ленку. Про Славку... Про Зиминых...

Мы с Димоном переглянулись.

– По ходу, у нее там досье на весь дом, – прошептал Димон.

– Про Алевтину Павловну, – продолжала бормотать Татьяна Ивановна. – Про Гришу... А-а, вот-вот, нашла. Грушевская. Дело было так. В час двадцать ночи я услышала шаги над головой. Потом в ванной включили воду. Что-то упало.

– В ванной?

– Нет, в большой комнате. Минут пятнадцать по квартире ходили, голосов не слышала, значит, Рита одна дома была. А потом как бабахнет что-то в прихожей, я аж вздрогнула. И сразу тишина.

– Татьяна Ивановна, вы каждый шаг соседей в тетрадь записываете?

– Не каждый, – на полном серьезе ответила старуха. – Здесь, – она опять потрясла тетрадь, – только важные сведения. Как грохот в прихожей услышала, сразу все записала. А как же! Для порядка. Мало ли что... Мне Сережа потом сказал... участковый наш...

– Мы помним.

– Молодец, Ивановна, так держать.

– Ну а Маргариту Григорьевну вы когда последний раз видели?

– В субботу днем и видела. А когда из квартиры ушла – не углядела.

– А Грушку когда последний раз слышали?

Татьяна Ивановна задумалась.

– Вот про Грушку не скажу точно. Привыкла к ее лаю, внимания не обращаю. Но вроде бы последние дни перед исчезновением Риты собака не тявкала. Вроде бы, – повторила Татьяна Ивановна, листая тетрадь, словно надеясь найти в ней ответ и на этот вопрос.

– Ясно, – Димон встал, кивнув мне в сторону коридора. – Ну, мы пойдем.

Татьяна Ивановна тоже встала. В этот момент в клетке громко зачирикал волнистый попугай. Держась лапками и клювом за прутья клетки, он отчаянно просился на свободу.

– Сиди-сиди, – шикнула на него Татьяна Ивановна. – Все равно не выпущу.

– Волнистых попугаев надо из клетки выпускать, – сказал Димон. – Им летать необходимо.

– Боюсь выпускать. Непривычно ему здесь, как потом обратно в клетку заманивать. Залетит

в какой-нибудь угол... Нет, пусть сидит. Это у Риты он по всей квартире летал, а я опасаюсь.

– У Риты?

– У Грушевой. Ее это попугай.

– Вы его из квартиры взяли, когда вас понятой пригласили?

– Не брала я его. Месяц назад Рита сама Ромку подарила. Вместе с клеткой. Встретились с ней на улице, разговорились, она и спросила, не возьму ли я попугайчика в дар? У Риты съемки, дома редко бывать стала, а попугай к общению привык. А я с радостью. С ним и правда веселей. Сидит, чирикает, песни поет. И корма мне Рита в килограммовой упаковке купила. Надолго теперь хватит.

На первом этаже Димон остановился возле почтовых ящиков.

– Глебыч, не все здесь гладко.

– Животных имеешь в виду?

– Во-первых, где Грушка? Не могла же Маргарита взять собаку с собой.

– Почему не могла?

– А смысл?

– Мы не знаем, где она. Но возможно, Грушка с ней.

– Исчезли и собака, и хозяйка?

– Исчезли ли, вот в чем вопрос.

– Не понял.

– Зачем она отдала соседке попугая?

– Одиноко ему было.

– Бред.

– А по-твоему, зачем?

– Как вариант – чтобы избавить себя от лишних хлопот. Попугай в хороших руках, Грушка ручная собачонка, ее можно взять и...

– Смыться?

– А хоть бы и так.

– Зачем Грушевской скрываться, Глебыч?

Я спустился по лестнице.

– Это я так, к слову. Согласись, мутноватое дельце.

– Само собой.

– Ладно, пошли.

– Не торопись.

– Ты чего, Димон?

– Какой номер квартиры у Грушевской?

– Сто восемьдесят шесть.

Димон подошел к почтовым ящикам.

– Сто восемьдесят шесть. В ящике много почты.

– Забей, это рекламные листовки.

– Ты уверен, что там одна реклама?

– Нет.

– И я не уверен. Глебыч, сейчас мы с тобой проверим почту Маргариты. Постой на шухере.

– Чем ты собираешься открывать ящик?

– Своим ключом.

– Он не подойдет.

– А мне и не надо, чтобы он подходил. Замки здесь фиговые. Глебыч, выйди на крыльцо, если кто пойдет – свистни.

Я прождал не больше трех минут. Димон вышел из подъезда, держа в руке пачку цветных листовок.

– Порядок. Давай отойдем подальше.

– Я же говорил, одна реклама.

– Не совсем, – Димон перебирал бумажки, цокая языком. – Стоматология, замена радиаторов, пластиковые окна, металлические двери... О, Глебыч! Счет за квартплату.

– Надо обратно отнести.

– На фи́га? Грушевской все равно нет.

– Димон...

– Да ладно тебе. Еще пришлют. Смотри, здесь конверт с письмецом.

– От кого?

– Из оптики. Погодь, сейчас открою.

В письме сообщалось, что Маргарите Григорьевне как постоянной клиентке салона оптики на ближайшие три недели дается пятнадцатипроцентная скидка на все товары.

– Вряд ли она ей понадобится, – сказал Димон, швырнув и письмо, и конверт в урну. – Сомневаюсь, что Грушевскую сейчас интересуют новогодние скидки.

ГЛАВА 17

ПОЙМАТЬ НА ЛЖИ

В два часа ночи неожиданно зазвонил мобильный телефон. Вскочив с кровати, я бросился к компьютерному столу, соображая, кто и зачем может звонить в такой час.

– Глеб, – раздался громкий шепот.

– Кто это?

– Люся.

– Люська?!

– Глеб, мне нужна твоя помощь.

– Что с тобой? Ты где?!

– В ванной комнате.

Меня взяла злость.

– Это твоя очередная дебильная шутка?

– Глеб, пожалуйста, подойди к ванной. Мне страшно.

Отсоединившись, я надел шлепки и вышел в коридор. Здесь горел свет, как в прихожей, на кухне и, собственно, в ванной комнате.

– Открывай, – я постучал костяшками пальцев.

В ответ тишина.

– Люсь, ты здесь?

– Кто говорит? – слышалось из-за двери.

– Я сейчас уйду.

– Глеб, это ты?

– Нет, блин, Дед Мороз пришел. Выходи, будем елочку наряжать.

– Глеб...

– Ну что?! Открывай!

– Помнишь, мы были на днюхе у Аньки Власовой?

– Помню.

– К ней еще брат из Липецка приезжал.

– Помню я, помню.

– Как брата звали?

– Вроде Степан.

– Да, – ответила Люська. – Степан.

Щелкнул замок, дверь медленно приоткрылась, Люська боязливо уставилась на меня.

– Глеб, это действительно ты.

– Не знаю, что ты задумала, но мне это не нравится.

– Глеб, у меня в комнате кто-то есть.

– В смысле?

– Ну... под кроватью.

– Перестань!

– Я слышала шорохи и голоса.

– Хватит!

– Слышала, – повторила Люська, выйдя из ванной. – Сходи посмотри.

Полагая, что Люська придушивается, я отмахнулся и пошел к себе, но на полпути она меня нагнала, оттолкнула в сторону, пулей забежав в мою комнату.

– Ты совсем уже, что ли?

– Иди посмотри. Я не шучу. Голоса и шорохи доносились из-под кровати, – Люська чуть не плакала, ее губы дрожали, а взгляд был настолько испуганным и растерянным, что я отбросил всякие мысли о розыгрыше.

Стало страшно. Я решил, что Люська сошла с ума.

– Люсь.

– Что?

– Ты можешь успокоиться?

– Могу.

– Тогда сядь и расскажи подробно, что с тобой произошло?

– Я писала...

– Так. Хорошо.

– Уже планировала закругляться, как вдруг...

– Что?

– Под кроватью зашуршали. И сразу голоса... Глеб, я чуть не умерла от страха.

– Поэтому ты в ванную ломанулась? Понятно.

– Слушай, кончай разговаривать со мной, как с идиоткой. Я не сдвинулась. Это гномы-мутанты!

Точно, свихнулась Люська.

– Что за гномы?

– Я как раз о них писала. Ночью они напали на маленькую деревушку и...

– Подожди. Ты пишешь любовный роман, какие могут быть гномы-мутанты?

– Любовный роман – полная хрень. Кому они сейчас нужны? Со вчерашнего дня я начала писать роман в жанре хоррор.

– Офигеть! Теперь ты до ужасов добралась.

– Глеб, это реально моя тема.

– Я вижу. Ты каждый раз после того, как напишешь пару абзацев, будешь в ванной прятаться?

– Не смешно. Голоса были...

– Померещилось.

– Нет.

– Ладно, пошли проверим.

- Давай на кухне нож возьмем?
- Думаешь, будет махач с гномами?
- Замолчи.

Но я уже не мог остановиться. Было смешно до колик: писала-писала – и дописалась до глюков.

В ее комнате я первым делом встал на колени и заглянул под кровать.

- Ну? Глеб, что там?
- Ничего себе! – воскликнул я.
- Люська выскочила в коридор.
- Что?! Что, говори!
- Да тут полно гномов. Неси тесак!
- Идиот! Ты же видишь, я вся на нервах.
- Не пиши ужастики, и с нервами будет порядок, – я встал. – Под кроватью никого нет.

– А в шкафу?

Я открыл шкаф.

- И здесь пусто. Могу посмотреть за занавеской.
- Посмотри.
- Чисто, Люсь.
- Все равно я не смогу здесь спать.
- Ложись в гостиной.
- Нет. Там тоже страшно.
- Тогда иди к Диане. Скажи ей, что у тебя в комнате гномы, она завтра же утром определит тебя в отдельную палату.
- Я у тебя в комнате лягу.
- С какой стати?
- С такой! Брат ты мне или не брат?
- И где ты ляжешь?
- На кровати.
- А я?

– У тебя кресло раздвигается. Глеб, я в самом деле здесь не засну.

– Уговорила. Бери постельное белье. Но учти, это на одну ночь.

– Да, да, – кивала Люська. – Завтра я приду в норму.

Минут через двадцать, когда Люська лежала на моем законном месте, натянув одеяло до самого подбородка, я выключил свет и в темноте дошел до разобранного кресла. По дороге споткнулся о ножку стула.

– Черт!

– Что за стук, Глеб?

– Успокойся, я ударился.

– Зачем ты шторы задвинул? Темно очень.

– Люблю спать в темноте.

– Открой, иначе я не засну.

Я отодвинул шторы, в комнату сразу проник слабый лунный свет.

– Намного лучше, – прошептала Люська.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Глеб, а входная дверь закрыта?

– Да.

– Ты уверен?

– Уверен. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Глеб, а на цепочку она закрыта?

– Если ты ее не открывала, то закрыта.

– Я не открывала.

– Люсь, я спать хочу.

– Ну так спи, кто тебе мешает.

– Ты мешаешь!

– Слова больше не скажу.

– Хочется верить. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – буркнула Люська.

Прошло две минуты.

– Глеб.

– Что?

– По-моему, по коридору кто-то ходит.

– Не начинай.

Через пять минут Люська присела на кровати.

– Ну ходит же кто-то! Неужели не слышишь?

– Это Диана.

– Нет. Глеб, выйди посмотри.

– Еще слово – и ты вылетишь из моей комнаты.

– Глеб...

– Спи!

Люська ворочалась на кровати минут двадцать. При этом бубнила не переставая. Разумеется, под ее болтовню и возню заснуть я не мог. Просто лежал и ждал, когда она утомится и наконец уснет.

Сам я смог уснуть в начале четвертого, а уже без четверти пять Люська толкала меня в бок.

– Глеб, проснись! Кто-то открывает дверь. А-а-а!

Завизжав, Люська с ногами запрыгнула на кровать.

Дверь распахнулась, секунду спустя в комнате вспыхнул свет.

– Люсьена, – на пороге стояла перепуганная Диана. – Ты почему кричишь?

– А ты почему меня пугаешь?

– Я?

– Ты! Зачем подошла к двери и начала медленно опускать ручку?

– Господи, не собиралась я тебя пугать. Встала попить, смотрю, в коридоре горит свет, твоя комната нараспашку, тебя там нет. И в гостиной нет, и на кухне,

решила посмотреть в комнате Глеба. Что мне сюда, с шумом врыватьея прикажешь?

Я посмотрел на Люську.

– Поняла?

– Поняла, – виновато всхлипнула Люська.

– И все-таки, Люсьена, почему ты спишь здесь?

– Боюсь.

– Кого?!

– Да так...

– Кошмар ей приснился, – быстро сказал я. – На одну ночь я уступил ей свою кровать.

– С вами не соскучишься.

– Это точно.

– Глеб, извини, – сказала Люська, когда мы остались одни и я выключил свет.

– Проехали.

– Смешно получилось.

– Очень. Только ты почему-то не смеялась, а орала как резаная.

– Так испугалась.

– Теперь, надеюсь, ты уснешь?

– Угу.

– Спокойной ночи. Имей в виду, говорю тебе это в последний раз.

– Спокойной ночи. Спи, больше я тебя не побеспокою.

Через минуту Люська вдруг расхохоталась.

– Я на самом деле думала, что гномы дверь открывают. Обалдеть! Завтра Димке с Алиской расскажу. Поржем вместе!

Узнав, что мы с Алисой помирились, Светка назвала меня предателем и убежала с уроков. А в чем я виноват? Мы же не клялись друг другу в любви и не называли себя парой. Ходили в пиццерию, в кино, гуляли вместе, но никаких намеков на переход наших дружеских отношений на другой виток с моей стороны не было. Светка прекрасно знала, что я люблю Алису, мне казалось, она понимает, что наша размолвка носит временный характер. А в итоге я оказался предателем.

Дождавшись окончания последнего урока, я зашел домой, наспех пообедал и пошел к Светке. Надо поговорить без эмоций, объяснить, расставить все точки над «і», ну и, раз я предатель, попросить прощения.

Светкина бабушка сказала, что та прямо перед моим приходом убежала к Марине.

...Маринка открыла мне дверь и сразу заулыбалась.

– Светку ищешь?

– Мне сказали, она у тебя.

– У меня, но вряд ли она захочет с тобой разговаривать.

– А ты спроси.

– Ладно, заходи. Иди пока в мою комнату, Светка на кухне, я с ней поговорю.

Первое, что бросилось в глаза, когда я зашел в комнату, были рамки с фотками Маринки. Как и Светка, она повесила их на самое видное место. Рамок было шесть, седьмая стояла на комоде рядом с красивым цветочным горшком, в котором почему-то ничего не росло.

Марина появилась в комнате минут пять спустя.

– Глеб, она не хочет разговаривать.

– Значит, не судьба. В другой раз поговорим. Красивые фотки, Марин.

– У Светки лучше. Меня ракурс подкачал. Следующая фотосессия будет круче. Я опять билеты лотерейные купила, вдруг снова повезет.

– Подожди, разве ты выиграла в лотерею?

– Да. Двенадцать тысяч. А ты думал, мне родители деньги на фотосессию дали? Дождешься от них.

– А Светка?

– Светка полгода деньги копила, откладывала карманные. Я так не могу. Я такая транжира.

– Позови ее.

– Глеб, я же сказала, она не хочет с тобой разговаривать.

– Зато я хочу, – я прошел на кухню.

Светка сразу отвернулась к окну.

– Зачем пришел?

– Поговорить.

– Не о чем говорить. Беги к своей драгоценной Алисе.

– Придется поговорить. Только уже не о нас, а о вас, девчонки.

Марина подняла брови.

– О нас?

– О вашей фотосессии. Откуда ты взяла деньги? – спросил я Светку.

– Я тебе говорила – выиграла в лотерею.

Маринка скривила лицо.

– Свет! – вскрикнула она.

Но было поздно.

– Марин, помолчи, – я вплотную подошел к Светке. – А Маринка где взяла деньги?

– Ей сестра дала...

– Дура! – простонала Маринка, облокотившись о подоконник.

– Я дура?!

– Обе дуры, – Маринка отвернулась.

– Да в чем дело? – недоумевала Светка. – Марин!

– Да отвяжись ты!

– Ты мне соврала, сказав про лотерейный билет.

А сегодня соврала Маринка. Оказывается, не было никакой сестры, а деньги она выиграла в лотерею. Две-надцать тысяч, да, Марин?

Маринка молчала.

– А ты полгода деньги карманные копила. Ну девчонки, вы что, не могли заранее сговориться?

Светка взяла меня за руку.

– Глеб, все не так, как ты думаешь.

– Откуда ты знаешь, о чем я думаю?

– Просто мы... я... Марин, скажи что-нибудь.

– Я не знаю, что говорить, – огрызнулась Маринка.

– Глеб, это неправда, – Светка заплакала.

– Поздно, – прошептала Маринка. – Он не дурак, Свет. Он все понял. Глеб, ты ведь все понял?

Я кивнул.

– Думаю, да.

Светка продолжала реветь.

– Я не хотела... мы не хотели... так получилось...

Марина попросила, чтобы я сел.

– Выслушай меня. Только обещай, что не будешь перебивать.

Я пообещал.

– Короче, – начала Маринка. – Прозвенел звонок на перемену...

ГЛАВА 18

ДОВЕДЕННАЯ ДО ОТЧАЯНИЯ

Второй день Марина со Светкой не ходят в школу, второй день я пытаюсь найти ответ на вопрос — что делать? Ни Димону, ни Алиске, ни кому-либо еще о признаниях девчонок я не рассказал. Пообещал молчать. А чего молчать, ведь рано или поздно придется сказать правду. Какой смысл? Но девчонки попросили о временной форе, и мы договорились, что до конца зимних каникул никто не узнает правду.

...Сегодня в школе сумасшедший день. Утром приезжали какие-то проверяющие из округа (что именно они проверяли, я не знаю), но Штангенциркуль их визитом осталась недовольна. После пятого урока почему-то решили провести педсовет. Это было странно.

С шестого урока нас отпустили, и, прежде чем спуститься вниз, я зарулил в учительскую положить журнал. В дверях столкнулся с Ниной Владимировной.

— Глеб, передай ребятам, что завтра вместо литературы у вас будет алгебра.

— Только не это.

— Так получилось, меня не будет в школе.

— Ладно, передам.

Нина Владимировна вернулась к столу, открыла сумочку и протянула мне деньги.

- Две тысячи, Глеб. Извини, что с опозданием.
- Не надо денег, Нина Владимировна.
- Как не надо? Ты что?! Немедленно возьми.

Положив деньги в карман, я хотел выйти, но в этот момент в учительской после робкого стука появилась бабушка Сони Анастасия Алексеевна.

Яковлева третий день пропускала уроки, и Нина Владимировна первым делом спросила, что с Соней.

– Простыла. Температуры уже нет, но еще покашливает. Нина Владимировна, я зачем пришла, Соня попросила взять домашнее задание.

– Господи, Анастасия Алексеевна, ну какое задание? Пусть выздоравливает.

- И я ей о том же говорю. Упрямится. Иди и все тут.
- Глеб, зайди к Соне, оставь задания.
- Без проблем.

Нина Владимировна достала из сумочки деньги.

- Анастасия Алексеевна, возвращаю две тысячи.
- Кому?

– Вам. Поездка не состоится. Увы.

– Нина Владимировна...

В учительскую вбежала школьный секретарь:

– Нин, ты еще здесь? Ждут только тебя.

– Бегу, – вложив в руку растерянной Анастасии Алексеевны две тысячные купюры, Нина Владимировна спешно вышла из учительской.

– Глеб, ты можешь мне разъяснить, что это за деньги?

– Мы никуда не едем. Вы же в курсе, что у Нины украли деньги?

– У какой Нины?

Блин, до бабки не доходит с первого раза.

– У Нины Владимировны.

– Как украли?!

– Соня вам не рассказывала?

– Нет. А кто и куда должен был ехать?

Во даст. С памятью у нее, что ли, проблемы?

– На каникулах – в зимний лагерь.

Анастасия Алексеевна достала из кармана носовой платок и поднесла его ко лбу.

– И Сонечка с вами хотела поехать?

– Конечно.

– Ничего не понимаю.

– А чего здесь понимать, всем классом хотели отдохнуть в Подмосковье.

– Но деньги, Глеб... Сонечка ведь не сдавала деньги.

– Сдавала.

– Мне она ничего не сказала.

– Вообще?

– Ни словом не обмолвилась. На Сонечку это совсем не похоже, обычно она рассказывает все. Правда, последнее время она замкнулась в себе, молчит, иногда плачет на ровном месте. Я даже к Кларе Степановне приходила, посоветоваться хотела.

– Получается, это Сонины деньги? – Анастасия Алексеевна смотрела на меня, словно я был пророком, а она истово нуждалась в дельном совете.

– Конечно, Сонины.

– Откуда же она их взяла?

Меня начал напрягать этот разговор, поэтому я предложил пойти домой. Чем скорее принесу Соньке домашнее задание, тем скорее увижусь с Алисой.

Анастасия Алексеевна продолжала сокрушаться, а я, когда мы уже практически подошли к подъезду, внезапно все понял.

Перед тем как зайти в квартиру я попросил:

– Анастасия Алексеевна, вы не станете возражать, если деньги Соне передам я?

Она удивилась, но все-таки открыла кошелек, вручив мне две тысячи.

– Но я непременно желаю знать, откуда Сонечка взяла деньги.

– Она обязательно вам об этом расскажет, но только после моего ухода.

Анастасия Алексеевна открыла дверь.

– Проходи, Глеб.

Раздевшись, я толкнул дверь Сонькиной комнаты. Соня сидела на кровати в пижаме, читала книгу.

– Глеб?!

– Привет.

– Приветик.

– Не ожидала меня увидеть?

– Вообще-то нет.

– Сюрприз удался.

– А ты зачем пришел, Глеб?

– Глупый вопрос. Ты болеешь, заскочил навестить.

– Врешь. Откуда узнал, что я простыла?

– От Анастасии Алексеевны. Не стыдно бабушку в школу гонять?

– Мне задания домашние нужны.

– Могла бы кому-нибудь позвонить.

– Интересно, кому?

– Хотя бы мне.

– Так бы ты и пришел.

– Но я же здесь.

Сонька засмеялась и встала с кровати.

– Раз пришел, надо угостить тебя чаем с пирогом.

– Не, Сонь, я не хочу есть.

– Глеб, ты не знаешь, от чего отказываешься. Бабуля испекла свой фирменный пирог с абрикосовым вареньем. Ты ел когда-нибудь такой пирог?

– С абрикосовым вареньем? Н-нет, не припомню.

– Тогда пошли.

– Сонь, чай подождет. Я тут занес тебе кое-чего... – протягивая Соне деньги, я наблюдал за ее реакцией.

– Деньги? Мне?

– Нина Владимировна передала твоей бабушке две тысячи.

Соня побледнела и покачнулась.

– Что с тобой?

– Как бабушке?

– Так. Они в учительской встретились.

– И бабуля знает, что это за деньги?

– Мне пришлось ей рассказать. Она очень удивилась, и я, кстати, тоже удивился, почему ты ничего не говорила о поездке в лагерь.

Сонька смотрела на меня глазами, полными ужаса.

– Бабуля, – прошептала она, сев на край кровати.

– Сонь...

– Я очень боялась, что она узнает. Очень, Глеб.

– Сонь, скажи мне правду.

– Какую правду?

– У тебя были деньги на поездку в зимний лагерь?

– Ну... да, были.... А почему ты спрашиваешь?

– Твои личные деньги?

– Глеб, я не понимаю...

– Ответь.

– У меня нет личных денег. Мы живем на пенсию бабули и дедушки.

– Значит, ты взяла деньги у них? Почему тогда им ничего не сказала?

– Забыла.

– Сонь, перестань, пожалуйста. Мы должны были ехать в лагерь, об этом нельзя забыть. А своим домашним ты ничего не сказала, потому что и не собиралась никуда ехать.

Соня посмотрела на меня и неожиданно бойко спросила:

– Расскажешь всем?

– Я тебе не враг, но хочу узнать правду.

– Глеб, ты не сможешь меня понять. Никогда!

– Смогу.

– Ты не знаешь, что такое жить и постоянно считать копейки. Ты вырос в другой среде, а я... Отец нас бросил, когда мне было три года, мать пять лет назад уехала в неизвестном направлении.

– Неужели она даже не звонит?

– Последний раз звонила весной. Сказала, что жива, здорова, передавала мне привет и даже не попросила бабулю позвать к телефону. Глеб, мы живем бедно. Дедушка болеет, лекарства стоят дорого, приходится отказывать себе во всем. Я не жалуюсь, просто говорю правду. Ты же хотел ее услышать. Когда было решено ехать, я обрадовалась. А когда выяснилось, что необходимо заплатить по две тысячи... – Соня усмехнулась. – Две тысячи рублей – смешные деньги. Витька Комаров их вообще за деньги не считает. Я помню, как в прошлом году перед Новым годом он купил на пять тысяч разных петард и фейерверков.

– Почему ты не обратилась за помощью?

– К кому, Глеб?

– Могла бы сказать мне.

– И ты бы кинул мне с барского плеча две тысячи?
Как подачку нищенке.

– Сонь...

– Не хотела я ни к кому обращаться. В классе меня не любят. Но и отказаться от поездки не могла. Меня бы тогда окончательно затюкали, Комаров первый бы начал орать, что я не еду, потому что у меня нет денег.

– И ты взяла деньги у бабушки.

– Да. Была мысль поговорить с ней, но... Бабуля, конечно же, дала бы деньги, только я знаю, какую брешь в нашем бюджете пробила бы эта поездка. Деньги я взяла тайком, заплатила одна из последних. Бабуле о поездке собиралась сказать ближе к каникулам, когда планировала заработать деньги и положить их на место. Я уже и место нашла, помогать на рынке торговать фруктами. Собиралась пару недель «поболеть», чтобы эти несчастные две тысячи заработать. Вернула бы их в шкатулку и сказала бабуле о поездке в зимний лагерь, которую полностью оплатили спонсоры. Такой у меня был план, Глеб.

– Что изменилось?

– В тот день я зашла в учительскую, столкнувшись в дверях с Маринкой. Довольная Нина Владимировна пересчитывала деньги. Улыбаясь, она сказала мне, что по ее вине наша поездка едва не отменилась, вышла путаница с деньгами. Нина сроки перепутала, но вроде бы договорилась и передаст деньги сегодня вечером. В тот момент меня и переклинило. Я думала, она уже сдала деньги, а получалось – нет. Я видела, как Нина

Владимировна положила деньги в конверт, потом мы вместе вышли из учительской, зашли в класс и она... — Соня сглотнула. — Понимаешь, она вдруг достала из сумочки конверт и почему-то положила его в ящик стола. Зачем? Непонятно! Но она это сделала. И я увидела в ее поступке знак. На перемене подошла к столу, выдвинула ящик, незаметно взяла конверт.

— Никогда бы не подумал на тебя.

— Я была в отчаянии, сама себя не узнавала. Боялась страшно, ноги подкашивались. Потом я выскочила из класса, побежала на первый этаж.

— Зачем?

— Я не собиралась оставлять деньги себе. Клянусь! Я только хотела, чтобы Нина пропустила сроки, и поездка бы сорвалась. Через пару-тройку дней я планировала вернуть ее конверт с деньгами. Только держать его дома побоялась и в сумочку класть не решилась. Спустилась на первый этаж, зашла под лестницу и спрятала конверт в щель между полом и перевернутой партой.

— Ты его открывала?

— Да. Уже под лестницей. Мне так хотелось быстрее положить в шкатулку эти две тысячи, что я решила взять их немедленно.

— Неразумно.

— Знаю. Но в тот момент я думала иначе. Правда, быстро поняла, что, если через три дня верну конверт, где будет тридцать восемь тысяч, Нина может заподозрить, что кто-то взял свои деньги. Во всяком случае, мне так казалось. И я хватанула наугад. Получилось восемь тысяч. Тридцать две остались в конверте под партой, восемь у меня в кармане. Дома первым делом вернула деньги бабуле.

– А шесть тысяч?

Сонька заплакала.

– Если доложить шесть, получится тридцать восемь. Мне так и мерещилось, что Нина, обнаружив конверт, сразу поймет, что две тысячи взяла Яковлева.

– Бред.

– Этот кошмар мне до сих пор снится.

– Ты хотела вернуть только тридцать две тысячи?

Сонька кивнула.

– Иначе я боялась, что меня вычислят. Но потом, Глеб, потом... как-нибудь я бы обязательно вернула Нине недостающие восемь тысяч. Шесть лежат нетронутые, – Соня кивнула на свой стол. – Две я бы заработала и, выждав время – месяца два-три, подбросила бы их Нине. Я несую такую околесицу, но я в самом деле считала, что это мой единственный выход.

– Что было потом?

– Потом началось самое ужасное. Мне мерещилось, что конверт обнаружат, и утром я зашла под лестницу, сунула руку в щель между полом и партой, а там...

– Конверт пропал.

– Да! – закричала Сонька, размазывая по лицу слезы. – Его там не было! Глеб, я с ума сходила. Деньги исчезли, теперь я должна была вернуть Нине сорок тысяч. Сорок! Я себя ненавидела за этот поступок. Я воровка. Настоящая воровка! Я...

– Деньги нашли наши Светка с Маринкой.

– Как?!

– Под партой они прятали пачку сигарет и зажигалку. Иногда девчонки там курили. В тот день вместе с пачкой сигарет они вытащили из-под парты конверт с деньгами.

– И что они сделали?

Я хмыкнул.

– Поделили деньги и начали их тратить. По двенадцать тысяч заплатили за фотосессию.

– Но они ведь догадались, что это за деньги?

– Наверняка догадались, хотя и уверяют, что не знали. Мол, у Нины пропал конверт с сорока тысячами, а они нашли конверт, где всего тридцать две тысячи. То есть совсем другой конверт.

– Ты им веришь?

– Нет.

– Глеб, что делать? Скажи, меня отправят в колонию за кражу сорока тысяч? Меня будут судить?

Я молчал.

– Завтра же все расскажу Кларе Степановне и Нине Владимировне. Не могу больше, сил нет... Я стала комком нервов. Я все расскажу... все... И меня будут судить, – Сонька закрыла лицо ладонями и разрыдалась в голос.

– Значит, так, – сказал я, встав со стула. – Завтра после седьмого урока проведем внеочередной классный час. Соберутся только наши одноклассники. Ты тоже приходи.

– Лучше сразу к Кларе Степановне...

– Забудь пока и про Клару, и про Нину. Соберемся, обмозгуем, решим.

– Глеб...

– И не возражай. Все, я сваливаю. Выздоровливай. В дверях Соня тихо сказала:

-- Ты так и не попил чая с пирогом.

– Встречаемся завтра после седьмого урока, – повторил я и вышел.

ГЛАВА 19

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА...

На признания Сони, Марины и Светы ребята отреагировали по-разному. Одни, в числе которых Надя, Катя и Стасон, были возмущены поступком девчонок, другие повели себя более сдержанно. Витька Комаров, как обычно, дурачился, пытаясь все перевести в шутку.

– Сонька – рецидивистка. А как под пай-девочку маскировалась. Слушай, Сонь, и часто ты такие делишки проворачиваешь?

– Следи за языком, – предупредил Витьку Димон.

– Слыхали? – начал возмущаться Комар. – Меня же еще и обвиняют.

– Ребят, – я в который раз попытался призвать всех к порядку. – Давайте искать выход из ситуации.

– Выход, – хмыкнула Катя. – Ты так говоришь, Глеб, как будто произошла какая-нибудь мелочевка.

– Он девчонок выгораживает, – сказал Стас.

– Я никого не выгораживаю. Поэтому и предложил собраться здесь, чтобы всем классом найти решение.

– Но ты их оправдываешь, – настаивала Катя.

– Нет.

– Да!

– По-твоему, я должен накинуться на девчонок, связать их по рукам и ногам и сдать полиции?

– Глеб, ты предлагаешь искать выход, – Надя нервничала и старалась ни на кого не смотреть. – Тем самым хочешь навязать свою точку зрения. В глубине души ты оправдываешь поступок девочек.

– Да нет же.

– Или по крайней мере относишься к этому, как...

– К мелочевке, – повторила Катя.

– А выход один, – продолжила Надя. – Пойти к Нине Владимировне и рассказать правду.

Соня посмотрела на меня и прошептала:

– Я же говорила тебе, Глеб.

– Сразу надо было к Нине идти, – подхватил Стас. – А мы зачем-то в классе собрались.

– Я хотел, чтобы каждый высказал свое мнение.

– Мнения разделились, – Катя встала и посмотрела по сторонам. – Лично мне неприятно, что в моем классе учатся воровки.

– Мы не воровки! – выкрикнула Марина.

– Да? А кто тогда вы?

– Говорю тебе, деньги мы нашли под лестницей. Мы не вытаскивали конверт из стола Нины.

– Нашли под лестницей в день кражи.

– И что? Мы не знали, что это те самые деньги.

– Конечно не знали!

– Не знали, – нараспев произнес Витька. – И даже не догадывались. А хотите прикольный анекдот?

– Комаров, не мешай.

– Зря отказываетесь, анекдот – улет. Про бабу, которая летела в самолете и...

Катя подошла к Витьке, отвесив ему подзатыльник.

– Руки распускаешь?

– По-другому ты не понимаешь.

– Марин, ты сама себе веришь? – Надя повернулась к Маринке и, теребя в руках карандаш, продолжила: – Не понимаю, почему надо упорно продолжать врать? Даже сейчас, когда выяснилась правда, почему нельзя признать свою вину?

– В чем мы должны признаться?

– В том, что взяли конверт с деньгами, прекрасно осознавая, кому он принадлежит.

– Я не знала, – твердо ответила Марина.

– И я, – пискнула Света. – Догадывалась, но... Но не была уверена.

– Детский сад, – раздраженно ответил Стасон.

– Вы все забываете главное, – подала голос Зоя. – Девчонки не только присвоили себе деньги, они и потратили их неразумно. Отдать двенадцать тысяч за каких-то семь фотографий. С ума сойти! Как можно быть такими легкомысленными?

– Тебе не понять, – огрызнулась Светка.

– Я вас не осуждаю, – Зоя пожала плечами. – Мне просто вас жалко. Вы совершили подлый поступок, здесь я согласна со словами Клары Степановны.

– Не мы взяли деньги у Нины, – Марина кивнула на Соню. – Она их стащила! Но почему-то во всем обвиняют нас со Светкой. А Сонька вся такая из себя белая и пушистая.

– Не пушистая, – сказал Димон. – Соня виновата не меньше вашего. Но у нее... как бы это сказать... Когда брали деньги, вы действовали из разных побуждений. Сонька из-за отчаяния, вы из корыстных целей.

– Слышала, Марин? Сонька, оказывается, отчаялась, и поэтому стянула у Нины деньги. Она чуть ли не героиня, а мы корыстные воровки.

– Не перевирай мои слова. Виноваты все, но вы в большей степени. Почему? Потому что Сонька планировала вернуть Нине деньги, а вы начали их тратить.

Соня встала, повернулась лицом к классу и, постоянно сглатывая, заговорила:

– Я не буду оправдываться, знаю, что кругом виновата. Конечно, моя вина намного больше, чем вина Светы с Мариной. Ведь это я положила начало этому безумию, я взяла деньги, я спрятала их под лестницей.

– А с каким видом обвиняла в воровстве других, – вспомнил Витька.

– Точно, – поддержал его Стасон. – Как прокурор.

– Я виновата, – повторила Соня. – И готова ответить за воровство.

– Как трогательно, я сейчас заплачу.

– Кать.

– Что Кать, Дим? Если она признает свою вину, пусть идет к Штангенциркулю с повинной.

– Пусть втроем идут, – сказала Надя.

– Я готова идти.

– Сонь, подожди.

– А чего ждать, Глеб? Ты сам все видишь.

– Ребят, может, не будем горячиться? Да, девчонки виноваты, но давайте дадим им шанс.

– Какой шанс?

– Предлагаешь простить их на первый раз?

– Не простить, а понять. Я понимаю Соню, почему она решилась на этот шаг.

– На Соньку я почему-то не сержусь, – призналась Надя. – Я готова ее простить, но тогда придется прощать и Марину со Светкой. А их поступок, извини, Глеб, мне неприятен.

– Вам не кажется, что нам пора расходиться?

– Комар, если не терпится уйти – скатертью дорога.

– Нам всем пора. Ладно, не хотел говорить, но скажу. История фиговая, здесь без вопросов. И косяки у девчонок нехилые. Сонька начала, Маринка со Светкой продолжили. Но почему мы их судим? Мы кто, судьи? Я не знаю, например, как повел бы себя Стасон или Катька, обнаружив под лестницей деньги.

– Комар, не борзей.

– Заткнись, Стасон! Забыл, как пару лет назад деньги из раздевалки тырил, пока тебя охранник не поймал?

– Придурок! Это когда было. Не два года назад, а в четвертом классе. По глупости.

– Ты, значит, мог по глупости деньги из карманов тырить, а девчонки не могли оступиться?

– Комара вообще слушать не надо.

– Не слушай, – набросился Витька на Катю. – А сказал я, что думаю. Мое мнение – девчонок простить, никому ничего не говорить, а сорок тысяч, которые Нина заплатила нам из своего кармана, вернуть.

– Каким образом?

– Любым.

– И откуда мы их возьмем?

– Тебе Нина вернула деньги?

– Ну!

– Вот мы всем классом скинемся по две тысячи и отдадим ей ее кровные.

– А может, все-таки девчонки должны втроем скинуться и вернуть Нине деньги? Так будет честнее и справедливей. Они взяли – они вернули. А то получается, они нас грабнули, а теперь мы за них же должны еще и Нине деньги возвращать.

– У меня нет столько денег, – сказала Соня. – Только шесть тысяч из конверта.

– Шесть – уже неплохо, – засмеялся Витька. – Шесть намного лучше, чем ничего.

– У меня осталось две тысячи, – Марина толкнула Светку в плечо. – А у тебя сколько?

– Тоже две.

– Уже десять, – Комар хлопнул в ладоши. – Осталось тридцаточку собрать. Две тысячи принесу.

– Я тоже принесу.

– И я.

– Да, надо принести, – говорили ребята.

– А я не согласна и деньги приносить не собираюсь.

Катку поддержали Зоя, Стасон, Тамара и Пашка.

– Отлично, – Витька и не думал унывать. – Пять человек отказываются. А пять человек – это десять тысяч. Но у нас уже есть десятка. Все путем.

– Как у тебя все просто, – не могла успокоиться Катя. – Собрать деньги, подбросить Нине и забыть.

– А ты не забывай, ты помни до старости. А когда начнется маразм, запиши и носи его с собой.

– Я серьезно. Почему я должна покрывать воровок?

– Кать, если совесть не позволяет, иди прямо сейчас к Кларе. Тебя никто не удерживает. И Стасон может пойти с тобой. Кто еще? Пашка, Зоя, Тамара. Идите.

– Я не стукач, – буркнул Стас.

– Никуда я не пойду, – отмахнулась Зоя.

– А мне что, больше всех надо? – зевнула Тамара. Неожиданно Светка с Мариной вышли к доске.

– Простите нас. Честно! И мы вернем вам деньги. Тридцать две тысячи. Обязательно вернем.

Катка надула щеки.

– С этого и надо было начинать. А то «мы не знали», «не догадывались»... Блин, девчонки, как маленькие.

– Так что мы решаем?

– Собираем деньги, отдаем Нине.

– А с девчонками как поступим?

– Они все осознали. На первый раз прощаем.

– Кать, что скажешь? – спросил я.

– Собираем, отдаем, прощаем. Подписываюсь.

– На всякий случай предлагаю проголосовать.

Я подсчитал голоса.

– Единогласно.

– Дело закрыто, – провозгласил Витька. – Девчонки берем на поруки и после Нового года начинаем усиленно перевоспитывать.

– Ага, ты точно перевоспитаешь.

– А что? Из меня неплохой воспитатель получится.

– Витька, тебе бы в цирке выступать.

– Давай в паре выступать?

– Сейчас договоришься.

– Это значит, ты согласна? Тогда предлагаю подумать над сценическими псевдонимами.

Классный час закончился.

– До каникул всего ничего, а у моих оценки... – Нина Владимировна просматривала журнал, сидя за столом в учительской. – У Комарова две двойки в четверти выходит: по физике и химии.

– Я ему и по черчению два поставлю, – сказала Клара Степановна.

– Не знаю, что с ним делать. Родителей в школу вызывала, – Нина Владимировна чихнула.

– Будьте здоровы.

– Парень способный, – Нина Владимировна чихнула.

– Они способные до поры до времени. Мое мнение...

Чихнув третий раз, Нина Владимировна открыла сумочку, чтобы достать новый бумажный платок.

– Что вы расчихались? – поморщилась Штангенциркуль. – Если болеете, берите больничный, сидите дома. Здесь школа, здесь дети, а вы чихаете.

– Ой! – воскликнула Нина Владимировна.

– Что еще?

– Конверт.

– Какой конверт?

– Клара Степановна, у меня в сумке конверт, а в нем... деньги, – Нина Владимировна пересчитала наличность, в недоумении уставившись на завучиху. – Ровно сорок тысяч.

– А-а, проснулась все-таки в ком-то совесть.

– Вы думаете...

– И думать нечего. В таких случаях говорят так: лучше поздно, чем никогда.

– Кто же это мог быть?

– Вам виднее.

– Считаете, кто-нибудь из моих ребят?

– Вы наивны, как ребенок, Нина Владимировна. Не учителя же подложили вам в сумку конверт с деньгами. И не дядя с улицы. Радуйтесь, что хоть с вами перед Новым годом произошло чудо, – Штангенциркуль кивнула на конверт и ехидно добавила: – Поверьте мне, редко, очень редко, но и у них просыпается совесть.

Нина Владимировна ничего не ответила.

ГЛАВА 20

ВОТ ТАК ВСТРЕЧА!

После Нового года Диана на неделю улетела на съемки в Карелию, мы с Люськой остались одни. Шестого января я предложил ребятам встретить Рождество за городом.

- У родителей? – скривилась Люська.
- Зачем нам родители, можно на дачу Дианы.
- У Дианы есть дача? – удивилась Алиса.
- Есть. В десяти километрах от Москвы.
- Здорово, Глебыч. Я согласен.
- Меня родители могут не отпустить.
- Алис, с нами отпустят, – Люська потерла ладони.
- Шашлычок на улице забацаем. Глеб, надо бы туда сегодня смотаться, посмотреть, что и как.

- Поехали.
- Дим, ты с нами?
- Естественно.
- Алис?
- А куда я денусь. Только мне домой надо забежать переодеться.

– Тогда встречаемся возле подъезда через пятнадцать минут.

Пока я одевался в своей комнате, Люська безуспешно искала связку ключей.

– Глеб, их нигде нет.

– Смотри лучше.

– Все осмотрела.

– Не переживай. Есть дубликаты, – я прошел в темную комнату и, пошарив на полках, отыскал запасную связку.

– Откуда у нас дубликат ключей?

– Диана их теряет часто. Запасными ключиками я заранее обзавелся.

– Чтобы мы без тебя делали, – хохотнула Люська.

– Иди одевайся, время поджидает.

За город мы приехали в начале четвертого. Дошли по расчищенной от снега дороге до своей улицы, свернули направо, замерев в нерешительности у кованых ворот.

– Так, – протянула Люська. – Че-то не врубаюсь в ситуацию.

На участке стояла черная иномарка.

– Это чья машина, Глеб? – Алиса крепче сжала мою руку.

– Дианы.

– Но она же в Карелии.

– В Карелии, – кивнул я. – Во всяком случае, нам с Люськой она сказала, что улетает именно туда.

– И как быть? – Димон пнул ногой ворота. – Сваливаем в город?

– С какой стати? – Люська открыла калитку и пошла на участок.

– Люсь, подожди.

– А чего ждать? Пошли-пошли, хватит топтаться. Как хотите! – отмахнувшись, Люська пошла к дому по протоптанной дорожке.

– Глебыч, а дорожка хорошо притоптана.

– Вижу.

– Получается, по ней тут часто ходили.

– Ничего не понимаю. Люсь! – крикнул я. – Куда понеслась, нас подожди!

– Подтягивайтесь быстрее.

На крыльце я приложил ухо к двери, прислушался.

– Ой, не могу, – засмеялась Люська. – Ты бы еще фонендоскоп прихватил. Хватит сыщиком прикидываться. Открывай дверь.

Я опустил ручку.

– Облом, – усмехнулся Димон.

– Что, закрыта?

– Да.

– Блин. Придется стучать, – и Люська начала барабанить по двери.

Минут пять из дома не доносилось ни звука, потом мы услышали торопливые шаги и взволнованный голос Дианы.

– Кто там?

– Свои, – сказала Люська.

– Кто? – повторила Диана.

– Диан, это мы. Открывай.

Первый вопрос, который она нам задала, касался нашего внезапного приезда.

– Хотим встретить здесь Рождество.

Диана мотнула головой.

– Это невозможно.

– Почему?

– Завтра ко мне приедут друзья.

– Мы им помешаем?

– Вам будет скучно в нашей компании.

– В вашей компании скучно не бывает, – Люська хотела пройти в дом, но Диана ее не пустила.

– Ты чего, Диан?

– Люсьена, вам лучше вернуться в город.

– Почему ты сказала, что уезжаешь на съемки? – спросил я, заподозрив неладное.

– Глеб, возвращайтесь домой, позже я все объясню.

– Но я хочу пить. Пусти меня.

– Люсьена...

Диана не успела договорить. К двери с громким лаем подбежала белая болонка. Вертя пушистым хвостиком, собачонка тявкала не переставая и все порывалась встать на задние лапки.

– Кто это? – Люська села на корточки. – Откуда у тебя собака?

Диана быстро обернулась назад, ее щеки запылали. Я не верил глазам.

– Это Грушка! – сказал я, пристально глядя на Диану. – Грушка!

Словно в подтверждение моих слов, болонка заскулила.

– Не слабо, – прошептал Димон.

– Проходите, – Диана развернулась и пошла в гостинную.

Там она села в глубокое кресло и, глядя на дверь, ведущую в кухню, крикнула:

– Рита, выходи.

Алиска чуть сознание не потеряла, увидев появившуюся в гостиной Маргариту Григорьевну. Люська разинула рот, Димон от растерянности топтался на месте и нечаянно наступил на лапу Грушке. Я был ошарашен не меньше ребят.

– Как они узнали, Диана? – спросила Грушевская, улыбаясь виноватой улыбкой.

– Захотели встретить здесь Рождество. Если бы не твоя псина, мне удалось бы их спровадить.

– Маргарита Григорьевна, что вы здесь делаете? Диана, как это понимать? Вы же... вы...

– Враги? Соперницы? Это ты хотела сказать?

– И это тоже.

– Люсьена, ты хотела пить, я приготовлю чай.

– Нет, немедленно объясните, что тут у вас происходит.

– Ничего особенного, Люся, – Маргарита взяла на руки Грушку и села на край дивана.

– Вы слышали? Ее разыскивает полиция, газеты трубят, что актриса Грушевская давно мертва, а она сидит тут и говорит, что ничего особенного не произошло.

– Вы хоть разденьтесь, здесь жарко, – сказала Диана. – Потом поговорим.

Вешая в раздевалку дубленку, Люська продолжала негодовать.

– Я в шоке! Когда Грушевскую увидела, думала, у меня глюки начались.

– Та же фигня, – согласился Димон.

– Ребят, – Алиса протянула мне пальто и, встав перед зеркалом, стала поправлять челку. – Такое ощущение, что нас одурачили.

– Точно, – Люська оттолкнула крутившуюся под ногами Грушку. – Иди отсюда, не до тебя!

...На кухне Маргарита Григорьевна сказала:

– Я очень на вас надеюсь.

– То есть?

– Люсьена, никто не должен знать о том, что Рита все это время находилась в моем доме. Это испортит весь замысел.

– Хм, это я уже поняла. Непонятно другое...

– Вы все узнаете, – перебила Маргарита Григорьевна. – Я не буду вдаваться в подробности. Начну, пожалуй, с того, как некоторое время назад после десятилетия полного забвения у меня раздался звонок. Звонил продюсер сериала, в котором сейчас снимается Алиса. Валерий предлагал мне роль. Не ту, что я играю сейчас, другую – роль пожилой кухарки, – Грушевская усмехнулась. – Вспомнили, называется. Роль кухарки... Господи, они окончательно списали меня со счетов. Конечно, кого я могу играть в свои шестьдесят три года. Мать, тетку, бабу, соседку, учительницу... Эпизодические роли.

– Кто-то должен играть и эпизоды, – ехидно сказал Димон.

– Дима, – вспыхнула Диана. – Ты многого не понимаешь. Марго рано выбили из строя. Именно выбили, по-другому не скажешь. Но благодаря случаю у нее появился шанс.

– Что за случай?

– Я предложила Валерию встретиться, – сказала Грушевская, – и сразу же позвонила Диане.

– Минутку. Вы же были в ссоре.

– Люсьена, мы давно помирились. Все остальное – видимость.

– Но зачем? – не мог понять Димон.

– Часть имиджа, – ответила Диана.

– Для меня это темный лес, Глебыч.

– А я, кажется, начинаю понимать.

– Я продолжу, – сказала Маргарита Григорьевна. – В тот день после встречи с Валерием я поняла, что надо срочно меняться. Если упущу еще хотя бы год – окончательно сгину в забвении. Новая жизнь началась с нового листа. Надеюсь, никому не надо объяснять, как это делается?

– Знаем мы рецепт этого коктейля, – усмехнулась Люська. – После шести не есть, регулярно заниматься спортом, быть доброй, никому не делать зла, не завидовать и трубить на каждом шагу о хорошей генетике. Ах да, совсем забыла о главном ингредиенте – скальпеле пластического хирурга.

– Люсьена, не издевайся.

– А я чего, я ничего.

– После операции прошло полгода, я снова встрети-
лась с Валерием, и... – Грушевская выдержала паузу. – Он предложил мне роль. Не ахти какую, но все-таки уже не пожилой кухарки. А потом Валерий обмолвился, что весной следующего года планирует запустить новый проект. Успех и высокие рейтинги гарантированы. И я могу получить в сериале главную роль.

– Это из-за новой внешности?

– Не совсем. Долгое время я считалась успешной актрисой.

– Звездой, – сказала Диана.

– Потом меня позабыли, как и многих до меня. И существует вероятность, что могут не вспомнить. Кто я? Бывшая актриса, бывшая звезда. Бывшая! Бывшая! Бывшая! А бывшим не предлагают главных ролей. Бывшие должны отойти в сторону и приспособиться к новым реалиям.

– Но вам-то как раз и предложили. И не кто-нибудь, а сам продюсер. Значит, все у вас должно быть в шоколаде.

– Так и будет теперь, – по-королевски кивнула Маргарита Григорьевна. – Потому что так и было задумано изначально. С легкой руки Валерия я снялась в рекламном ролике, потом он устраивал мне интервью, съемки в ток-шоу. Я постепенно возвращалась к прежней жизни, всплывала, так сказать, на поверхность. Но этого было мало. Я по-прежнему оставалась бывшей. Для настоящего возвращения требовался взрыв.

– Какой взрыв?

– Информационный. Тот, который и произошел. Включите телевизор, откройте газету, Интернет... Мое имя у всех на устах. Люся верно сказала, многие меня уже похоронили. Это, конечно, ужасно, но этот шаг был необходим. Без него настоящее возвращение не состоится.

– Как вы все устроили?

– С этим не возникло проблем. Ночью я упаковала вещи, мне помогал Валерий, и он же отвез меня на дачу Дианы.

– И как долго вы собираетесь морочить всем голову?

– Чуть больше месяца.

– А потом?

– Появлюсь.

– Возродишься из пепла, – засмеялась Диана.

– Да, как феникс.

– А что вы скажете людям, друзьям, знакомым, полиции?

– Ничего я полиции не скажу. Потому что ничего не буду помнить. Амнезия, – Маргарита Григорьевна растянула губы в улыбке.

– Капец! – выдохнула Люська.

– Решили последовать примеру Агаты Кристи? – спросил я. – Помнится, в одной из серий она совсем как вы – тоже внезапно исчезала, а после пеняла на амнезию.

– А что делать, Глеб? Хочешь жить – умей вертеться. Шоу-бизнес и кино – не для слабаков.

– Вам не кажется, что это немного жестоко?

– Нет. Я возвращаюсь туда, где нельзя по-другому. Валерий уверяет, что новый виток славы и интереса к моему таланту мне теперь обеспечен. Я и сама это чувствую.

– Бабушка! Как ты могла так всех надуть, даже меня? А как ты возмущалась, когда я заводила разговор о Маргарите Григорьевне, – набросилась на Диану Люська. – Просила не произносить ее имя. А на ток-шоу ты зачем сказала, что Маргарита собиралась выходить замуж?

– Люсьена, все это было необходимо для подогрева публики. Главное, чтобы в прессе ежедневно мусолились сочные версии. Не важно, что они заведомо ложные. Важны слухи! Слухи и только слухи! Слухами земля полнится.

– Маргарита Григорьевна, помните, в ваш последний съемочный день мы столкнулись за декорацией? Вы разговаривали по телефону, потом он у вас упал, и вы произнесли фразу на латыни...

– Помню. Я сказала, что даже телефон против, чтобы я отправилась к праотцам.

– Что вы имели в виду?

– Я разговаривала с Дианой. Она предлагала остановиться на версии, что я могла покончить жизнь самоубийством. Мне версия не нравилась, а потом из рук выпал телефон. И я сказала, что он тоже против этой версии.

– Это верх всяческого лицемерия! Вас двоих надо прилюдно выпороть на площади, – в сердцах воскликнула Люська.

– Продюсера забыла, – напомнил Димон.

– И его тоже. Замутить такое дело, и ради чего...

– Ради второго шанса, Люсьена.

– Да ну вас! – Люська встала и, сердито хлопнув дверью, вышла из кухни.

Мы ушли следом за ней.

– Обиделись, – улыбнулась Диана.

– Ничего, отойдут.

В гостиной я спросил у Алиски:

– И ты хочешь стать такой же, как они?

– Нет.

– Тогда беги из этой профессии.

– Не могу, – рассмеялась Алиска. – Крепко меня засосало.

– Родная бабушка! Родная бабушка так обвела нас вокруг пальца, – продолжала возмущаться Люська. – Так играла, так притворялась – комар носа не подточит.

– Что ты хочешь, она профессиональная актриса. Ты же сама говорила: талант!

В гостинную вбежала Грушка.

– Еще одна актриса! Слушай, хватит тявкать! Дим, сделай так, чтобы она заткнулась.

Юрий Ситников

- А что я могу сделать?
- Не знаю, придумай что-нибудь.
- Придумал! Предлагаю одеться и свалить отсюда поскорее.
- Отличная идея!
- А как же Рождество за городом?
- В компании актрис? Нет уж. Пусть сходят с ума без нас.

...Через пару дней Люська начала писать новый ужастик под названием «Актриса возвращается»...

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. КЛАССНЫЙ ЧАС.....	3
ГЛАВА 2. ЕГО ЗОВУТ МУЗ.....	15
ГЛАВА 3. РАДОСТНОЕ ИЗВЕСТИЕ.....	24
ГЛАВА 4. В ПОИСКАХ ВИНОВНЫХ.....	35
ГЛАВА 5. КЛАССНАЯ РАЗБОРКА.....	47
ГЛАВА 6. КИНО ВМЕСТО ШКОЛЫ.....	60
ГЛАВА 7. НА СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКЕ.....	69
ГЛАВА 8. ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ДАНЫКА.....	81
ГЛАВА 9. ОШИБОЧКА ВЫШЛА.....	90
ГЛАВА 10. ДЕЛА КИНОШНЫЕ И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ..	99
ГЛАВА 11. ЗАПИСКА.....	115
ГЛАВА 12. AD PATRES.....	124
ГЛАВА 13. МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ.....	136
ГЛАВА 14. ТОК-ШОУ, КОНТРОЛЬНАЯ И ФОТОСЕССИЯ....	147
ГЛАВА 15. ЛЮСЬКА И ФЭН-ШУЙ.....	161
ГЛАВА 16. КУДА ИСЧЕЗЛА ГРУШКА?	171
ГЛАВА 17. ПОЙМАТЬ НА ЛЖИ.....	184
ГЛАВА 18. ДОВЕДЕННАЯ ДО ОТЧАЯНИЯ.....	194
ГЛАВА 19. ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА.....	204
ГЛАВА 20. ВОТ ТАК ВСТРЕЧА!	212

Литературно-художественное издание

Таинственные приключения

Ситников Юрий

АЛИБИ ДЛЯ 10 «Б»

Повесть

Для детей среднего и старшего школьного возраста

Ответственный за выпуск *В. В. Ивлева*

Редактор *Ю. И. Вилуха*

Технический редактор *В. Д. Павлык*

Подписано в печать 13.02.2014. Формат 84х108 1/32.

Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 3050 экз. Заказ 597.

Общество с ограниченной ответственностью «Букмастер».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя № 1/62 от 22.10.2013.

Ул. П. Глебки, 11, 220104, Минск.

Государственное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

